P3 2/98
2I

13.2/92

3 в

М. Н. ВАСИЛЕВСКИЙ

176

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

в Симбирской (Ульяновской) губернии до 1917 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1281/5

Издание Ульяновского Губпрофсовета
УЛЬЯНОВСК, 1925

Р3 9/98

М. Н. ВАСИЛЕВСКИЙ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

в Симбирской (Ульяновской) губернии до 1917 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ УЛЬЯНОВСКОГО ГУБПРОФСОФЕТА
УЛЬЯНОВСК, 1925

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 47901
26-II-1926.
БИБЛИОТЕКА.

Гублит 1870. Тираж 1000.

Ульяновск, Гостипо-лит. № 1 Комбината ППП—612—25.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие . . . . . 1—2

I.

Фабрично-завод. промышленность Симбирской губ.:
Естественные предпосылки развития промышленности . . 3
Зарождение промышленности в Симбирской губернии . 5
Крепостной и наемный труд в промышленности . . . 12
Положение фабр. рабочих в дореформ. период (женский и детский труд, рабочий день, заработная плата). 16
Рабочее движение в дореформенную эпоху 22

II.

Промышленность в дореформенную эпоху 23

III.

Текстильная промышленность и текстильн. пролетарит—база рабочего движения 31
Состав промышленных рабочих 34
Женский и детский труд в последние десятилетия . . 36
Рабочий день в Симбирской промышленности . . . 40
Жилищно-санитарные условия 43
Заработная плата и способы ее выплаты 46
Штрафы 54
Правовое положение рабочих. Жалобы рабочих. . . . 55

IV.

Рабочее движение до 1905 года: . . . . . 69—85
Забастовка на Ст.-Тимошкинской сук. ф-ке (73), типографских рабочих (75), на Тепловской сук. ф-ке (77), конфликты на Гурьевской и Екатериновской сук. ф-ках (80), закон о старостах (81).

1905-1907 годы: . . . . . 86—156
1905 г.: забастовка мелких групп ж.-д. телеграфных служащих (88), Алатырских жел. д. рабочих (89, 99, 109), на ф-ке Шатрова (98, 107), на Екатериновской сук. ф-ке (107), движение среди рабочих Гурьевской ф-ки (108), забастовка почты и телеграфа (109), борьба торговых служащих за праздничный отдых (111), начало движения среди пекарей и кондитеров (114), стачка и организация союза печатников (117), рабочее движение на разных предприятиях (118).

Стр.

1906 г.: увольнения рабочих на Екатериновской ф-ке (120), забастовка на Под'ячевской ф-ке (120), на Игнатовской ф-ке (121), на Тимошкинской ф-ке (122), на Л.-Матюнинской ф-ке (122), на Пановской ф-ке (124), на Самайкинской ф-ке (124), на ф-ке Протопопова и действия войск в Гурьевском районе (расстрел гурьевских рабочих (125-143), забастовка ломовых извозчиков в Симбирске (143).

1907 г.: Убыль забастовочного движения (144), забастовка на Тепловской ф-ке (147), раб. типографии Токарева (148), волнения на Языковской ф-ке (149), забастовка на Самайкинской фабрике (149), на ф-ке Шатрова (155).

Общества Взаимопомощи . . . . . 157—163

Профессиональные союзы . . . . . 164—208

Время организации союзов. Полицейские рогатки „Чистка" союзных уставов. Прорыв «блокады».

Численный состав союзов (174), финансы союзов (175), цели и задачи союзов по их уставам (179), борьба союза торговых служащих за праздничный отдых (181), другие виды союзной деятельности: помощь при безработице, ссуды, подыскание работы (187). Культурная работа союзов (189). Классовый состав союзов (189). Организационное настроение союзов (192). Полицейские налеты на союзы (195). Профессиональное движение среди народных учителей (197). Идеология профдвижения этого периода (203). Союз железнодорожных служащих и рабочих (207).

Между двумя революциями . . . . . 209—242

1908-1911 годы: хозяйственный кризис и положение рабочих (209), забастовки на Гурьевской ф-ке (214), беспорядок на Ерыклинском лесопильном заводе (215), конфликты на Ляховской и Баз.-Сызганской ф-ках (215), забастовки на Ишеевской и Игнатовской фабриках (215).

1912-1916 годы: промышленный под'ем 1912 года и в связи с импер. войной (219), тяжелое положение рабочих и тревога полиции (220), Ленский расстрел (223), забастовка на ф-ках Акчурина и Агишева (224), на Игнатовской ф-ке (225), усиление реакции в связи с войной (226), забастовка на ф-ке Шатрова (228), профессиональное движение в период между двумя революциями (окончательный разгром сызранских приказчиков (230).

Заключение . . . . . .

Оглавление . . . . . .

Предисловие.

Только теперь, в период мирного строительства, мы имеем возможность заняться, как следует, историей борьбы рабочего класса за социализм.

Всюду профессиональные организации, как и органы Истпарта, занялись серьезными „раскопками“ в архивах, чтобы по частичкам выявить данные об отдельных эпизодах этой великой борьбы, обо всех организованных выступлениях рабочих против капиталистов и самодержавия.

Будущим историкам таким путем облегчается задача—суммирование картины рабочего движения в целом.

В издаваемой Губпрофсоветом книге тов. Василевского сделана первая попытка дать более или менее цельную картину рабочего движения в б. Симбирской губернии, начиная с первых моментов его зарождения в прошлом столетии и кончая империалистической войной 1914—16 года.

Без сомнения, эта книга является нужной частицей, ценным вкладом в общую историю рабочего движения. Хорошее качество книги—богатство фактического материала, множество интересных документов, ярко рисующих особенности рабочего движения в условиях Симбирской губернии.

Классовая борьба в нашей губернии, в прошлом, не блещет крупными событиями, массовыми организованными выступлениями. Но если серьезно вдуматься в прошлое, в ужасающие условия жизни рабочих в нашей, в прошлом дворянско-крепостнической губ., то описанные в книге моменты проявления ожесточенной классовой борьбы должны вызвать законную дань удивления и уважения к тем пионерам рабочего движения нашей губ., имена которых частью приведены в книге.

В книге тов. Василевского суммированы все имеющиеся (вернее сохранившиеся) материалы о возникновении Профессиональных Союзов у нас в губернии в 1905 г. (только общество приказчиков в г. Сызрани возникло в средине 1890 гг.), описано также их исчезновение во времена черной реакции.

Книга является 1-й частью истории профдвижения губернии, 2 я часть ее должна будет дать описание жизни профсоюзов в революционный период

Какова полезность книги тов. Василевского для Профессиональных Союзов Ульяновской губернии?

Полезность, без сомнения, огромная.

Сейчас у нас работают много кружков по изучению профдвижения. Для этих кружков и, вообще, для всех профработников необходимо прежде всего знать историю рабочего движения своей губернии.

Нужно это для того, чтоб осмысленнее подходить к работе в настоящее время, знать—какие изменения произошли в рабочих массах и промышленности за последние десятилетия и как эти изменения происходили.

Не безынтересно будет почитать эту книгу и каждому рядовому рабочему и служащему. Здесь увидят свое прошлое и текстильщики, и печатники, и совторгслужащие и многие другие. Многие живые участники стачек, боевых выступлений также увидят себя в этой книге. Многие товарищи, прочитав книгу, вспомнят прошлое и, надеемся, дополнят книгу своими воспоминаниями, а может быть и документами, которые Истпроф ГСПС с удовольствием использует при вторичном издании. Словом—книгу тов. Василевского мы усиленно рекомендуем вниманию членов Профессиональных Союзов и ждем от участников рабочего движения, от „стариков“, критики поправок и дополнений к ней.

И. Ростов.

Фабрично-заводская промышленность Симбирской губернии.

I.

Естественн. предпосылки развития промышленности

Земледельческая по преимуществу, Симбирская губерния *) заключает в себе в тоже время ряд условий для развития фабрично-заводской промышленности.

К таким условиям следует отнести богатые запасы разнообразного топлива: — залежи торфа в поймах многочисленных рек и болот; горючие сланцы в Ундорах, Кашпирах; мощные лесные массивы—источник и дровяного топлива, и основа для развития лесопильного дела и деревообделочной промышленности; горные кряжи таят в себе богатые отложения известняков, гипса, гудрона и других минераллов и горных пород: асфальт и серный колчедан—в Ундорах, Городищах и в Сызранском уезде; жерновой и точиль-

---

*) Нашей губернии выпала честь ностить имя Ульянова...

Однако, не впадая в анахронизм, я решил, в этой части своей работы, сохранить прежнее название губернии. *М. В.*

ный камень—в уездах: Сызранском, Сенгилеевском, Симбирском; меловые пласты даже на поверхности почвы во многих местах губернии; разные сорта глины—от горшечной до фаянсовой и красильной—имеются во многих пунктах губернии, а в некоторых местах губернии были обнаружены залежи железной руды и т. д.

Две судоходые реки—Волга и Сура,—а в последние десятилетия и железная дорога, прорезая губернию в различных направлениях, представляют дешевый транспорт.

Многочисленные несудоходные реки являются источником энергии сотням и тысячам предприятий.

Наличие свободной рабочей силы, имевшейся еще до реформы 61 года и увеличившееся после нее, о чем говорит значительное количество бурлаков, жнецов, ремесленников, уходивших партиями на заработки из пределов губернии, являлось необходимым к тому дополнением. По данным Липинского, у которого заимствованы многие данные о развитии промышленности в дореформенную эпоху (См. материалы для географии и статистики Симбирской г. том II стр. 333, издания 1868 г.) в 1859 году было выдано паспортов, выезжающим из губернии на заработки, 10853, в 1861 г.—9580.

Если принять во внимание, что уходящие на короткие сроки—на 2-3 месяца—на полевые работы—обходятся, обычно, без паспортов, то число ищущих приложения свободных рабочих рук уже в то время было значительно выше.

Зарождение промышленности в Симбирской губ.

Указанные условия явились причиной довольно раннего зарождения в губернии промышленной жизни. Свое начало Фабрично-Заводская промышленность Симбирской губернии, как и многих других пунктов, ведет, повидимому, от Петровской эпохи государственного насаждения крупной промышленности, потребной государству.

Уже в начале XVIII века отмечается существование большого казенного винокуренного завода на реке Люле и серного завода на Самарской Луке; к концу столетия эти заводы уже не существуют. В описании Симбирской губернии, произведенном в восьмидесятых годах того же столетия Масляницким, отмечаются две значительные фабрики: писчебумажная на реке Тале и суконная в селе Тереньге, на которой работало до 1200 рабочих. Кроме указанных, отмечены еще три небольшие суконные фабрики: в с. Монадыши— Ардатов. уезда, в Лаишевке Симб. уез., в Пановке Сызр. уезда и несколько кожевенных и поташных крестьянских заведений.

Начиная же с XIX века, и особенно с 20 годов его, наблюдается интенсивный рост промышленности, обусловленный растущим притоком дворянских капиталов.

Повсеместный упадок цен на сельско-хозяйственные продукты, связанный с кризисом сбыта продуктов сельского хозяйства в 20 и 30 г. прошлого столетия, побудил дворян-помещиков обратиться к промышленной деятельности, к организации фабричных предприятий.

Значительную роль в развитии русской промышленности косвенно сыграла т. называемая „континентальная блокада“, к которой Россия была вынуждена Тильзитским миром и английские хлебные пошлины 1822 года.

„Самое основание помещичьих фабрик, говорит Липинский (указанный труд, страница 7)—можно об‘яснить не иначе, как желанием употребить на производительное дело излишек полученного от земли капитала, потому что употребить этот капитал на улучшение сельского хозяйства считалось невыгодным“. (См. также Туг. Бар. „Русская ф-ка“ изд. Моск. Раб. 1922 г. стр. 88). Насколько значителен был рост промышленности за первую половину века видно из оффициальной ведомости о промышленных заведениях за 1862 год.

Общее число промышленных заведений, по данным этой ведомости, достигло 1261, с оборотом около 3 с половиною миллионов руб. в год.

Главную массу составляли мелкие заведения с незначительной годовой производительностью: так с производительностью, оценивавшейся менее чем в 500 р. было—78% заведений, с производительностью — до 2000 руб.—30 заведен., с производительностью—до 3000 руб.—224 заведения. Главную экономическую мощь промышленности составляли 87 заведений, с общей производительностью в 3.077.000 рублей, при чем производительность 58 дворянских помещичьих фабрик расценивалась в 2333873 рубля (или 75,9%);

25 купеческих — 724362 (23,5%); 4 крестьянских — 18770 руб. (0,6%). (Липинский, стр. 6).

Если распределить все производства по отраслям промышленности, то к концу 1 половины прошлого столетия находим следующее: на долю суконной промышленности приходится 52% стоимости продукции всей промышленности; обработка и переработка хлебных продуктов — 29,4%, кожевенное производство — 5,5%; обработка местных и привозных растительных продуктов—5,2%; остальные фабрики и заводы—7,9%.

Число рабочих, занятых во всех отраслях промышленности, по данным того же 1862 года, достигает 17000 человек (около 1% всего населения губернии), при чем на долю суконных фабрик приходится более 12000 человек, (там же стр. 9, 70-79).

Таким образом первое место в промышленной жизни губернии занимает суконная промышленность. Суконные фабрики в то же время являются и самыми крупными промышленными единицами: с количеством рабочих от 300 до 500, было 8 фабрик, с числом рабочих от 500 до 1000—6 и свыше 1000 человек две фабрики (Ст-Тимошкинская и Румянцевская). Количество рабочей силы в других отраслях промышленности, по тем же источникам, представляется в следующем виде:

На 152 кожев. заводах было занято рабочих 568 чел.
„ 302 паточных заведениях . . . . . 660 „
„ 14 канатных . . . . . 153 „
„ 17 винокуренных . . . . . 599 „

На 353 маслобойных зав. . . . . 354 чел.
„ 2 писчебумажных . . . . . 137 „ *)
„ 8 стекловаренных заводах . . . . 282 „**)
„ 4 чугунно-литейных заводах . . . . 92 чел.
„ 192 кирпичных заводах . . . . . 1224 „

Приведенные цифровые данные, если даже принять во внимание относительную точность казенной статистики, все же рисуют определенно-односторонний уклон в развитии промышленной жизни губернии,— рост базирующихся на привозном сырье суконных фабрик, в то время как остальные виды промышленности, имеющие для себя сырьевую базу в пределах самой губернии, находятся в стадии мелких полукрестьянских промыслов. Кризис экспорта русского хлеба в 20—40 годах XIX столетия, обусловленный рядом причин (таможенная политика Англии—т. называемая система скользящей шкалы—и ряда других стран, навигационный устав Англии, конкуренция прусских портов и т. д. (См. Кулишер—История русской торговли, стр. 273 и след.) отразился на состоянии дворянско-помещичьего сельского хозяйства и вызвал, как указывалось выше, устремление дворянских капиталов в область промышленности. Ряд привилегий, обильно даруемых дворянству, эту деятельность значительно облегчает и начинается, особенно с конца XVIII столетия, в связи с запрещением покупки к фабрикам

*) По данным 1861 г. на писчебумажной ф-ке Кривасина, на реке Тале, на месте бывш. в XVIII веке поссессионной ф-ки, было занято 200 рабоч. и производительнось ее расценивалась в 20.000 рублей.

**) Из них самый крупный, близь села Хананеевки, имел 58 рабочих

крестьян, быстрый рост числа дворянских фабрик, пользовавшихся для фабричных работ трудом крепостных. Особенно много дворянских было среди суконных фабрик, отличавшихся к тому же своими огромными размерами.

Эта же картина наблюдается и в Симбирской губ. „В Симбирской губ.—говорит Туган-Барановский,— до 60 годов значительно преобладали вотчинные дворянские фабрики, основанные на крепостном труде. В 1860 году из 30 суконных фабрик этой губернии только две принадлежали купцам. (Русск.ф-ка стр.238)“. По словам, уже цитированного нами, Липинского из 35 суконных фабрик, существовавших в Симбирской губернии в 1862 году, только четыре принадлежали купцам, остальные же—дворянам-помещикам.

Рост числа суконных фабрик об‘ясняется в значительной мере также и поощрительными мерами правительства. С самого своего возникновения, говорит Т.-Б.—суконное производство было излюбленным детищем русского правительства; оно, (правительство) делало все возможное для его поддержания и развития. Правительство не останавливалось перед выдачей ссуд, для каковой цели в 1809 году был назначен особый капитал в 2 мил. руб.

Поощрения правительства сопровождались регламентацией производства, что в конечном счете задерживало развитие техники производства, отражалось на качестве фабриката и фабрики долго не могли удовлетворить полностью потребность казны в солдатских

сукнах. Только освободившись в 1816 году от правительственной регламентации, производство суконных фабрик начинает расти и в 1822 году впервые покрывает потребность казны.

Но как бы то ни было, казенные поставки для суконных фабрикантов являлись лакомым куском и особенно быстрое возрастание суконного производства в Симбирской губернии начинается с 1848 года, когда внезапно потребовалось огромное количество солдатского сукна. С этого года многие фабрики расширяют свое производство. В 1848—49 годах строятся вновь две обширнейшие ф-ки: Протопопова (в с. Румянцеве) и Акчурина (в с. Ст. Тимошкине), которые выпускают товаров на сумму равную 1/4 стоимости производства всей промышленности губернии.

Время, с 1848 по 1857 год, является особенно благоприятным для развития суконного производства Симбирских дворян-помещиков.

Предвоенные поставки (Крымская война) вызывают необычайный рост числа фабрик: в 1853 году вновь открыто 5 фабрик, в 1854—3 фабрики, а ранее существовавшие фабрики увеличивают свои размеры вдвое и более.

Для привлечения рабочих и ускорения работы на многих фабриках уже в то время начали выдавать постоянную плату с выработки, даже крепостным рабочим. На некоторых фабриках крестьяне-рабочие были переписаны с земли к фабрикам на правах дворовых, дабы не отвлекать их полевыми работами.

Несколько фабрик были поставлены на пары для безостановочной работы летом и зимой. Но начиная с 1858 года поставки на казну сокращаются (в 1856 г. поставка Симб. суконных фабрик достигала 1½ мил. аршин, а в 1858 г. и послед. годы сократилась до 320000 арш, Липинский стр. 31—33) и в делах суконных фабрикантов начинается расстройство, производство сокращается, а на некоторых фабриках и вовсе прекращается, и часть фабрик переходит в аренду к купцам.

Значение казенных поставок усугублялось также и тем обстоятельством, что быстрый рост суконной промышленности обгонял рост нашего внутреннего рынка, т. к. обираемый помещиками крестьянин являлся плохим покупателем, а верхи „общества“ тяготели к „аглицким товарам“.

К выгодам суконных фабрикантов Симбирской губернии относится также и то обстоятельство, что ввоз производственного сырья в центральный промышленный район из Оренбургской, Самарской губерний и западной части Сибири направлялся через Симбирскую губернию. А к этим выгодам прибавлялась дешевизна топлива, наличие водной энергии и, отчасти, некоторого навыка в обработке шерсти среди населения.

Наличием избытка рабочих, при относительном малоземельи, об‘ясняется также значительный количественный рост разных промыслов, являвшихся важным подспорьем крестьянскому хозяйству. Однако эти

промыслы, в подавляющем большинстве случаев являлись только побочными, главным образом, для зимнего времени, занятием крестьянства Примером может служить хотя-бы мельничное дело. По словам обследовавшего губернию в средине пр. ст Липинского, в зимнее время вся губерния превращается, как-бы в огромный завод, перерабатывающий хлеб. Исчисляясь тысячами, эти мельницы, в то же время каждая в отдельности, давали работу одному-двоим рабочим, а еще чаще обслуживались силами самих владельцев-крестьян.

Из наиболее крупных промышленных заведений можно отметить винокуренные заводы, которых в 1858 году насчитывалось в губернии 16, с количеством рабочих 900 человек. (Все винокуренные заводы принадлежали дворянам-помещикам).

8 стекловаренных заводов, занимавших 276 рабочих и писчебумажная ф-ка Кривасина (на месте бывшей в XIII веке поссессионной) с 200 рабоч.

Таким образом в дореформенный период самой крупной промышленностью губернии, с наличием некоторых капиталистических черт, значительной концентрацией рабочей силы и частью „вольных" рабочих, являлась, почти исключительно, промышленность суконная.

Крепостной и наемный труд в Симбирской промышленности.

Основную базу фабричной промышленности составлял принудительный крепостной труд. Особенно это относится к крупной промышленности, возникшей под непосред-

ственным влиянием правительства и широко использовавшей указ Петра (от 18-I—1721 г.) о покупке к ф-кам крестьян и закрепощении беглых.

Промышленность мелкая, по большей части купеческая, независимая от казны, нередко с самого своего возникновения уже применяла наемный труд. В XVIII веке купцы еще настойчиво добивались права покупать к фабрикам крестьян, бывшего монопольной привилегией днорянства.

Однако изменившиеся экономические условия—рост городского населения, распространение отхожих промыслов, вытеснение барщины оброчной системой—неизбежно вели к росту наемного труда, а развивавшаяся техника делала труд вольного рабочего более выгодным, чем труд крепостного. Восстановленное Павлом в своих правах купечество уже не проявляет большого тяготения к купле для фабрик крестьян, а начиная с 30 годов уже определенно замечается тенденция перехода к вольнонаемному труду, по совершенной невыгодности производить работы посредством поссессионных фабричных. Министерство финансов засыпалось просьбами фабрикантов, ясно указывавших неудобства принудительного труда при наличии опытных мастеровых из среды „вольных“ рабочих и введения значительно усовершенствованных машин. „Владение поссессионными фабричными, говорит, фабрикант Колокольцев, обратилось, вместо бывшего прежде пособия в большое неудобство, сравнительно с вольными фабриками, не стесняемыми ни

числом рабочих, ни поведением их, ни искусством, ибо от воли хозяина зависит, занимать-ли работой то или иное число рук, содержать из них, по вольной цене, одних лучших, и при несообразности их поведения, удалять их из заведения". (Т. Б. стр. 105).

Просьбы фабрикантов побудили правительство к изданию закона 18 июня 1840 года, дававшего им право переходить от принудительного к вольнонаемному труду.

Упорнее других держатся за принудительный труд крепостники-дворяне и особенно крупные фабриканты-суконщики.

В начале XIX века (1804 г.) на 2423 фабрики, с 95202 рабочими, приходилось 45625 (48%) вольнонаемных, а на 155 суконных фабриках, с числом рабочих 28689, вольнонаемными были только 2788 чел., т. е. около 10%, и правительство, нуждаясь в сукне, снова, хотя и безуспешно, стремится расширить применение принудительного труда в суконной промышленности.

К 30 годам наемный труд во всей промыленности завоевывает преобладание, а в суконной—достигает почти 20%.

Однако и это увеличение наемного труда в суконной промышленности идет почти исключительно за счет купеческих фабрик, вырабатывающих тонкие сукна для вольной продажи; что же касается грубосуконного производства, занятого поставками на армию,

то таковое продолжало обслуживаться трудом крепостным.

Эта общая картина верна и для Симбирской губ.

До 1861 года все суконные фабрики Симбирской губернии существовали на праве крепостной зависимости рабочих от фабриканта: на одних фабриках большая часть работ выполнялась на основах барщины, на других же—фабричные были на положении дворовых. Несмотря на бесчеловечную эксплоатацию, которой подвергалось работавшее на ф-ке крепостное крестьянство, его труд не давал промышленности таких выгод, как труд вольнонаемных рабочих.

„По расчету, правильно сделанному, при содержании крепостных рабочих с их семействами и при существовании даже кое-какого вознаграждения, крепостной труд на фабрике оказывался часто менее выгодным, чем наемный. Лучшим доказательством этого служит, то, что купеческие фабрики (напр. суконная купца Акчурина, писчебумажная - Кривасина), где все работы производились и производятся наемным трудом, быстро развиваются и совершенствуются с каждым годом, тогда как многие помещичьи с каждым годом падают, а многие приходили в расстройство и были обременены долгами даже при существовании крепостного труда. (Липинский, стр. 9 и 30, см. также Мартов: Развитие промыш., стр. 4*).

---

*) Поссессионная система в Симбирской губ. не получила широкого развития. По десятой ревизии отмечается только 242 рабочих м. п. и 286 ж п., приписанных к Тальской писчебумажной ф-ке; фабрика эта сгорела в 1856 г. и возобновилась в 1860 году на коммерческой основе.

Положение фабрич. рабочих в дореформенный период (женский и детский труд, рабочий день, зараб. плата).

Несмотря на это кабальный, крепостной труд на Симбирских фабриках упорно держался. Низкую производительность фабриканты стремились компенсировать усилением эксплоатации и злоупотреблений. Нароставшие противоречия зарождавшегося промышленного капитализма и отживавшего феодализма давили рабочих-крестьян двойным ярмом барщины и капиталистической эксплоатации.

Об ужасном положении крепостных крестьян на суконных фабриках говорит напр., Н. Тургенев (декабрист): „В последние годы появилось новое несчастье для бедного русского мужика—суконные и другие фабрики... Помещики помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мужчин в жалкие лачуги и силой заставляли работать... Я вспоминаю, с каким ужасом говорили крестьяне об этих заведениях; они говорили: „в этой деревне есть фабрика“, с таким выражением, как если-бы они хотели сказать: „в этой деревне чума“. (Цит. по Т. Б.).

Положение рабочих на Симбирских фабриках до реформы 61 года в высшей степени разнообразно, как в отношении содержания и помещения, так и относительно заработной платы.

В строгом смысле наемный труд встречался только в городских промышленных заведениях и купеческих фабриках. На дворянских вотчинных фабриках наемные рабочие встречались как редкое явление и почти исключительно среди высококвалифицированных рабочих-механиков.

По большей части на помещичьих ф-ках работали крепостные крестьяне, отбывавшие барщину и не получавшие за свой труд никакого вознаграждения.

Незначительная заработная плата, выдаваемая за работу в небарщинные дни, всецело зависела от воли помещика и всегда была значительно ниже таковой на фабриках купеческих.

Рабочий день на многих помещичьих фабриках достигал 12—15 часов, а в летнюю пору—работа продолжалась „от зари до зари“.

На всех фабриках, где только условия производства допускали, применялся женский и детский труд. Материалов, относящихся к дореформенной эпохе и указывающих насколько широко практиковалась эксплоатация детского труда на Симбирских фабриках, у нас нет, но можно быть уверенным, что Симбирские крепостники были не менее падки на детский труд, чем фабриканты центрального промышленного района, широко использовавшие детей из воспитательного дома, подобно тому, как их английские собратья получали малолетних рабочих из приходских домов для бедных. „Иногда при самом учреждении фабрики заранее выговаривалось условие, что на фабрику будут определяться питомцы воспитательного дома“. (Туг.-Бар. Русск. ф-ка, стр. 77, 78).

На суконные фабрики малолетние поступали на работу с 9—10 лет и работали зимой 15—17 часов, летом 14—16 часов в сутки. (Там же стр. 113).

По данным, относящимся к 1863 г., т. е. вскоре за „великой реформой“, на Симбирских суконных фабриках на 12000 рабочих приходилось 3000 женщин и 1700 малолетних в возрасте от 9 до 16 лет; цифры эти едва ли не преуменьшены, т. к. на отдельных фабриках, по данным обслед. Симб. Стат. К-та, детский труд достигал еще больших размеров: на Ишеевской фабрике, из 470 рабочих, женщин было 60 и 200 малолетних, с оплатою от 1 р 20 к. в месяц; на Линевской фабрике из 496 рабочих, женщин было 100, детей—200; на Гурьевской—работало мужчин 370, женщин—290, малолетних—270. (См. очерк Истор. Союза Текстильщ., стр. 8).

Величина заработной платы на вотчинных фабриках, как уже указывалось, всецело зависела от произвола помещика-фабриканта и всегда была мизерна.

Но и это не удовлетворяло хозяев и разными способами они ухитрялись урвать и отсюда. Наиболее широко практиковался (и там, где господствует буржуазия, практикуется до наших дней) излюбленный буржуазией способ расплаты с рабочими—товарами. Под разными предлогами заработная плата задерживалась, а „оборотливые“ фабриканты устраивали при фабриках лавочки с необходимыми для крестьян вещами. Вещи эти владелец фабрики покупал гуртом по сходной цене и отпускал в долг, вернее в счет заработной платы, по ценам „не выше базарных“.

„Но в итоге, подобные учреждения, говорит Липинский, были весьма невыгодны рабочим, которые ча-

сто до того задалживали, что должны были два, три года работать даром; но все-таки и расчетливые работники забирали иногда и часть жалованья вещами единственно потому, что знали, как трудно из конторы получить жалованье деньгами". Даже на „образцовой", Румянцевской фабрике, где, по словам того же автора, крепостные отношения выразились в строгом порядке работ, в постоянном усиленном труде и где была заметна „заботливость" хозяина об улучшении положения рабочих в материальном и нравственном (?!) отношениях, случалось, „что крестьяне чрезвычайно легко запутывались в долги и работали уже без всякого вознаграждения"...

Так пеклись о материальном положении и „нравственности" своих рабочих-крестьян дворяне фабриканты.

Каково же было положение вольнонаемных рабочих? Вольнонаемный труд на дворянских фабриках встречался в незначительных размерах. Чаще всего „вольные" рабочие встречались среди квалифицированных слоев рабочих, т. е. среди рабочих с более или менее значительной выучкой.

Иное дело купеческие фабрики. Лишенное права покупки к фабрикам крестьян (см. Т.-Б. Русск. ф-ка стр. 35 и след.), купечество было вынуждено пользоваться трудом исключительно наемных рабочих.

Наличие крепостного права, медленный рост городского населения обуславливали недостаток обученной рабочей силы и, естественно, создавали бла-

гоприятные условия для более высокой заработной платы. Постепенный переход от барщины к оброчной системе увеличил приток квалифицированных рабочих рук, но, как общее правило, на протяжении всей истории промышленности дореформенной России чувствуется в них недостаток.

Средняя заработная плата „вольных“ рабочих в нашей губернии до 1862 г. была следующая:

Дети от 1 р. до 2 р. 50 к. сереб. в месяц; женщины от 2 р. до 6 руб.; мужчины от 3 до 15 руб.; высший разряд мастера, техника, механика от 15 до 40 рублей.

В частности для суконных фабрик высшей заработной платой была (Липинский—стр. 57—59): аппаратный мастер 25 р. в мес.; рабочий при щипальной машине 5 р.; подручный—3 р.; рабочий на аппарате 5 р.; пряха основ—5 р. 50 к.; пряха уточная—4 р. 50 к.; присучалка—2 р.; мотальщицы 3 р.; ткачи—10 р.; шпульники—1 руб. 50 к.; валяльный мастер—22 р. 50 к.; рабочий в валенке—4 руб.; красильный мастер—25 р.; рабочий при красильне—3 руб.; стригальщик—10 р.; прессовщик—6 р.; сторож—4 руб.; конторщик или смотритель—50 р. Ткачи, как правило, работали сдельно—„с половинки“, при чем на фабрике Акчурина, в Тимошкине, была установлена оплата от 1 руб. 75 к. до 2 руб. 50 к. сереб. за половинку (кусок около 40 арш.). Такой же высоты расценки, для ткачей были установлены и на крупнейшей дворянской фабрике—Протопопова в с. Румянцеве.

Сравнительно высокая заработная плата русского рабочего в дореформенную эпоху поддерживалась, как уже указывалось выше, превышением спроса на рабочие руки над их предложением, а с другой стороны, поскольку развивалась оброчная система, в заработную плату, кроме денег на содержание самого рабочего, входил еще и оброк, которым облагал его помещик *). (См. Покровский—Русская Истор., ч. I, стр. 85).

Лучшие условия труда, как уже отмечалось выше, были на купеческих фабриках, но эти последние не получили значительного развития в Симбирской губернии, исчислялись единицами и были незначительны по размерам. Самой значительной из них была суконная фабрика Сулеймана Акчурина при селе Старом Тимошкине, основанная в 1849 году и с самого основания пользовавшаяся наемным трудом. Состав рабочих был самый разнообразный. Тут были крестьяне-оброчники, отставные и бессрочно отпущенные

*) Тем не менее приведенные цифры заработной платы, взятые из указанного выше труда, повидимому следует считать несколько преувеличенными. Эту мысль подтверждает следующее обстоятельство: в Симб. губернских ведомостях за 15 декабря 1862 г. помещено об'явление от суконной ф-ки Бобылева о вызове рабочих по нижеследующих ценам: ткач со шпульником на своем содержании—6 р. 75 к.; чесарь—4 р.; стригальщик от 5 до 7 р.; валяльщик от 5 до 7 р.; промывальщик 5—8 р.; пряхам: ровничным—4 р.; основным от 3 р. 70 к.; уточным—3 р. 50 к.; присучалкам от 1 р. 50 к. до 2 р. Все рабочие нанимались на своем содержании, рабочих дней в месяц 26; урок—посильный. Однако, в данном случае следует учесть и то обстоятельство, что об'явление относится к концу 1862 года, когда могли уже сказаться „благодетельные“ результаты ограбления крестьян.

солдаты, а при беспрерывно меняющемся составе, немудрено, что было много и „беспаспортных“.

Были, впрочем, и здесь постоянные рабочие, в роде крепостных, это задолжавшие Тимошкинские татары, которые составляли не менее половины всех рабочих. Закабаленные—они часто бывали вынуждены работать за пониженные расценки.

Но и тогда, когда заработная плата оставалась номинально высокой, системой уроков, вычетов за прогулы, штрафами и т. п. мошенническими приемами, до которых „неблагородные“ купцы были падки не менее „благородных“ дворян, фабрикант находил возможность выжать из рабочих не одну лишнюю каплю кровавого пота.

Рабочее движение в дореформенную эпоху.

Через всю первую половину XIX века яркой чертой проходит упорная, полная героизма, хотя и неорганизованная борьба фабричных рабочих против кошмарной эксплоатации. Но эта борьба велась, главным образом, поссессионными рабочими—первым зародышем промышленного пролетариата. Связанный же с землей Симбирский крепостной полукрестьянин, полурабочий, стонущий под двойным ярмом „богом данного“ помещика и фабриканта, не решался подняться на свою защиту, не осознав возможности улучшения своего положения, безропотно продолжал тянуть лямку. „Самая жизнь, привычки и семейный быт большей части фабричных рабочих, нося обыкновенную обстановку крестьянина-земледельца—в особенности при условии

непостоянного пребывания на фабрике, отразились на нравственной стороне фабричных, между коими не замечается той распущенности, какою отличаются фабричные рабочие чисто мануфактурных и промышленных округов России", умиляясь повествует—близко наблюдавший Симбирскую промышленность и положение рабочих Липинский. Да, Симбирским рабочим, да и не одним им недоставало „распущенности", чтобы разогнуть спину и сбросить ярмо рабства...

II.

Промышленность в пореформенную эпоху.

Выше мы уже видели, что крепостной, кабальный труд при всей своей дешевизне, даже при наличии самой бесчеловечной эксплоатации, оказывался, малопроизводительным и невыгодным. Поэтому уже за долго до реформы 61 г. началось медленное, но неуклонное отмирание фабрики, основанной на кабальном труде, а рядом зарождался и развивался тип новой, капиталистической фабрики—основанной на труде вольнонаемных рабочих.

Особенно упорно держался крепостной труд в тех отраслях промышленности, которые по характеру своей продукции и способу сбыта ее были наименее связаны с общим рынком, как, например, горнозаводская промышленнесть (главным образом Урал) и фабрики солдатских сукон, поставлявшие свою продукцию, почти исключительно, в казну.

Реформа 19 февраля значительно потрясла русскую промышленность и в первые годы после освобождения крестьян, по словам М. Покровского, наша промышленность пошла назад, а не вперед.

Но с течением времени выгоды вольного труда выявились и, после некоторой заминки, промышленность, особенно хлопчатобумажная, быстро пошла вперед. (См. Покр. Истор. Рус., ч. 2, стр. 88, 89).

Последствия крестьянской реформы наиболее легко изжились там, где вольнонаемный труд играл уже первенствующую роль задолго до нее. Суконное же производство вообще, и в Симбирской губернии в частности, в связи с реформой испытало сильное потрясение.

По данным Туган-Барановского в 1860 г. по всей стране числилось 432 суконных фабрики с 94721 рабочим, а в 1863 г.—365 фабрик, с 71797 рабочими. (Русская ф-ка, стр. 240).

Симбирские суконные фабрики пережили особенно острый кризис. С уничтожением крепостной зависимости рабочих от фабрикантов многие помещичьи фабрики были поставлены в крайне затруднительное положение: нужны были оборотные средства не только на заготовку материалов, но и на наем рабочей силы, на перевозку топлива и т. д. Что же касается труда временно-обязанных, то он был так невыгоден, что большинство фабрикантов предпочитало вольно-наемный труд, или же закрывать и сдавать предприятия

в аренду. Таким образом уже в 1862 году были сданы в аренду фабрики в селах: Ундорах, Полдамасове, Кезьмине, Языкове, Феоктистове, Гурьевке, Усть-Урене и Репьевке; кроме того на трех фабриках производство было прекращено и несколько фабрик значительно сократили производство. „По частным сведениям, говорит неоднократно цитированный нами Липинский, в 1863 году фабрик сданных в аренду насчитывается 13 и нет сомнения, что в непродолжительном времени большинство суконного производства губернии перейдет в руки коммерческих людей“...

Ту же картину кризиса помещичьих, дворянских фабрик рисует и Туган-Барановский. По его словам, крестьянская реформа нанесла тяжелый удар вотчинным фабрикам Симбирской губернии. К концу 60 годов в руках дворян осталось только 8 фабрик, на 10 дворянских фабриках производство совсем приостановилось, другие были отданы в аренду купцам, за то число купеческих фабрик возросло до 10. (Русск. фабр. 239).

Число суконных фабрик, особенно сильно возроставшее в последнее десятилетие перед реформой (с 1850 по 1860 открыто 16 ф-к), *) начиная с крестьянской реформы неуклонно падает: в 1860 году имелось 35 фабрик, в 1866 г.—25, а в 1876—23 фабрики. В последнем году по губернии насчитывалось

*) См. Очерк Истории Союза Текстильщиков.

2848 промышленных заведений с 19617 рабочими, с выпуском продукции на 4.933,4 тысяч рублей. Под влиянием общего промышленного застоя первой половины восьмидесятых годов число текстильных фабрик сократилось до 18, с количеством рабочих менее шести тысяч, с продукцией, оценивавшейся в 2253,6 тысяч рублей.

Дальнейший ход развития промышленности в губернии представляется в следующем виде: (См. сл. табл.).

Таким образом к средине 80 годов прошлого столетия число суконных фабрик сократилось до размеров, оставшихся без значительных изменений вплоть до революции 1917 года.

Наиболее тяжелым для суконной промышленности губернии было начало 1890 гг., когда падение стоимости выпускаемой продукции достигло наибольших размеров: так в 1890 году стоимость продукции суконных фабрик не достигала и двух миллионов рублей, что стояло в связи с обнищанием крестьянства, вызванным неурожаями. Понижение покупательной силы крестьянства не могло пройти бесследно для промышленности и особенно для наших суконных фабрик, уже в значительной мере работавших крестьянские сукна.

Однако первое трехлетие девяностых годов было переломным моментом. С 1893 года начинается общее хозяйственное оживление и неслыханное развитие промышленности, принявшее по словам М. Покровского, даже не европейский, а „американский“ характер.

Годы.	Общее число промышлен. заведен. в губернии.	Занято наемных рабочих.	Стоимость выпускаемой продукции в тысячах руб.	В том числе:					
				Завед. с производ. на сумму свыше 1000 руб.	Занято в этих заведен. рабочих.	Стоимость выпускаем. ими продукц. в тысяч. руб.	Число сук. фабрик в губернии.	Занято в сук. промышлен. рабочих.	Стоимость продукции сук. фабрик в тысяч. руб.
1876	2848	19617	11189	Сведений		нет.	23	12907	4933,4
1887	6947	17529	12313,3	—	—	—	18	5607	2253,6
1890	7705	17516	10850,2	—	—	—	16	6584	1934,5
1893	6144	16078	7374,6	—	—	—	17	6375	3028,6
1898	6080	18709	10639,6	—	—	—	18	—	4575,4
1903	6288	19635	21833,8	—	—	—	18	7418	6648.9
1907	6899	23632	24358,9	283	15256	13550,1	19	11127	8344,1
1908	6792	26958	11558,1	285	18493	10440,8	18	14591	6115,2
1909	6509	28084	16525,8	314	18311	15460,3	18	13047	8057,7
1910	6869	23429	24498,7	283	14791	23476,4	16	10440	10749,2
1911	6384	22665	19282,5	313	14566	18390,5	16	9916	6734,6
1912	7108	24770	25590,1	329	15562	24497,6	17	9940	9078,2
1913	6727	25796	24898,8	369	16910	23726,1	16	10272	8132,2
1915	6480	26362	23693,3	315	17507	22590,8	16	11144	10266,5
1918	—	—	—	236	16862	—	—	—	—

По данным М. Туг.-Барановского, рост промышленности по обработке волокнистых веществ во всей стране представляется в следующем виде:

1887 г.	2848	ф-к	с	399178	раб.,	с	прод.	на	463044	тыс. р.
1893 „	3025	„	„	497940	„	„	„	„	621929	„ „
1897 „	4449	„	„	642520	„	„	„	„	946296	„ „

Симбирская суконная промышленность хотя и не испытала столь интенсивного роста, но и здесь наметился определенный под'ем. Так за те же годы, имеем такую картину:

1887 г.	18	ф-к	с	5607	раб.,	с	прод.	на	2253,6	тыс. р.
1893 „	17	„	„	6375	„	„	„	„	3028,6	„ „
1897 „	17	„	„	7969	„	„	„	„	4222,1	„ „

Развитие нашей суконной промышленности идет не за счет увеличения числа фабрик, а за счет укрупнения существующих. Эта тенденция верной остается вплоть до революции 1917 года (см. вышеприв. табл.). Некоторый рост числа фабрик за 1905 год (до 23) об'ясняется повышением спроса на солдатское сукно, в связи с войной, и в следующем уже году снова падает до 18.

Из других отраслей промышленности следует отметить, как вплоть до войны 1914 г. непрерывно развивавшиеся: лесопильное дело, винокуренное, бумажное производство.

Со времени уничтожения откупной системы (1862 г.), винокуренная промышленность неуклонно развивается. С 16 винокуренных заводов в 1858 году, после не-

которой заминки в 90 годах, число винокуренных заводов непрерывно растет и к 1913 г. достигает — 58.

Бумажная промышленность губернии не носит крупного характера, но в наличии имелся непрерывный ее рост:

в 1876 г.	имелась	1 ф-ка	с 67	раб. и	стом. прод	90 т. р.
в 1896 г.	„	3	„ 150	„	„	„ —
в 1905 г.	„	4	„ 238	„	„	„ —
в 1913 г.	„	4	„ 360	„	„	„ 228,9 т.р.

Особо следует остановиться на лесопильной промышленности, как несомненно имеющей в губернии твердый естественный базис для своего развития:

в 1866 г. в губ. было только 2 лесоп. зав. с выраб. 3 тысячи руб.

в 1896 г.	имеем	6 зав.	с 110 раб.	и выраб	в 80,7 т. руб.
в 1899 г.	„	11	„ 313	„	313,9 „
в 1903 г.	„	27	„ 571	„	576,2 „
в 1907 г.	„	38	„ 821	„	887,1 „
в 1911 г.	„	41	„ 1249	„	1349,4 „
в 1913 г.	„	57	„ 1855	„	2496,9 „

С началом войны 1914 года эти отрасли промышленности, равно как и ряд других, начинают испытывать затруднения, частью из-за сокращения спроса на вырабатываемый продукт, как, например, винокурение, или из-за транспортных и других затруднений.

Но основная промышленность губернии—суконная с началом войны испытала лихорадочный под'ем, будучи заваленной заказами интендантства. Уже к концу 1914 г., т. е. через несколько месяцев после начала

войны, производительность суконных фабрик, по данным самих фабрикантов, отнюдь не склонных, по понятным причинам, преувеличивать размеры своего производства, увеличилась в среднем на 25—30%. Однако это увеличение шло, почти исключительно, за счет увеличения рабочего времени, за счет перехода к двухсменной работе и т. д.

Следующие данные, относящиеся к 9 фабрикам, собранные фабричным инспектором, иллюстрируют сказанное:

Название предприятия.	Число рабочих к началу войны.	Число рабочих к концу 1914 года.	Число раб. дней в неделю.		Число раб. часов в сутки.		Приблизит. % увелич. производства, по данным фабрик.
			До войны	К концу 1914 г.	До войны	К концу 1914 г.	
Гурьевская сук. ф-ка . . .	1495	1597	6	6	21½	24	30%
Ст.-Тимошкинск. (Ю. Акч.) .	250	276	6	6	11½	21	20%
Измайловская .	1009	1322	6	6—7	21½	24	25%
Румянцевская .	1494	1544	6	6—7	21	21	20%
Игнатовская .	618	688	6	6—7	21½	24	25%
Ст.-Тимошкинск. (Т-во Акч.) . .	648	684	6	6	21½	21½	20%
Ишеевская . . .	855	883	6	6	21½	24	30%
Баз.-Сызганская	422	495	6	6	21½	24	30%
Екатериновская .	497	613	6	7	11½	21½	25%

Усиленный непрерывный спрос на солдатские сукна в продолжение всей войны, естественно, поддерживал лихорадочную деятельность суконной промышленности. Однако сколько нибудь значительного роста числа фабрик уже не наблюдается и предельным числом их остается 18 фабрик. Повышение же производительности, как указывалось выше, шло за счет всемерного увеличения эксплоатации рабочих и понижения качества товара.

III.

Текстильная промышленность и текстильный пролетариат — база рабочего движения.

Приведенные выше статистические данные, даже если принять во внимание их относительную точность, с несомненностью говорят о том, что Симбирская губерния является по преимуществу, земледельческой. Даже в годы наибольшего промышленного под'ема число рабочих едва достигает 25—26 тысяч человек. Но и эта, не столь значительная, цифра распыляется между несколькими тысячами предприятий, которые обслуживаются порою одним-двумя рабочими.

Приводимая ниже таблица показывает, что в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, т. е. имеющих не меньше десяти рабочих, занято в среднем 13—15 тысяч человек, остальные же рабочие распылены по 1-2 челов. среди 5-6 тысяч заведений; если, далее, сопоставить число рабочих, занятых в подчиненной надзору фабричной

Предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции.

Годы.	До 20 рабоч.		От 21 до 50.		От 51 до 100.		От 101 до 500.		От 501 до 1000.		Свыше 1000.		ВСЕГО.		В том числе.	
	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабочих.	Сукон. ф-к.	В них рабочих.
1901	78	589	59	1727	12	954	10	2892	6	4292	2	2898	167	13539	—	—
1902	60	633	60	1749	16	1058	12	3535	5	3671	2	3018	166	13664	18	9847
1903	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170	13470	18	7412
1904	47	700	45	1546	14	911	11	3336	5	3687	2	3734	124	13914	18	10326
1905	51	651	43	1422	16	1036	12	3523	5	3796	2	3073	129	13481	23	11016
1906	62	852	39	1424	12	788	13	3890	5	3738	2	3412	133	14104	18	10868
1907	62	766	42	1369	11	924	12	3735	5	3501	2	3234	134	13529	19	11127
1908	74	986	41	1323	11	792	7	3088	6	4319	2	3355	146	13863	—	—
1909	77	1086	60	2008	11	795	10	2510	7	5387	2	2926	167	14712	18	13047

Предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции.

Годы.	До 20 рабоч.		От 21 до 50.		От 51 до 100.		От 101 до 500.		От 501 до 1000.		Свыше 1000.		ВСЕГО.		В том числе.	
	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабоч.	Пром. завед.	В них рабочих.	Сукон. ф-к.	В них рабочих.
1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	184	14729	16	10440
1911	98	1325	62	1965	17	1207	11	2710	6	4702	2	2408	196	14317	16	9916
1912	97	1309	76	2401	25	1783	11	2953	5	4223	2	2755	216	15424	17	9940
1913	107	1439	59	1824	23	1631	11	2586	6	4227	3	3837	209	15544	16	10272
1914	99	1438	48	1507	19	1279	16	3529	6	4388	3	4446	199	16587	—	—
1915	84	1123	60	1794	16	1148	16	3068	7	4605	3	4056	186	15794	16	11444
1916	35	479	55	1651	17	1115	16	3652	5	4277	3	4220	131	15394	—	—
1917	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1918*)	137	—	58	—	18	—	13	—	5	—	5	—	236	16862	18	10360

*) Данные за 1918 год взяты из материалов всерос. промышл. переписи 1918 года. На точность приведенные данные едвали могут претендовать.

инспекции промышленности, с числом рабочих, занятых на суконных фабриках (9-13 тысяч), то станет совершенно очевидным, что базой рабочего движения в Симбирской губернии могла быть, главным образом, текстильная промышленность и занятые в ней рабочие.

Состав промышленных рабочих нашей губернии.

Своеобразной чертой для Симбирской губернии является то, что основную рабочую массу составляло и составляет местное крестьянство.

Вотчинный характер дореформенных фабрик губернии не допускал образования значительных чисто-пролетарских слоев рабочих, как это наблюдалось на посессионных фабриках других районов.

Ограбленный „великой реформой“ крестьянин все же не стал пролетарием, оставаясь прикрепленным к своей деревне и клочку земли. Это обстоятельство, как увидим ниже, имело, не малое значение для состояния рабочего движения в губернии. Полупролетарская, полукрестьянская рабочая масса крупнейших наших фабрик оказалась малоподатлива к организации и не всегда достаточно стойкой в борьбе.

Связь с деревней, с сельским хозяйством, выявилась прежде всего в ежегодном уходе фабричных рабочих на полевые работы.

Фабричная инспекция ежегодно осаждалась жалобами владельцев и управляющих фабриками на самовольный уход рабочих с фабрик в период летних сельско-хозяйственных работ; в этих случаях не помо-

гала даже и карающая 51 ст. уг. улож. и некоторые предприниматели шли на увеличение расценков на летнее время *). Но и эта мера, по свидетельству фабричной инспекции, помогла мало,—рабочие уходили, а по окончании полевых работ возвращались обратно на фабрику. **).

В связи с уходом на полевые работы ощущался некоторый недостаток рабочей силы, не приносивший, однако, никаких выгод рабочим. Наоборот, прикрепление к деревне имело отрицательное значение. Наблюдавший рабочую жизнь, фабричный инспектор говорит: „Большинство фабрик имеет рабочих местных крестьян соседних деревень, крайне стесненное положение которых, большие семьи, заставляет искать заработка на ближайшей ф-ке, который не отрывал бы от родной семьи, земли и села. Все это удерживает их при самых неблагоприятных условиях на близлежащих фабриках и вынуждает с покорностью сносить безотрадность их положения“...

---

*) На Усть-Уренской суконной ф-ке в 1897 году ткачи получали: летом 1 р. 60 к. с куска, зимой—1 р. 30 к.; в 1900 г. ткачи летники (с Пасхи до сентября) получали 1 р. 50 к.—1 р. 60 к., а зимники—1 р. 20 к. На Екатериновской ф-ке в 1904, 1905 г. в месяцах июле и августе ткачам платилась прибавка по 20 к. на кусок. На Ляховской ф-ке (1909 г.) платили ручн. ткачам летом 2 р. 10 к. с куска, зимой 1 р 90 к. Некоторые фабриканты вносили иные подразделения. Так, наприм., на Ишеевской ф-ке ткачи получали: Ишеевские—1 р. 60 к. с куска, Полдомасовские—1 р. 70 к. с куска, „Странние“—1 р. 80 к. с куска.

**) Это явление не составляет специфической черты Симбирской губернии. В Московской губернии, по словам Туган-Барановского, из ткачей, работавших на суконных фабриках, ежегодно уходили на полевые работы 37,7%, преимущественно работавшие на ручных станках.

Эта постоянная раздвоенность—стремление сохранить независимость земледельца на ряду с необходимостью иметь приработку на фабрике, служила тормозом развитию классового самосознания рабочих, держала их на нисшей ступени классового развития, убивала побуждение к организации, делала рабочих беспомощными, готовыми гнуть спину пред „благодетелем“ фабрикантом на каких угодно условиях, только бы заткнуть дыры деревенского хозяйства, столь же расшатанного, захудалого, полузаброшенного и столь же страдавшего от того же двойственного положения своего владельца. Вынужденный считаться со стихийной тягой рабочих в деревню в период летних полевых работ, фабрикант стремился, и всегда успешно, наверстать упущенное и, с началом обратной тяги, диктовал свои условия.

Женский и детский труд в последние десятилетия.

Женский и детский труд в Симбирской промышленности, как видно из следующей таблицы, занимает видное место. (См. стр. 37, 38).

В силу механизации производства женский и детский труд имел наибольшее применение в текстильной промышленности, при чем в то время, как число взрослых рабочих мужчин, при ежегодных колебаниях, остается все же без заметного изменения (годы войны в расчет не берутся), число малолетних и подростков обоего пола, а также женщин неуклонно растет параллельно росту механизации производства.

Количество рабочих на предпр., подчинен. надзору фабричной инспекции с подразделением по полу и возрасту,

Год.	Малолетних.		Подростков.		Взрослых.		ИТОГО.		Обоего пола.	Число промышл. заведен.
	Мужч.	Жен.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.		
1902	562	318	893	522	9170	2199	10625	3039	13664	166
1903	596	336	910	539	8907	2182	10413	3057	13470	170
1904	550	311	1085	610	8971	2387	10606	3308	13914	124*)
1905	512	305	1183	583	8714	2184	10409	3072	13481	129
1906	510	334	1061	699	9000	2500	10571	3533	14104	133
1907	505	324	921	629	8285	2865	9711	3818	13529	134
1908	526	360	904	626	8790	2657	10220	3643	13863	146

*) 6 предприят. закрыто, 38 из'ято из-под надзора фабр. инспекции.

Количество рабочих на предпр., подчинен. надзору фабричной инспекции с подразделением по полу и возрасту.

Год.	Малолетних.		Подростков.		Взрослых.		ИТОГО.		Обоего пола.	Число промышл заведен.
	Мужч	Жен.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.		
1909	523	344	1084	804	9570	2387	11177	3535	14712	167
1910	374	361	926	731	9829	2508	11129	3600	14729	176
1911	381	350	1100	730	9436	2320	10917	3400	14317	196
1912	440	334	1147	721	10356	2426	11943	3481	15424	216
1913	580	468	1038	782	10091	2619	11709	3869	15578	209
1914	534	502	1087	839	10411	3214	12032	4555	16587	199
1915	659	645	1342	954	8925	3269	10926	4868	15794	186
1916	724	708	1335	1321	7836	3470	9895	5499	15394	131

Уже с начала 900 годов фабричная инспекция почти ежегодно отмечает рост женского и детского труда.

В отчете фабричного инспектора за 1906 год находим следующее, довольно характерное утверждение: „...число женщин заметно пошло в сторону увеличения. Причину можно предполагать в общем беспокойном настроении, особенно заметном среди рабочих мужского пола, вследствие чего при всяком удобном случае, заведующие промышленными заведениями стремятся заменить выбывшего рабочего работницей. Замена эта на суконных фабриках облегчается введением механических ткацких станков (вместо ручных), при которых разница в отношении продуктивности мало зависит от пола рабочего, особенно в 1906 году, в котором большинство рабочих мужчин значительную часть рабочего времени отдавало различным собраниям и митингам. На некоторых суконных фабриках производительность труда мужчин была заметно ниже продуктивности труда женщин“.

С 1913 года замечается резкое увеличение числа малолетних рабочих (в общем на 35%), при уменьшении числа подростков на 5% и общего числа мужчин на 2%. Это увеличение произошло, главным образом, за счет суконных фабрик, где число малолетних увеличилось на 44%, число женщин на 9%. „Эти изменения, говорит фабричный инспектор, можно об‘яснить ни чем иным, как стремлением пользоваться более дешевым трудом, раз это представляется возможным“.

Убыль рабочих-мужчин с началом войны восполнялась трудом женщин и малолетних.

Услужливая инспекция и администрация широко использовали 124 ст. для разрешения ночных работ женщин и детей и они работали на ряду со взрослыми, т. е. и малолетние и подростки, и женщины работали „с отступлением от правил о рабочем времени“—как замечает инспектор 3 уч.

Рабочий день в промышленности Симбирской губ.

„Отступление от правил о рабочем времени“ являлось бытовым явлением. Российское законодательство, до 1897 г., пыталось нормировать только рабочий день женщин и детей. Что же касается труда взрослых мужчин, то здесь все предоставлялось „свободному“ соглашению сторон, —свободному соглашению волков и овец...

На основе такого соглашения 15-16, а иногда и 18 часовой рабочий день считался нормальным, особенно в мелких, полукустарных заведениях.

Рабочее движение второй половины 90-х годов прошлого столетия вынудило правительство выступить с законодательным регулированием рабочего дня, несмотря на враждебное отношение московских фабрикантов. *).

*) Вопрос о законодательном нормировании рабочего дня имеет свою длительную историю. Возникший еще в 60-х годах по инициативе владельцев наиболее мощных технически предприятий, он и в дальнейшем неоднократно поднимался Петербургскими и особенно Лодзинскими фабрикантами, практиковавшими более короткий рабочий день,

заинтересованными в повсеместном его ограничении. Оппозиционерами, обычно, являлись наиболее отсталые фабриканты Московского района.

Вновь выдвинутый в 1896 году Петербургскими фабрикантами вопрос об ограничении рабочего дня 11 часами, Московские фабриканты пытались затянуть проведением, но явившаяся на арене этого спора „третья сила"—Петербургский пролетариат—положил конец спору. Подробно см. у Туган-Барановского „Русская фабрика" стр. 322-329.

Закон 2 июня 1897 г. ограничил рабочий день 11½ часами, но на практике это оказалось далеко не так. Спешившее успокоить „обиженных" фабрикантов, правительство разрешило сверхурочные работы. Последовавший уже в марте 1898 г. циркуляр министра финансов разрешал сверхурочные работы в неограниченных размерах. Это обстоятельство, а также и тот факт, что за неисполнение фабрикантами закона 2 июня не было предусмотрено никакого наказания—сводило этот закон к нулю.

Осторожный в выражениях фабричный инспектор Симбирской губернии, говоря о проведении в жизнь закона 2 июня, указывает: „действующие узаконения о сверхурочных работах в значительной степени ослабляют закон 2 июня 1897, т. к. владельцы, пользуясь неограниченным правом производства таких работ, иногда не выполняют даже ничтожных формальностей—извещения инспекции".

По оффициальным данным фабричной инспекции, относящимся к 1905 году, преобладающая продолжительность рабочего дня, без сверхурочных работ,

на суконных фабриках и лесопильных заводах была— 11½ часов; на винокуренных заводах рабочий день был 12 часовой.

Ночные и двухсменные работы существовали на 8 суконных фабриках, главным образом, в аппаратных и прядильных отделениях и на 14 винокуренных заводах и 26 мельницах.

Другим способом увеличить рабочее время являлись праздничные работы, с особенной настойчивостью проводившиеся на мельницах и суконных фабриках.

Едва ли склонный преувеличивать это явление фабричный инспектор, в отчете за 1912 год писал: „В связи с оживлением в суконной промышленности у владельцев явилось желание увеличить количество рабочего времени за счет праздничных дней. Стремление было встречено рабочими враждебно, вызвало ряд недоразумений и волнений, но в конце-концов рабочие уступили“... А в отчете за 1913 г.:—„повторяются закононарушения о воскресном отдыхе для рабочих на Сызранских мельницах и необходимы особые меры для устранения вполне справедливых жалоб со стороны мельничных рабочих“...

Еще ярче рисуются „отступления“ от правил о рабочем дне в письмах-жалобах рабочих и служащих. „Работа производится не 11½ часов для денных и 10 для ночных, а без перерыва, полные 24 часа в сутки, двумя сменами, в которых наравне со взрослыми во все время заняты работою и малолетние. Для них 8 часового времени для труда не существует.

Женщины, подростки и дети—работают и по ночам. И это каждый день"...

Рабочий А ...(Усть-Урен. сукон. ф-ки) в жалобе губернатору пишет: (приводим с небольшими орфограф. исправл.): „...еще необходимо установить рабочий день, согласно другим фабрикам, а не семнадцать часов: начинают в 3½ утра, а кончают в 7½, а машинист К. ..... часы, „срегулирует", (кавычки мои М. В.), то и до 9 часов вечера... так что жить натужно, много работают женщины, комнату подмести некогда и ходят все умученные, изнуренные, потому и много попадают в машины... еще трудно мастеровым: работают каждый праздник с утра, в 11 пообедают и до 11 ночи, а многие и по целой ночи работают... месячных рабочих принуждают работать праздники"...

Так выполнялся фабрикантами закон о сокращении рабочего дня...

Жилищно - санитарные условия.

Изнурительный трудовой день рабочего сменялся кошмаром фабричной казармы. „Нечего и говорить, что санитарные и гигиенические условия жизни и работы были ужасны. Только на некоторых фабриках были отдельные спальни—но что за спальни:"—говорит Туган-Барановский. Мужчины, женщины, дети спали вповалку на нарах в тесных казармах, иногда в подвалах, иногда в казармах, лишенных света. Но на большинстве фабрик и таких спален не было"...

А вот как описывает фабричные спальни (Самайкинской суконной фабрики) в рапорте своему начальству фабричный полицейский урядник (приводим дословно): „Спальный корпус разделяется на две половины: мужскую и женскую, вместе с мусульманами люди спят на низу, на дощатых нарах и на верху также нары, доски которых разошлись довольно редко, откуда сыплется всякий мусор на спящих внизу, отчего возможно жестоко пострадать глазами, а в особенности спросонка; постельная принадлежность в такой опрятности и чистоте разве немного отодвинется от свиного логовища; вентиляции нет никакой, хотя бы по форточке в окнах; при порядочном наплыве народа нет возможности дышать— хоть топор вешай—... двери дырявые, не обитые, насквозь светятся; мокрая, растаявшая обувь сушится кругом печки, отчего, конечно, немало угара и вони...

„ На фабрике, при 1000 рабочих нет арестного помещения, жалуется далее урядник, которое необходимо; пьяного отрезвить негде, не говоря уже о чем нибудь другом; имеющееся помещение, называемое „каталажкой“, оно и действительно похожее на каталажку: туда можно разве только запереть маленького теленка или же молодых щенков с маткой и то 4—5 не больше, а то и те задохнутся без всякой вентиляции, а если потребуется отправлять собственную надобность, это проделать нужно там же прямо на пол“...

„Питьевой воды нигде нет ни капли; из рабочих корпусов... люди совсем раздетые бегают пить воду на пруд“...

Служащий Усть-Урен. ф-ки Д... в своей жалобе фабричному инспектору, между прочим, пишет:

„Врачебная помощь одно наказание—ни больницы, ни аптеки, ни средств, ни врача—одна непролазная грязь. Грязь, где хранятся продукты, грязь и теснота в квартирах с паразитами всяких видов и наименований. Грязь в местах уединения и на фабричном дворе и полное загрязнение маслами и отбросами реки, из которой рабочие берут для употребления воду, а летом так и нечистотами выгребных ям... В застольной, где продовольствуются и спят, как сельди в бочке, одинокие рабочие, грязь, зловоние и распутство—не приведи бог злому недругу“...

На многих фабриках еще и до наших дней, к сожалению, не полностью изжиты и сохранились, как наглядные свидетели кошмарных жилищных условий, в которых находились рабочие наших фабрик, разного рода „застольные“, белые номера“, порт-артуры“ и т. п.

Ужасные жилищно-санитарные условия вызывали неоднократные протесты со стороны даже весьма нетребовательных рабочих. Среди различных требований, пред'являвшихся при забастовках, фигурировали также и требования об улучшении квартир, спален и т. д. На требования хозяин, в лучшем случае, отвечал обещанием и затем все оставалось по-старому.

Заработная плата и способы ее выплаты.

До проведения крестьянской реформы 1861 года состояние рынка труда было довольно благоприятным. Фабрики, основанные на наемном труде, несмотря на широко развившуюся оброчную систему, постоянно испытывали недостаток в рабочих руках, особенно сколько нибудь квалифицированных. Этим обстоятельством заработная плата поддерживалась на относительной высоте.

Раскрепощенный крестьянин устремился в деревню, на „свою землю", и фабрики, основанные на крепостном труде, каковыми являлось подавляющее большинство фабрик Симбирской губернии, стали испытывать недостаток в рабочих руках. Начался, как общее правило, под'ем заработной платы.

Но на ряду с повышением заработной платы шло повышение цен на продукты потребления рабочих, сводя к нулю результаты благоприятного состояния рынка труда.

Период преобладания спроса на рабочую силу над ее предложением оказался непродолжительным. Результаты „благодетельной" реформы 1861 года не замедлили сказаться. Рост малоземелья в связи с ростом земледельческого населения, с одной стороны, а с другой—усилившийся процесс дифференциации сельского населения стали гнать рабочую силу на фабрику.

Результаты этого процесса не могли полностью поглотиться ростом капитализма и рост „резервной армии" неуклонно продолжался.

В конце XIX века предпринимателю не приходилось задумываться над вопросом: будут-ли у него всегда в достаточном количестве рабочие руки.

„Пролетаризация крестьянства, т. е. образование „резервной армии труда“, шло у нас чем дальше, тем быстрее... Тогдашняя статистика по 21 губернии считала, по крайней мере, 5 миллионов „лишних“ рабочих, которые не находили применения своему труду в земледелии“... (Покровский, Русская История).

В связи с ростом избытка рабочих рук начался повсеместный рост отхожих промыслов.

В частности, в Симбирской губернии, по статистическим данным, не могущим к тому же претендовать на полноту, имеем следующую картину непрерывного роста отхожих промыслов:

в 1876	году	уходило	на отхож.	промыслы	12244	чел.
„ 1890	„	„	„	„	53726	„
„ 1891	„	„	„	„	57963	„
„ 1894	„	„	„	„	59700	„
„ 1904	„	„	„	„	53453	„
„ 1906	„	„	„	„	62233	„
„ 1907	„	„	„	„	63868	„
„ 1913	„	„	„	„	42642	„

Такое положение давало фабриканту возможность платить сколько заблагорассудится, оставаясь, по словам Покровского, „благодетелем“ в глазах ищущих работы сельских пролетариев, считавших поступление на фабрику счастием.

Средний годовой заработок рабочих в Симбирской губ. с начала 900 годов представляется следующим (более ранними материалами, к сожалению, пока не располагаем):

Средний	годовой	зараб.	раб. в	Симб. губ.	равнялся
1899 г.	„	„	„	„	110 р.
1904 „	„	„	„	„	125 „
1905 „	„	„	„	„	133 „
1906 „	„	„	„	„	141 „
1907 „	„	„	„	„	151 „
1908 „	„	„	„	„	145 „
1909 „	„	„	„	„	147 „
1910 „	„	„	„	„	149 „
1911 „	„	„	„	„	163 „
1912 „	„	„	„	„	141 „
1913 „	„	„	„	„	147 „
1914 „	„	„	„	„	152 „
1915 „	„	„	„	„	191 „
1916 „	„	„	„	„	279 „

На текстильных фабриках по заработку рабочие распределялись следующим образом:

Получающих				**1914 г.**	**1916 г.**
	до 50 к. в день		(144 р. в год)—	66.4%	32,4%
„	от 50 до 75		(144—216 р.)	19,6%	27%
„	„ 75	„ 100	(216—288 р.)—	9,9%	16%
„	„ 100	„ 150	(288—432 р.)—	2,8%	16%
		Выше	. . . . .	1,3%	8,6%

Таким образом, начиная с конца прошлого века, наблюдается некоторая тенденция роста заработной

платы. Но если сопоставить этот рост заработной платы с ростом цен на хлеб, то окажется, что прирост заработной платы является только кажущимся. Особенно очевидной делается иллюзорность роста заработной платы, если сопоставить его с ценами на хлеб в фабричных лавках, в которых рабочие были вынуждены забирать продукты.

Средние цены на рожь:

	Рыночн.	В фаб. лавках. *)
1899 г.	61 к.	81 к
1904 „	52 „	70 „
1905 „	60 „	70 „
1906 „	83 „	96 „
1907 „	94 „	110 „
1908 „	85 „	110 „
1909 „	76 „	95 „
1910 „	67 „	— „
1911 „	84 „	96 „
1912 „	93 „	112 „
1913 „	69 „	80 „
1914 „	— „	90 „
1915 „	103	125 „
1916 „	— „	156 „

Но и этой заработной платы рабочий не получал.

Оставаясь верной себе буржуазия выдвигает целый арсенал всяких приемов и способов, чтобы ур-

*) Цены выведены на основании такс, утверждаемых фабричной инспекцией. В действительности очень часть были отступления от этих такс в сторону еще большего повышения цен.

вать из последних крох рабочего. Фабрикант платил не только сколько хотел, но и когда хотел. И это не только в Симбирской губернии, но и повсеместно. Сроки выдачи заработной платы не устанавливались и хозяин выдавал по своему усмотрению—2 раза в году, пишет Туган-Барановский. Рабочие должны были выпрашивать у фабриканта заработанные деньги, как особую милость. „На некоторых фабриках практиковался даже такой порядок: деньги совсем не выдавались в течение года рабочему на руки; если они ему были нужны для уплаты податей, то посылались прямо волостным старшинам или старостам". (Русская фабрика).

А вот что пишет по этому же поводу в своих отчетах фабричный инспектор Симбирской губ:

1902 год. „Главной причиной жалоб рабочих на заведующих является задержка заработка, что вынуждает рабочего брать продукты из фабричной лавки... Бывают случаи, когда в течение нескольких месяцев рабочий почти не видит денег"...

1907 год. „Некоторые промышленные заведения хронически не уплачивают в срок заработка, пользуясь тем, что рабочие, боясь потерять работу, совершенно не обращаются к суду... Невыдача в срок заработной платы, в связи с фабричной лавкой, создает довольно хороший побочный заработок для фабриканта. При отказе в деньгах рабочие вынуждены забирать в лавке нужные и ненужные предметы, последние с целью перепродажи по цене значительно

ниже покупной. Некоторые фабриканты ведут фабричное дело, исключительно опираясь на вышеуказанную систему задержки заработной платы“...

1908 год. „Со стороны рабочих сильно возрасли все те же жалобы на задержку заработной платы.

Со стороны промышленников заметно стремление понизить расценки, приподнятые в 1905 и 1906 гг., и стремление это, в большинстве случаев, легко осуществилось без всякого протеста со стороны рабочих. В подавляющем большинстве случаев расценки сравнялись с расценками до 1905 года, жизненные же продукты в цене увеличились почти на половину, так что жалобы рабочих в этом отношении вполне справедливы“...

1909 год. „Неуплата в сроки рабочим наблюдается в текущем году аналогично с прошлым годом, что в связи с вздорожанием продуктов, значительно ухудшило экономическое положение рабочих“...

1912 год. „Невыдача в срок заработной платы ложится попрежнему большой тяжестью на рабочих, ухудшая их общее положение“...

Задержка заработка гонит рабочего в фабричную лавку, где его фабрикант обирает, как потребителя. „До настоящего времени, говорит тот же фабричный инспектор, встречаются фабрики, где принято за правило, как можно дольше задерживать заработную плату рабочим в целях получения большей торговли фабричной лавки, или какой-либо другой лавки, имеющей соглашение с фабрикантом... Приходится встре-

чать случаи, когда продукты, напр.: сахар, чай, мыло, мука — ходят между рабочими людьми, как меновая стоимость за квартиру, харчи и другие нужды"...

Выше нами уже указывалось, что цены на хлеб в фабричных лавках всегда и значительно были выше базарных. Но рабочему не предоставлялось выбора. Вот что пишут в жалобах рабочие и нисшие служащие суконных фабрик:

...Денежные выдачи производятся в большинстве тогда, когда рабочему получать нечего; задержкою выдачи рабочий волею-неволею вынуждается брать в лавках и продукты, не разрешенные законом (к тому же гнилые и недоброкачественные).

Цены на все анафемские, заработная плата мизерная, а потом обмеры и обвесы"... (Из жалобы служащего Д....).

...„Выдача денег производится 3 раза в год, а не каждый месяц, жалуется рабочий А..., рабочим так жить невозможно; месячного жалованья не хватает только кормиться и приходится по необходимости забирать у них и много переплачивать на провизию"...

Какую значительную доходную статью для фабриканта составляла выдача продуктов в счет заработной платы говорит следующая таблица: (См. таб. на 53 стр.)

Форма выплаты заработной платы и число штрафов

ГОДЫ.	Число предприят., о котором даются сведен.	В них рабочих.	Общая сумма выплаченной заработной платы. Руб.	К.	В том числе выплачено продукт. из фаб. лавки. Руб.	К.	Число зарегистрированных случаев наложения штрафа на рабочих.
1899	22	7836	857819	15	180739	69	—
1900	20	12352	924722	73	288255	—	—
1904	24	10687	1338689	55	396660	08	4169
1905	25	11975	1590684	23	407621	06	4016
1906	18	10558	1486679	49	461365	81	4256
1907	20	10090	1525214	14	497053	20	4282
1908	23	10443	1512057	29	527484	61	6761
1909	25	10732	1577943	23	616688	51	3609
1910	22	10206	1524744	01	491221	50	4488
1911	23	9843	1599697	02	567619	—	15265
1912	10	7487	1059446	80	404145	17	15638
1913	20	9984	1466939	52	461799	48	17532
1915	22	10740	2047217	29	614998	28	17242
1916	18	10749	2996735	13	1163855	40	18262

Если принять во внимание всевозможные проделки и махинации, к которым охотно прибегали фабриканты в обход закона, воспрещавшего расплату товарами,

например: выдача товаром записывалась, как выдача деньгами и т. д., то суммы, выплаченные продуктами, значительно возрастут.

„К числу наиболее частых и повторных нарушений закона следует отнести ненадлежащее ведение книг... от желания скрыть от инспекции продажу из фабричных лавок продуктов по произвольным ценам“—значится в отчете фабричной инспекции.

Рабочие пытались и в одиночку и коллективно вырваться из этих тенет, но напрасно.

Рабочие суконной фабрики Трегулова забастовкой протестовали против обирательства, коллективно просили о закрытии фабричной лавки. Все попытки, однако, разбивались, т. к. фабрикант не выдавал заработка деньгами и рабочие вновь вынуждались идти в кабалу.

Даже и фабричная инспекция была бессильна бороться с этими злоупотреблениями.

„Владелец ф-ки, (пишет фабр. инспектор), извлекая из фабричной лавки большую пользу, имеет полную возможность и выгоду заявить фабричному инспектору, что денег для уплаты заработка рабочим нет и уплатить за это, по 29 ст. о наказ., несколько рублей“.

Штрафы. К наиболее излюбленным буржуазией способам снижения заработной платы принадлежали штрафы, которые „щедро сыпались направо и налево“, говоря языком жалобы одного рабочего.

В системе штрафов, в изобретательности поводов для их наложения, фабриканты достигали виртуозности; штрафы налагались по самым разнообразным поводам: тут и неисправная работа и нарушение тишины и „безнравственное поведение“ и проч. и проч. Хозяйскому усмотрению здесь не было границ.

В приведенной выше таблице видно как развивался хозяйский аппетит. За 12 лет число наложенных штраф. с 4 тысяч, в 1904 г., возрасло до 18 тысяч за 1916 г. Но и эти цифры дают только слабое представление о том, что практиковалось в действительности. Только незначительная доля налагаемых штрафов регистрировалась и попадала в штрафной капитал, а все остальные записывались рабочему как выданные деньги, или как удержание за несуществующий прогул и поступали в хозяйский карман.

Правовое положение рабочих. Жалобы рабочих. Полное бесправие, приниженность человеческой личности рабочих, сводящая их на положение рабочего скота, постоянная материальная зависимость и экономическая кабала составляли неприглядную картину условий жизни нашего рабочего. Разумеется, что такое кошмарное положение рабочих не составляло секрета для местной губернской администрации, жандармского управления и т. д.

„Я имею сведения,—пишет старшему фабричному инспектору губернатор,—что на суконных фабриках Акчурина и Протопопова рабочие расчитываются без об‘явления настоящей причины. Делается это под

видом, яко бы, отсутствия материалов для выработки сукна“...

„Помимо этого на фабрике Протопопова—заработная плата рабочим задерживается... Тоже самое наблюдается и у Толстошеева, при чем постоянная работа на этой фабрике не производится“...

„На фабрике Кузнецова рабочие недовольны управляющим. Причина заключается в том, что он заставляет их работать более установленных часов, а за праздничную работу не платит дополнительного вознаграждения“...

Нередко отдельные рабочие, не изжившие еще веры в помощь „начальства“, обращались с письмами-прошениями к губернатору и даже „к самому министру“ внутренних дел, жалуясь на тяжесть своего положения, несправедливость местной администрации и вскрывая различные проделки фабрикантов *).

*) Приводим с небольшими исправлениями орфографии и стиля выдержки из писем рабочего Алеева (1909 г.) и ткача Благова (1907 г.).

„Его Высокородию Господину Губернатору. Желаем об‘яснить беспорядки на суконной фабрике Кузнецова при селе Усть-Урене Карсунского уезда...

1. „Выдача денег производится три раза в год, а не каждый месяц; рабочим так жить невозможно, месячного жалованья не хватает только кормиться и приходится в силу необходимости забирать у них и много переплачивать: на ржаную муку—25 к.... на пшено 50 к., на 2-хрублевую материю—80 к., на свежее мясо—5 к., а на соленое—3 к., а его только свалить и зажечь, оно солено за три года раньше и все сгнило, а его вымыли и опять продают и от него только болезнь получают“...

2. „Еще необходимо установить рабочий день, а не семнадцать часов: начинают в $3^1/_2$ часа утра, а кончают в $7^1/_2$, а машинист К.... часы срегулирует, то и до 9 часов вечера... так жить натужно, много работает женщин и комнату подмести некогда и ходят измученные, изнуренные, потому много попадают в машину“...

„Народ не страхованный и вознаграждения никому нет; народ уходит много потому, что жить нельзя“...

3. „Еще платят (рабочие) непосильные штафы; ткачи:—если есть близна (просвет, вследствие недостатка уточной нити), то «НИЧЬЯ», (т. е. кусок сукна соткан бесплатно М В.); при отделке сукна прорвешь маленькую дырку—штраф 3 рубля, а то и 5 рублей, этого не забудешь месяца 3, а в это время увидит кто станет закуривать—пишет два дня прогул“... „Народ уходит, а хозяин призывает за расчетом и в конторе начинает бить, а конторщики поддерживают его руку и тоже промах не дадут“...

4. „...Еще трудно мастеровым; работают каждый праздник с 4 утра, в 11 пообедают и до 11 ч. ночи, а многие и по целой ночи работают, а вместо полуторного жалованья платят рублевые штрафы; месячных рабочих принуждает работать, за праздник заплатят 20 копеек, а после запишет штраф или прогул неделю...

...До вас жаловались инспектору, посылали два письма, он не обратил внимания; теперь просим назначить Комиссию..., а когда инспектор заявлялся в контору, то штрафные журналы прячут...

Под письмом подпись:

Петр Степанович Алеев.

Ткач Благов — уполномоченный от крестьян-рабочих разных селений при Языковской суконной фабрике, повидимому, уже не надеясь на местную власть, решил писать самому „Его Превосходительству“ **).

**) „Его Высокопревосходительству, господину Министру Внутренних Дел. „Мы, рабочие, все имеющие большие семейства, всегда изнурены фабричными работами, стараемся всегда из одного куска хлеба. Что-бы что особое завести не хватает возможности и выработать нельзя“...

Весь рабочий народ живет самым печальным образом, все дорого, цены все зависят от того, какие назначит контора... Заработки встали, жалованье изменилось... Контора уповает, что жить будут по нужде, в виду голодного года идти с детьми некуда... От конторского и хозяйского самоначалия нам, рабочим, стало критическое положение, только растут одне угрозы и увольнения... Сукна вырабатываются самого плохого качества и сдаются в казну машинально... На наш вопрос явился фабричный инспектор и стал рабочий народ присоединять к забастовщикам (обвинять в забастовке М. В.)... держит руку и гуляет с купеческим кулаком... вот и выходит, что дела в России по случаю забастовок зависят не от рабочего народа, а от самих хозяев и с ними вместе ближайшего начальства, фабричных прислуг и полиции и почему здесь нам рабочему народу не найти защиты... просим В. В.... дать защиту во всех отношениях...

Ткач Петр Благов.

(Фамилии подписавших прошения, повидимому, вымышленные, т. к. рабочие не могли решиться на открытое выступление, сознавая, что их ждет расправа. (М. В.).

Наивная надежда найти защиту у „высшего начальства“ еще не изжита. „Держит руку кулака“ по мнению авторов писем, только местная власть, и вся-

кие жалобы или обращение к ней рабочего становятся тотчас известны хозяину и хозяйская расправа не заставит себя ждать. Обращение с жалобой на чинимые обиды требует от рабочего необычайного мужества и решительности.

„Почти все жалобы рабочих поступают к инспектору от прекративших работу на фабрике“... „Рабочие же, продолжающие работу, обращаются с жалобами очень редко и то в виде анонимной письменной жалобы“—пишет в отчете за 1903 год фабричный инспектор.

„Приходится наблюдать, что отдельным рабочим, заявившим жалобу инспекции, несмотря на то, что инспектор скрыл фамилию жалобщика, администрация фабрики все же узнает о жалобе и, под тем или иным предлогом, отказывает от работы“...

Филер жандармского управления Никифоров, имевший специальное задание наблюдать за настроением на суконных фабриках, после об‘езда доносил, между прочим, своему начальству: „На фабрике Протопопова: управляющим фабрикой Хуторевым ведется очень строгий порядок по отношению к рабочим; за малейшее прекословие против фабричной администрации рабочие увольняются... на фабрике Шатрова:— „среди рабочих со временем бывает разговор относительно притеснений со стороны фабриканта, как-то: на сокращение заработка всех категорий рабочих, но во всех этих случаях, где бы ни велся разговор, но почему то управляющему известно и управляющий

таких людей выгоняет, через несколько времени призывает в контору и выдает расчет“...

О положении рабочих на Гурьевской фабрике жандарм Лапшин доносил: „хотя и есть притеснения рабочим... но от них в данное время (май 1912 г. М. В.) ожидать преступных явлений нельзя, так как хозяева фабрик строго наблюдают за своими рабочими, при этом имеют секретных агентов в среде рабочих, которые, вращаясь среди рабочих, прислушиваются к разговорам и толкам и обо всем замеченном сообщают хозяевам своим, которые без замедления вредных лиц удаляют с фабрики“.

Боязнь потерять заработок, если жалоба дойдет до администрации, побуждало рабочих иногда действовать коллективно. Но в большинстве случаев коллективные выступления и жалобы носили сумбурный, неорганизованный характер. „Приходилось видеть, пишет фабричный инспектор,—на фабрике специально собравшуюся толпу в одном из отделений, что бы заявить коллективно свои нужды, но страх быть зачинщиком и потерять свой заработок останавливали каждого и на мой вопрос: „нет-ли каких-либо заявлений“ — толпа, бесшумно волнуясь, ничего не могла заявить и где то в задних рядах какой-либо голос произносил отрывисто и страшно нервно: „Что же молчите? ведь вас спрашивают!“—и опять гробовое молчание... Только частным образом приходится узнавать нужды рабочих и причины их крайнего волне-

ния... Рабочие только анонимным письмом могут указать свои нужды“...

Материальное, экономическое положение рабочих крайне тяжелое, „но еще печальнее,—продолжает далее тот же инспектор,—обстоит дело в отношении положения рабочего, как личности... Обращение с рабочими владельца, а чаще всего мастеров—жестоко оскорбительное...

„Рабочий, оскорбивший владельца, или мастера (факт оскорбления с помощью свидетелей, находящихся в зависимости от фабричной администрации, устанавливается, обычно, преувеличивается) увольняется от работы без предупреждения. А мастеру, или владельцу, оскорбившему рабочего, или его жену проходят бесследно его поступки, иногда вопиющие, опять потому, что свидетели, желающие сохранить за собою место, лжесвидетельствуют, или отзываются незнанием... Положение невыносимое, тяжкое, безвыходное, порождающее скрытое раздражение и неприязнь... Приходилось в уголовном суде видеть этих свидетелей, которые в страхе потерять насущный кусок хлеба, страшно волнуясь, стараются снять вину с владельца“..*)

*) Приводим с небольшим сокращением письмо служащего Д....., на имя старшего фабричного инспектора Симбирской губернии (относящееся к 1906 г.) и коллективное письмо рабочих фабрики Кузнецова, очень ярко характеризующих положение рабочих.

„Ваше Высокородие, Иван Константинович“, пишет Д.....

„Стонет несчастный рабочий народ под невыразимо тяжелым гнетом нечеловеческого режима человека-зверя фабриканта Григория Андреевича Кузнецова и не видит выхода из этого убийственного положения и помочь некому“.

„Мне хочется развернуть по мере сил картину, по которой Вы хотя бы приблизительно могли составить некоторое понятие о действительном положении вещей. Начну с Усть-Уренской фабрики“...

„С раннего утра и до позднего вечера ходит хозяин по фабрике и всякого встречного, в большинстве ни за что ни про что, не щадя ни пола ни возраста, охалит скверно-матерски (а иногда и бьет), одновременно штрафует и направо и налево: кого отметкою несуществующего прогула (недоплачивая при расчете, вычитая как за дни нерабочие), кого денежным штрафом, но не в пользу штрафного капитала (туда попадает $^1/_{20}$ часть, а в свою пользу“...

„Работу производит не $11^1/_2$ часов для денных и 10 для ночных, а без перерыва полные 24 часа в сутки (двумя сменами), в которых наравне со взрослыми во все время заняты работою и малолетние, для них 8 часового времени труда не существует. Женщины, подростки и дети работают по ночам. И это каждый день... Отчего происходит невыразимое распутство, во главе которого стоит сам Кузнецов и его приспешники,... и не мало несчастных случаев со взрослыми, подростками и детьми, но о них он не находит нужным давать сведения“... „Не церемонится и с отмененными сверхурочными работами, все праздники посвящаются принудительному труду, а кто не пошел— турят вовсе с фабрики“...

„Денежные выдачи производятся в большинстве тогда, когда рабочему получать нечего; задерживая выдачи, вынуждает рабочих волей неволей брать в лавках и продукты неразрешенные законом, гнилые и недоброкачественные товары. Цены на все анафемские, заработная плата мизерная, а

потом обмеры и обвесы... Запись товаров ведется, как денежная выдача (маскарад, да и только)“...

„Врачебная помощь—одно наказание: ни больницы, ни аптеки, ни средств, ни врача, ни школы —одна непролазная грязь: грязь, где хранятся продукты, грязь и теснота в квартирах с паразитами всех видов и наименований, грязь в местах уединения, полное загрязнение маслами, а летом так и нечистотами выгребных ям, реки, из которой рабочие берут для употребления воду“...

„А содержание застольной, где продовольствуются и спят как сельди в бочке, одинокие рабочие, состоящие на хозяйских харчах,—не приведи бог злому недругу—грязь, зловоние и опять распутство... животные и те находятся в лучших условиях“...

„О каком бы то ни было исполнении закона и правил не хотят и думать,—сами „законодатели“: каждый почти день вывешиваются в корпусах все новые и новые, фабрикующиеся богатой фантазией произвола, об‘явления, в конец уничтожающие всякие понятия о человеке и, об угнетенных и без того, рабочих в особенности“...

„Особенно свирепствует тяжелая рука хозяина заведующего Г..., приказчика Б..., дежурного Г..., мастера П... и бухгалтера З..., в зимнее время, начнут драть шкуру и ругательствами и штрафами, а иногда и побоями и возражать не смей, а что сказал рабочий—сейчас же его на мороз“...

„На фабриках имеется по уряднику, тайно субсидируемому, которые стоят на страже интересов поработителя“.

„На Екатериновской фабрике имеется более 1000 человек жителей и над ними тяготеет та же хозяйская рука и кроме того прислан бухгалтер К... —злодей по взглядам и по воспитанию, всячески теснит рабочих, издает дикие, нелепые и противозаконные об‘явления и требует их выполнения... Женщины, подростки и дети работают по ночам

в производствах, где законом воспрещен их труд"... „Следует подвергнуть наказанию и за убитого мальчика, он начал работать с 10 лет"...

Далее автор раскрывает пред инспектором ряд злоупотреблений с штрафными суммами, которые попадают в „широкий алчный карман фабриканта"...

„Фабрикант Кузнецов—говорит в заключение Д.." когда, где бы и с кем бы то ни вошел в сношение, везде оставляет несмываемые следы грязи и порока"...

Не менее яркое представление о „человеке-звере" дает коллективное письмо рабочих от 20 марта 1912 года.

„От рабочего люда, всех ткачей и месячных фабрики Кузнецова при сельце Екатериновке".

ПРОШЕНИЕ.

„17-го марта сего года приехал к нам хозяин фабрики Григорий Андреевич Кузнецов; первым долгом уволил управляющего над своей фабрикой и также его помощника. После этого Кузнецов об'явил ткачам, чтобы они работали казенное сукно на 21 промет (двадцать одна нить в одном дюйме; примечание мое. М. В.), ткачи на это ничего не сказали. Когда он (фабрикант) ушел в контору, к нему подошел ткач Канифат Маслов и просил выписать ему провизии, но Кузнецов Маслову провизии не выписал, а велел идти сдать станок и получить расчет. Маслов, не имея за собой причины, пошел вторично его просить. Хозяин находился в это время в прессу (прессовочное отделение В.) Маслов, подойдя к хозяину, спросил его, зачем его увольняют; хозяин приказал Маслову выйти, но он умолял хозяина не увольнять, потому, что у него семья голодает. Хозяин этого не понял, подошел к Маслову, закричал на него и ударил аршином. Маслов хозяйский удар снес, но не уходил. Хозяин разгорячился, закричал прессовщикам: „гоните его вон".—Прессовщики набросились на Маслова и

стали бить железными прутками. Маслов закричал дурным голосом; народ, услыша крик и шум, бросил работать и сбежались все к прессовой. Маслов в это время был уже вытащен на волю и брошен в грязь. Жена Маслова, увидя его избитым и валяющимся в грязи, стала бить стекла в прессу, так как хозяин находился в это время в прессу.

Мы же рабочие позвали фабричного урядника и просили его, чтобы он отправил Маслова в больницу, но он (урядник), вместо того, чтобы спасти человека, пошел в контору, соединил телефон с прессом и спросил хозяина, что ему делать. Хозяин приказал требовать исправника с сильной охраной, потом пришел и отправил Маслова, а рабочие разошлись по своим работам"...

„На другой день рано утром явилось начальство со стражей. День был воскресный, народ находился в хозяйских квартирах, некоторые были в церкви. Утром, в 9 часов, приходят в наши квартиры два урядника, сельский староста и сотский и об'явили, что хозяин, Григорий Андреевич, приказал всем ткачам, занимающим хозяйские квартиры, идти в 12 часов в контору и получить расчет, а в час очистить квартиры".

„Ткачи, не признавая за собой никакой вины, к расчету не пошли...

„Не более, как через полчаса 2 урядника со стражею погнали всех ткачей насильно к расчету. Некоторые ткачи не пришли в квартиры. Туда уже были высланы хозяином Кузнецовым 12 лошадей с рабочими мусульманами и со стражей. Рабочие по приказанию хозяина и стражи брали наше имущество, бросали на воза, вывозили на площадь и валили в грязь".

„Рабочие, ткачи не сопротивлялись. В это время хозяин и земский начальник являлись в квартиры рабочих... и кричали, чтобы скорее очищали квартиры, покамест не биты, а также кричали на рабочих мусульман, которые находились при лошадях, чтобы они брали и таскали скорее, они же,

боясь хозяина, брали вещи не аккуратно, у некоторых побили иконы и брали их мусульманскими руками. После выноса вещей тут же забивали квартиры. Народ весь ночевал на площади с малыми детишками на морозе, так как никто на сельские квартиры не пускал, потому, что Кузнецов грозил, что если кто пустит выброшенных на квартиру, то тоже будет разочтен"..., на другой день, 19 марта, стал Кузнецов призывать в контору месячных рабочих, тоже самое велел уходить с квартир без всякой причины и получать расчет"... Далее рабочие просят инспектора „войти в затруднительное положение", выяснить „недоразумение", так как выброшенные с фабрики рабочие приезжие издалека и у них не только на „переправку на свою родину, но даже и питаться нечем", фабрикант же поступил „не по правилу", не предупредил и остановил работы в самое трудное время, „так, что ни идти, ни ехать никуда нельзя"...

Письмо было передано инспектору рабочими ткачами Советниковым и Шипковым и отбойщиком Горбуновым, излишне говорить о том, что жалоба рабочих не принесла им пользы...

„Три м-ца ходили без работы „бунтовщики" по губернии и в конце-концов пришлось вторично придти проситься к извергу... Тот брал и смеялся, говоря: „Четвертак сбавлю и будешь работать, мерзавец"... И... работали". (См „Рассказ из прошлого" „Пролет. Путь" от 23-VIII—1924 г.).

Во всех случаях нарушения прав рабочих, бесчеловечной эксплоатации и прямой зверской расправы, рабочие обращались к посредничеству фабричной инспекции. Но последняя, и сама по себе не слишком склонная отстаивать рабочих, была, кроме того, бессильна бороться с предпринимателями.

Один из фабричных инспекторов губернии в отчете откровенно пишет:

„Посредническая деятельность фабричной инспекции, при разборе жалоб рабочих, имеет успех только на фабриках с малоразвитой администрацией. На больших же фабриках, где состоят люди развитые, знающие, что фабричный инспектор не имеет права возбуждать непосредственно судебное дело, в большинстве случаев отказываются выполнить законное требование рабочего. Фабричный инспектор предлагает рабочему обратиться в суд, но большинство рабочих упорно отказываются обращаться в суд, боясь судебной процедуры в силу своей малой развитости, а равно малому знакомству суда с фабричными постановлениями. Были случаи обращения рабочих в суд и суд ни разу не удовлетворил иски рабочих за необязательную сверхурочную работу“...

„К тому же нет фактической возможности обратиться к суду, т. к. каждый рабочий, подавший жалобу на хозяина, несомненно на „законном“ основании будет уволен от работы, а все рабочие желают продолжать работу и без заработка на ф-ке им самим и их семействам нет возможности существовать“...

Порочный круг произвола и эксплоатации замыкался. Стараниями кулака-фабриканта и его „верного стража“, самодержавно-полицейского аппарата устранялись всякие легальные возможности улучшения положения рабочего класса.

Бюрократия оставалась безнадежно глухой к урокам истории. Рабочее движение, волна забастовок рассматривалась, как „козни смутьянов и крамольников“.

Характерно, что даже такой „либеральный и просвещенный“ бюрократ, как Витте, писал (совершенно секретный циркуляр № 209 от 26 марта 1902 года): „Беспорядки последнего времени, как это и раньше наблюдалось, были вызваны или теми, переходящими с фабрики на фабрику, рабочими, которые по своим нравственным качествам не могли приобрести себе прочного положения ни на одной из мануфактур, или людьми, превратно понижающими интересы рабочих и стремящимися искусственно создать у нас ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе“...

„Чины инспекции должны пользоваться каждым подходящим случаем, чтобы внушить рабочим, что не только незаконность притязаний, но даже стремление к достижению законных прав, но противозаконным или насильственным путем, будут неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения, ибо Правительство, при таких обстоятельствах, не может допустить осуществления желаний рабочих даже в том случае, если бы фабриканты, под влиянием угроз, или по добродушию (?! М. В.) из‘явили согласие на уступки“...

Дружно рука об руку буржуазия и бюрократия, в полную меру своих сил, работали над созданием для себя могильщика...

Рабочее движение до 1905 года.

Невыносимо тяжелые условия труда, бесчеловечная эксплоатация и бесправие рабочих, о которых говорилось выше, создавали не мало горючего материала.

Однако, ряд обстоятельств, как например, полукрестьянский состав рабочих, привязанных к земле и определенной фабрике, разбросанность самих фабричных заведений по глухим углам губернии, куда трудно проникала свежая, бодрящая и организующая мысль, в значительной мере понижали, если не уничтожали вовсе сопротивляемость рабочих нашей губернии.

Самые настойчивые попытки с нашей стороны найти следы рабочих организаций, или каких-либо организованных выступлений рабочих до начала 900 годов успеха не имели.

На отсутствие таковых выступлений Симбирских рабочих указывает и переписка губернатора с Департаментом полиции, в связи с образованием фабрично-заводской полиции, относящаяся к началу 1901 г. *).

*) Для борьбы с нароставшим рабочим движением царское правительство проектировало ввести на фабриках и заводах полицейские отряды, при чем задачи этой полиции считались более сложными, чем обязанности обыкновенной полиции:... „более сложны и ответственны обязанности тех чинов по-

лиции, которым поручен надзор за фабрично-заводским населением"... говорилось в циркуляре. Полиция должна предупреждать самое возникновение стачек и иных беспорядков среди рабочих...

„Когда же порядок окажется нарушенным и волнения среди рабочих начнутся, та же... полицейская стража должна являться перед населением в виде вооруженной и быстро передвигающейся силы, готовой стремительным и энергичным натиском воздействовать на возбужденную толпу... „Как показывает опыт, такое воздействие достигается наилучшим образом посредством конно-полицейской стражи, или жандармерии, которая уже одним своим внушительным видом производит устрашающее впечатление на волнующуюся массу".

Не менее интересны и откровенны указания на то, чьи интересы будет защищать эта „внушительного вида" полиция:

„... прежде всего проектируемая полиция учреждается не только в видах общегосударственных, но равным образом, и, может быть даже преимущественно, в интересах владельцев промышленных заведений. Возникающие на сих заведениях беспорядки и волнения рабочих причиняют владельцам крупные убытки, как вследствие приостановки работ, так и вследствие разрушения и порчи рабочими, во время волнений, фабричных зданий и инвентаря... Засим не надо упускать из виду, что нередко непосредственным поводом к возникновению беспорядков на промышленных заведениях являются действия самих агентов фабричной и заводской администрации. В сем отношении можно отметить: неправильное учинение расчетов с рабочими, производство ненормальных штрафных вычетов из жалованья рабочих, снабжение их недоброкачественными предметами потребления из фабричных лавок и т. п."... (Из Секретн. циркул. Д-та Полиции).

„В Симбирской губернии, как чисто земледельческой,—писал губернатор,—фабрично-заводская промышленность находится в крайне слабом, сравнительно, развитии... Равным образом и рабочие местных суконных фабрик резко отличаются от типа фабрично-рабочего в крупных промышленных центрах.

Причиною сему является, конечно, главным образом, то условие, что значительную часть рабочих на суконных фабриках составляют крестьяне тех селений, при которых фабрики эти расположены, или же из ближайших к ним населенных пунктов.

Рабочие эти, обыкновенно, кроме работы на фабрике занимаются со своими семьями обычным крестьянским хозяйством и живут дома, посещая фабрику в положенные рабочие часы.

С другой стороны в этом отношении нельзя также не отметить, что почти на всех суконных фабриках Симбирской губернии значительный контингент рабочих составляют татары, которые вообще отличались спокойным характером и скромным образом жизни, далеки от всяких рабочих движений, а тем более от наклонности к беспорядкам на почве социально-политической. В подкрепление настоящей, так сказать общей характеристики местных фабрик можно указать на то, что не только за последнее десятилетие, но и ранее сего никаких забастовок и стачек и массовых беспорядков на на этих фабриках не происходило. Равным образом нет основания ожидать подобных

явлений по крайней мере в ближайшем будущем. Хотя, конечно, и здесь возникали иногда недоразумения между фабрикантами и рабочими по поводу неправильного учинения расчета, ненормальных штрафов, задержки паспортов при уходе с работы и т. п., но недоразумения эти всегда имели частичный характер и всегда быстро улаживались большею частью даже без вмешательства какой-либо власти ...

О том же говорит и переписка Жандармского Управления, относящаяся к августу 1893 г.

„В делах вверенного мне Управления,—говорится в сношении Н-ка Жандарского Управления, за время с 1883 года по 1893 год, не видно, чтобы на фабриках и заводах в Симбирской губернии были случаи стачек и забастовок“...

Можно с уверенностью сказать, что самое незначительное выступление рабочих, если бы оно имело место, не прошло бы незаметно для Жандармского Управления, особенно ревниво наблюдавшего за развитием „крамолы“ именно в отмеченный период, период наступившего „успокоения“ с воцарением „державного родителя“ Николая последнего.

Последующий период (начиная с 1893 года) был периодом интенсивного роста русской промышленности, который, говоря словами проф. Покровского, носил „американский“ характер.

Не менее интенсивным, как известно, было в это время и рабочее забастовочное движение в промыш-

ленных районах, при чем забастовки носили характер, ясно говорящий о высокой организованности рабочих. „Отличительными признаками всех этих стачек, говорилось в одном из пиркуляров министра внутренних дел, представляются: пред'явления рабочими одних и тех же, точно формулированных, требований, единодушное упорство в отстаивании своих домогательств и сохранение стачечниками внешнего порядка и спокойствия"...

Симбирская промышленность, как отмечалось выше, не пережила „американского" под'ема.

Равным образом нет указаний на какое-либо особое оживление и среди Симбирских рабочих в течение всего последняго десятилетия прошлого столетия...

Первым установленным фактом коллективного выступления рабочих является забастовка ткачей на Старо-Тимошкинской суконной фабрике Якуба Акчурина, происходившая в октябре 1900 года.

На указанной фабрике, как и на многих других, была установлена добавочная плата за каждое сотканное сукно („половинку") 25 коп. на ручных станках и 15 коп. на самоткацких, которая выдавалась при годовом расчете. 5-го октября 1900 года рабочие потребовали выдачи указанной добавочной платы, а также выдачи жалованья за сентябрь м-ц. Владелец отказался выдать дополнительную плату и об'явил всем ткачам (90 чел.) расчет.

В жалобе, заявленной фабричному инспектору, рабочие указывают на разного рода злоупотребления, как, например, удлинение рабочего дня накануне христианских и мусульманских праздников, на чрезмерно высокие штрафы за погрешности в ткачестве—за помарку сукна, или за неровность удерживалась вся следуемая рабочему плата и т. д. Кроме того рабочие пред'явили ряд требований, которые в общем сводились к следующему:

1. Выдать не позже 13 октября всю дополнительную плату за сотканное сукно за весь истекший год и выплатить заработную плату за сентябрь месяц.

2. Выдача заработной платы должна производится в сроки, указанные в правилах *) внутреннего распорядка и не в самые праздники, а накануне их; также должна производиться и выдача товаров из фабричных лавок; цены должны быть одинаковы с базарными или несколько выше, чтобы только оправдывать расходы по содержанию лавки, а если владелец на это не согласен, то заработная плата должна выдаваться два раза в месяц.

3. Расценки на сдельные работы (плата за сотканную половинку) должны устанавливаться без дополнительной платы, плата шпульникам должна быть от

---

*) Из переписки фабричного инспектора видно, что кроме условий найма предусмотренных фабричным законодательством, практиковались особые договора, связывающие рабочих, ускользающие от наблюдения фабричной инспекции и, по словам фабричного инспектора, в большинстве случаев заключающие в себе условия, противоречащие требованию закона. Нам не удалось, однако, найти ни одного такого договора. М. В.

конторы, а не со счета ткача. Расценки должны быть об'явлены, по крайней мере, за две недели вперед, а не тогда, когда сукно уже соткано.

Без удовлетворения этих требований, ткачи отказывались работать.

Какой был исход этой первой для нашей губернии забастовки, неизвестно.

Есть основания предполагать, что „мирное" течение фабричной жизни было нарушено безвозвратно, и это обстоятельство повидимому причиняло не мало забот Жандарскому Управлению, т. к. последним возбуждается вопрос о создании жандармских пунктов в фабричных районах.

В „Симбирской губернии",—писал начальник губернского жандармского управления,—„много фабрик с количеством рабочих, доходящим до 2000 человек, и между тем за этими фабриками и заводами со стороны Жандармского Управления не имеется наблюдения, тогда как при нынешних обстоятельствах следовало, хотя бы на более крупных фабриках учредить жандармские пункты из двух унтер-офицеров"... (Политический обзор губернии за 1901 год.).

В 1901 году зарождается движение среди Симбирских печатников. Условия труда во всех типографиях (Губернского Правления, Токарева, Дмитриева, и Мураховской были тяжелые, рабочий день десятичасовой. Помимо этого в зимние месяцы работали еще сверхурочно 2—3 часа, при чем в губернской типографии за эти сверурочные и праздничные работы

(по 6 час. в день) выдавались так называемые „наградные“ к Рождеству, иногда к Пасхе. Наградные выдавались в размере от 50 к. до 5 руб. при окладах от 6 до 18 руб. в месяц. Кроме „наградных“ никакой оплаты сверхурочных и праздничных работ не полагалось. В частных типографиях в сверхурочные часы работали сдельно, зарабатывая 30-40 к за 3-4 часа.

Первое столкновение рабочих с адмнинистрацией произошло в губернской типографии, где наборщиков, из-за спешной работы, заставляли работать 13-14 часов ежедневно и сплошь все праздники. В один из праздников наборщики, сговорившись между собой, не вышли на работу.

„На другой день—рассказывает один из участников забастовки“,—„заведующий этой типографией, чиновник М. против обыкновения явился задолго до начала работ и при том в парадном сюртуке, при входе в типографию встречал всех рабочих, придираясь к ним, как будто опаздывающим к началу работ, ругая их забастовщиками. Многие рабочие в то время еще не понимали значения слова „забастовщик“ и не зная в чем дело „недоумевали“.

„Ослушников“ наборщиков заведующий не допустил в типографию, заявив им, что они должны ждать решения своей судьбы от советника правления.

Часов в 10 утра советник Т. „изволил прибыть“, созвал всех рабочих в наборное отделение и разразился перед ними грозовой речью, в которой заявил, что не допустит стачек, что забастовщиков сгноит

в тюрьме, сошлет в Сибирь и т. д. Эта речь была обращена не к виновникам забастовки, а к тем, кои об ослушании начальству и не помышляли.

„Забастовщикам“ же он отдельно, в еще более грозной форме делал внушение, в конце коего заявил, что, в целях сохранения своей репутации, не доведет до сведения „кого следует“, а ограничится немедленным увольнением их. Но уволил он только двух „зачинщиков“, т. е тех, кто решался перечить ему во время нотации, других же оставил работать, т. к. срочность работы вынуждала к этому.

Этот робкий протест все же ободряюще подействовал на рабочих: „рабочие с этих пор как будто стали смелее, стали вступать в пререкания с теми, с кем боялись даже разговаривать“... Другим последствием этой первой забастовки было то, что сверхурочные работы стали практиковаться реже, введена была почасовая оплата их, а к Рождеству „наградные“ были выданы в размере месячного жалованья („Рабочая Жизнь“ № 1 за 1922 г.).

В течение 1902 года происходит ряд конфликтов на суконных фабриках на почве несвоевременной выдачи заработной платы и принуждения забирать по повышенным ценам товары в фабричных лавках. Особенно часто возникали на этой почве конфликты на фабрике Трегулова при селе Теплом Стане. На этой последней в январе 1903 г. возникает забастовка, инициаторами которой, как и в большинстве случаев, явились ткачи.

Причиной забастовки, как отмечалось выше, было принуждение забирать товары из фабричной лавки, а также принуждение работать по праздникам. Характерной особенностью этой забастовки, рисующей невысокий уровень развития рабочих, явилось то обстоятельство, что они обращались за поддержкой к местному священнику.

28 декабря, в 6 часов вечера, сообщает фабричный инспектор, в ткацкий корпус явился местный священник с сотским и спросил ткачей работают они добровольно или по принуждению. Получив ответ, что ткачи работают по принуждению, священник потребовал от ткацкого матера прекращения работы. Работа была прекращена и рабочие разошлись.

Забастовка продолжалась в последующие дни: 7 января 1903 года рабочие под влиянием фабричного инспектора приступили к работе, но цодали ему коллективное заявление, такого рода: „Мы нижеподписавшиеся фабричные рабочие, крестьяне села Теплого Стана, работающие на фабрике арендатора Х. Ф. Трегулова, выдали настоящую подписку г. помощнику фабричного инспектора Курочкину в том, что мы нижепоименованные к-не не желаем получать продуктами из фабричной торговой лавки, а желаем получать каждомесячно жалованье деньгами и если возможно, то желаем чтобы вовсе прекратить торговлю из фабричной лавки, в чем подписуемся“ (следует 72 подписи.).

Спустя несколько дней конфликт возобновился при обстоятельствах, о которых так доносит губернатору начальник Жандармского Управления: „По полученным в Управлении сведениям на суконной фабрике Трегулова ткачи подавали прошение на имя фабричного инспектора о том, что Трегулов берет непомерно высокие цены за продукты и товары из фабричной лавки, не производит расчета деньгами, а заставляет брать товары из лавки и принуждает работать в воскресные дни“...

„Такого же рода заявление ткачи делали ранее местному священнику, который велел им, если их заставят работать в воскресный день, немедленно дать знать ему, что ткачи и исполнили с 11-го на 12 января в вечернюю смену“...

„Священник П... явился, потушил лампы и приказал всем бросить работу“ . . . „Трегулов выгнал со службы всех ткачей, которые отказывались работать в воскресные дни... Рабочие разошлись и работа не производилась 5 дней до приезда фабричного инспектора, который, созвав рабочих, заявил, что расчет будет производиться ежемесячно, что цены на товары будут понижены... Рабочие успокоились, приступили к работе“. *)

*) Участие, проявленное священником, имело в основе, конечно, не интересы рабочих, а изуверскую ненависть к местному мусульманскому населению, в том числе и к самому фабриканту—татарину Трегулову. Следующий отрывок из письма этого священника эту мысль ярко характеризует: „неоднократно замечалось, что татары, служащие

на фабрике Трегулова, топят баню (что вне пределов фабрики и недалеко от православного храма) по воскресным дням без исключения и даже по двунадесятым праздникам. Мало того, вчерашний день (18 апреля) мною было замечено, что баня топилась. И это в дни св. Пасхи,—праздникам праздник „не слыхано еще, чтобы небольшая горсть татар обнаруживала такое своеволие в русском селе“....

В результате возникшей переписки между губернатором и епископом строптивый „батюшка“ был вызван в присутствие консистории для „преподания потребного наставления“ за „неосмотрительное“ вмешательство в дела фабрики, действующее возбуждающим образом на фабричных рабочих, и без того в большинстве случаев враждебно настроенных против фабрикантов“...

На почве задержки заработной платы, возникали конфликты на Гурьевской и Екатериновской фабриках.

На последней была попытка организовать забастовку, попытка не удалась вследствие вмешательства полиции. Пытавшиеся организовать забастовку, рабочие Незаметдинов и Орлов были уволены с фабрики.

В следующем 1904 г. у администрации возникли опасения возникновения рабочих беспорядков 1 мая. Участковым инспекторам были поставлены такие вопросы: „не замечается ли какого-либо брожения среди рабочих и чем оно вызывается“, „имеются ли основания, и какие именно, к опасению возникновения рабочих волнений и беспорядков к предстоящему 1-му мая“, не потребуется ли принятия каких-либо мер вообще для обеспечения спокойствия среди рабочих и, в частности, экстренных мер, вызываемых исключительными обстоятельствами“.

В своих ответах участковые инспектора рисовали такую картину: „фактических данных о брожении в среде рабочих нет, но по разговорам с рабочими иногда чувствуется, что некоторое брожение существует; хотя означенное брожение об'ясняется разницей интересов предпринимателя и рабочих, но не настолько велико, чтобы вызвать активные действия массы“... и далее „нет данных об усилении разной пропаганды среди рабочих, а потому не предполагается возникновения рабочих волнений и беспорядков к предстоящему 1 мая“.. „Вообще, если возможно появление каких-либо волнений, то означенные волнения, по моему мнению, говорит инспектор 2 уч., не могут захватить большое количество промышленных заведений и ограничатся по преимуществу промышленными заведениями с пришлым рабочим людом, но ожидать волнений и в этих последних имеется мало оснований“...

Мерой, которая могла бы предупредить рабочие волненения, по словам того же инспектора явилось бы обязательное введение института рабочих старост в промышленных заведениях, хотя наиболее крупных, что облегчало бы ознакомление с настроением рабочей массы*).

*) Закон о фабричных старостах увидел свет в 1903 г. Однако, применения на Симбирских фабриках он не получил, т. к. по словам фабричного инспектора „владельцы фабрик, ссылаясь на то, что рабочие истолкуют существование старост преувеличенно в свою пользу, отказываются от добровольного введения его на фабриках“...

Что представлял собой этот „закон“ можно судить по следующим выдержкам из него:

1. „Фабричные заводские и промысловые управления, с разрешения присутствий по фабричным и горнозаводским делам, имеют право, по предварительном распределении рабочих заведения или промысла на разряды, предоставлять этим разрядам избирать из своей среды кандидатов в старосты. Из числа ибзранных по каждому разряду кандидатов Управление предприятия утверждает одного старостою данного разряда“.

2. „Кандидатами в старосты не должны быть избираемы рабочие моложе 25 лет. От управления предприятия зависит назначить и более высокий наименьший возраст для кандидатов в старосты“.

Управления предприятий составляют правила о старостах, которые предусматривают:

б) „Порядок избрания старост, как-то: способ подачи голосов, число голосов, обязательное для выбора кандидатов, место и время подачи голосов, а равно число кандидатов в старосты, представляемых каждым разрядом на утверждение управления предприятия; в) необходимые для кандидата в старосты возраст и продолжительность службы рабочего в предприятии; г) порядок освобождения старост от работ для исполнения их обязанностей; д) срок полномочий старост и способ замещения их на случай болезни, отсутствия, ухода со службы в предприятии и по другим поводам и е) прочие указания оносительно старост, которые окажутся необходимыми по местным условиям“.

И, наконец, „старосты, не удовлетворяющие своему назначению, могут быть устраняемы от исполнения своих обязанностей распоряжением губернатора и до истечения срока, на который они избраны“.

Едва ли нужно доказывать, что рабочим „истолковать существование старост в свою пользу“, чего так боялись Симбирские фабриканты, были предоставлены более чем скромные возможности...

Не лишне отметить, что отношение к закону о старостах и в рабочих и в партийных кругах было отрицательным. Хотя известная депутация от „Общества взаимной помощи рабочих г. Москвы“, в марте 1905 года представлявшаяся министру финансов, в число требований включила и требование „расширить пределы деятельности фабричных старост“, но и она считала необходимым реорганизовать старостат по образцу фабричных комитетов Германии, „ибо нынешние старосты, говорилось в докладной записке,—представляют лишь передаточную инстанцию, не имеющую даже совещательного голоса“.

Закон о старостах, не получил сколько-нибудь заметного распространения в стране.

Попытка воскресить это детище Плеве возникает уже в 1916 году, в противовес наростающему революционному брожению в рабочих массах.

Инициатива этой попытки принадлежит никому другому, как..... меньшевистско-оборонческой так называемой „Рабочей группе“ Центр. Военно-Пром. К-та. Реформированный меньшевиками закон, по их словам, должен был стать «ферментом», спаивающим рабочий класс, укрепляющим и дисциплинирующим его.... Старостат должен стать организацией.... ослабляющей остроту конфликтов между трудом и капиталом... (Подчеркнуто мною М. В.).

Но меньшевистская приправа не могла, конечно, заглушить „полицейский душок“ закона и сознательная часть рабочих должным образом заклеймила желание „мнимых друзей рабочих“—говоря словами рабочих зав. Н. Лейснер,—направить рабочие массы по пути любовных сделок с капиталом и „создать в рабочей массе ячейку, через которую можно было бы выловить наиболее активных работников“.

В ответ на стремление воскресить этот ублюдочный закон, хотя бы и в „оменьшевиченном“ виде, рабочие массы требовали восстановления свободы для профессиональных союзов и других рабочих классовых организаций.

Осноная промышленность губернии в связи с войной в течение всего 1904 года переживала под‘ем. Фабрики по словам фабричного инспектора „положительно завалены заказами“, на большинстве вводились ночные смены, число рабочих особенно женщин и малолетних увеличивалось. „Военные действия,—писал во „всеподданнейшем“ отчете губернатор,—способствовали, между прочим, развитию одной отрасли промышленности в Симбирской губернии—суконных фабрик, ...и „к счастью волнения фабричных рабочих, имевшие место за последний год по всей России, не отразились пока среди рабочих суконных фабрик Симбирской губернии и фабрики эти до настоящего времени идут полным ходом. Единичные случаи требований со стороны рабочих об увеличении заработной платы удовлетворялись фабрикантами, получающими теперь за сукна повышенную плату“...

В приведенной выдержке из отчета Симбирского сатрапа верно только одно: суконные фабриканты действительно набивали карманы барышами, какие возможны только во время войны. Что же касается положения рабочих, то таковое не только не улучшилось, но даже ухудшалось. Задержка заработка, эксплоатация детского труда, навязывание товаров из фабричных лавок составляли обычное явление. Со

стороны рабочих фабричному инспектору поступали жалобы на грубое обращение и даже побои. Махинации с фабричными лавками обращали на себя внимание даже жандармского отделения, которое, напр., сообщает губернатору, что на фабрике Шатрова „существует сильное недовольство рабочих против заведующего фабрикой за то, что он не допускает частных торговцев и настаивает, чтобы все необходимое покупалось рабочими в фабричной лавке, где цены значительно выше, чем у частных торговцев“...

Тем не менее за 1904 год мы не можем отметить ни одного активного, массового выступления симбирских рабочих...

1905-1907 годы.

Промышленный кризис конца прошлого и начала текущего века не отразился сколько-нибудь значительно на промышленности Симбирской губернии, зависящей не исключительно от общего рынка.

Даже больше того, как уже упоминалось выше, начавшаяся в 1904 году война с Японией укрепляла суконную промышленность, получившую большие поставки на армию.

1905 год не вносит резких перемен в положение и, хотя некоторые отрасли промышленности, как например асфальтовая, испытывает перебои, основная промышленность—суконная продолжает обильно питаться от интендантского стола. В этой последней, по словам фабричной инспекции, стала замечаться тенденция к техническим усовершенствованиям —применение механических ткацких станков вместо ручных и т. д.,—а число фабрик даже повысилось.

С окончанием войны и сокращением интендантских заказов в текстильной промышленности начинаются затруднения—„стеснение в деньгах“, как говорится в докладе фабричного инспектора.

Понижение спроса на текстильные изделия быстро отразилось сокращением числа суконных фабрик (с 23

до 18), а остальные сократили число рабочих: 2 фабрики, имевшие свыше 1.000 рабочих, уменьшили число рабочих на 200 чел.; три фабрики—свыше 501 чел. уменьшили число рабочих также на 200 человек; девять фабрик с числом рабочих свыше 101 уменьшили число рабочих более чем на 150 человек (отчет фабр. инсп. 2 уч.).

Неурожай 1905-1906 гг. отразился на мукомольной промышленности и крупнейшие мельницы стояли без работы. Пять асфальтовых заводов сильно сократили производство за отсутствием спроса на их продукцию.

В противоположность этим видам промышленности с 1907 года замечается развитие лесопильного дела и винокурения. Впрочем, винокурение в губернии, как уже отмечалось выше, расло непрерывно на протяжении ряда десятилетий, что же касается роста лесопильных заводов (за 1907 год вновь пущено в ход девять лесопилок), то это об'яснялось с одной стороны усилившимся спросом на лесные материалы, а с другой—стремлением лесовладельцев, напуганных аграрным движением, сопровождавшимся порубкой лесов, утилизировать лесные участки.

Это частное явление не могло, однако, изменить общее состояние промышленности, которое характеризовалось наростанием кризиса, наложившим свой отпечаток, как увидим дальше, на состояние и характер рабочего движения...

Забастовочное рабочее движение в период 1905-1907 г.

В жизни рабочего движения нашей губернии, как и всего российского рабочего движения, 1905 год является моментом переломным. С этого момента движение охватывает не только рабочих, но и служащих, как частных, так и государственных и общественных учреждений и хозяйств, при чем в некоторых случаях движение носит чисто политический оттенок, но чаще всего, начавшись на политической почве, движение принимает смешанный характер и выдвигает моменты экономические и наоборот.

Январские события 1905 г., всколыхнувшие промышленные районы, непосредственного отклика в среде симбирских рабочих не нашли. Весь январь прошел спокойно и только в феврале начинается забастовка среди работников железнодорожного телеграфа: 4 февраля забастовали железнодорожные телеграфные станции Инза и Сызрань. По сведениям жандармского управления забастовка началась по указанию телеграфных работников Московского узла.

Прекратив работу, работники телеграфа пред'явили требования экономического характера. На станции Инза администрация приступила к вербовке штрейкбрехеров, но к работам удалось привлечь только единицы: на станции Инза – старшего телеграфиста и учеников телеграфа; на станции Сызрань-Казанская—контролера-механика телеграфа и надсмотрщиков. Управление дорогою об'явило расчет телеграфистам всех категорий, телефонисткам и ремингтонисткам, кото-

рые не вступят в отправление службы в назначенные сроки. За получением расчета предложено были явиться 7 февраля. Телеграфисты же, состоявшие на учете у комендантов станций, обязывались представить свидетельства, выданные взамен увольнительных (воинских) билетов.

Угрозой увольнения, с одной стороны, и снятием с учета—с другой, забастовка была прекращена. С 7-го февраля все приступили к работам.

В том же феврале началась забастовка рабочих железнодорожных мастерских в Алатыре, сильно обеспокоившая местную полицию.

Исправник Неофитов шифрованною телеграммою от 9/II доносил губернатору: „В Алатыре рабочие мастерских железной дороги в количестве пятисот забастовали. По заявлению начальника мастерских выставляют требования, пока спокойно, в случае волнения, кроме уговора нет средств, городовых двадцать, солдат нет“.

Губернатор отвечал: „Можете стануть урядников, в случае беспорядков, угрожающих имуществу, потребуйте войска от Командующего войсками округа, донесите мне“...

Забастовка рабочих Алатырских железнодорожных мастерских началась 9 февраля. Собравшись по обычному утреннему свистку к мастерским, рабочие в числе 550 человек к работам не приступили и явив-

шемуся начальнику мастерских Брунзелю пред'явили следующие требования: *).

1. Установить 8-мичасовой рабочий день.

2. Увеличить оклад поденного жалованья каждому мастеровому на 20 коп.

3. Чернорабочий должен получать не менее 70 коп.

4. Прибавка должна производиться не менее двух раз (в год).

5. Ученики должны приниматься в мастерские не моложе 15 лет, поступающие же более зрелого возраста должны получать не менее 50 коп. в день.

6. Отменить сверхурочные и праздничные работы, исключая экстренных работ и то по соглашению мастеровых, при том каждый рабочий час должен считаться за два.

7. Полная отмена штрафов без разбора дела.

8. Оценка пробы должна производиться мастером с согласия мастеровых на то выбранных.

9. Увеличить расценок на сдельные работы по возможности, но не менее 25%; процент должен быть распределен между всеми мастеровыми равномерно.

10. Вывесить расценки каждой вещи паровоза, как большого, так и малого ремонта.

11. Вежливое обращение всех начальствующих лиц с мастеровыми и рабочими.

12. Не должно быть увольнения мастеровых и рабочих без уважительных причин и чтобы каждый

*) В основу требований были, повидимому, положены известные требования путиловцев, пред'явленные ими во время забастовки в конце 1904 г (См. Антошкин; „Проф. движ. в России" стр. 77).

проступок мастерового и рабочего, за который тот подвергается увольнению, должен быть рассмотрен начальником мастерских совместно с лицами, выбранными из среды мастеровых.

13. Столярная работа производилась бы общественным (казенным. В.) инструментом но никак не своим.

14. Большой ремонт вагонов производиться должен в зимнее время в теплом помещении, а не на дворе.

15. По случаю рождения или смерти членов семьи мастеровых и рабочих выдавать вспомоществование не менее 10 рублей.

16. Начальник и мастера должны давать отпуск мастеровым и рабочим по первой просьбе.

17. Премия за сокращение простоя паровозов в ремонте должна быть распределяема между мастеровыми.

18. Улучшить вентиляцию в кузнице, т. к мастеровые страдают от копоти и пыли, что вредно отражается на их здоровьи, а также улучшить здание сборок в отношении отопления.

19. Монтеры чтобы были штатные.

20. В субботние дни на завтрак давалось бы время 1/2 часа.

21. Медицинский персонал должен обращаться с мастеровыми и семейными вежливее и внимательнее.

22. Построить при Алатырских мастерских больницу с полным снабжением медикаментами и открыть

начальную ремесленную школу для детей железнодорожных служащих.

23. Установить страхование жизни, в случае каких бы то ни было увечий, всех мастеровых и рабочих.

24. В случае сокращения штата служащих, уволенным должны выдавать за каждый год службы средний двухмесячный заработок.

25. В свободное и праздничное время разрешить чтение лекций по техническому отделу и устроить при мастерских бесплатную библиотеку.

26. Проездные билеты должны выдаваться не менее 4 раза в год и пользовались бы ими все члены семьи.

27. Переделка каких бы то ни было вещей, независимая от мастеровых, должна быть оплачиваема вторично, а также вещи, не включенные в расценок, должны оцениваться отдельно.

28. От забастовки из мастеровых, чтобы никто не пострадал и жалованье со дня забастовки не прекращалось.

До удовлетворения наших требований прекращаем работу и просим Правление (дороги) поспешить ответом на вышесказанное".

Пред'явив приведенные требования, рабочие спокойно разошлись по домам.

Несколько часов спустя стало известно, что депо и лесопильный завод продолжают работать. Рабочие заволновались и потребовали прекращения работы.

К 12 часам дня прекратились работы на лесопильном заводе и в депо, но в течение дня было несколько попыток части рабочих депо приступить снова к работам. Попытки прекращались большинством и к вечеру того же дня рабочие депо пред'явили следующие требования начальнику мастерских:

1. Установить 8-мичасовой рабочий день.

2. Прибавить мастеровым каждому поденную плату на 20 копеек.

3. Рабочие чтобы получали не менее 75 к. в день

4. Чтобы работа производилась в депо, т. е. в здании, а не на воле.

5. Чтобы мастеровые не переносили тяжестей, как в депо, так и из депо в мастерские, а производили эту работу чернорабочие, так как это их обязанность.

6. Заработок чтобы был равен у всех.

7. Монтеры чтобы были штатные.

8. Монтеры чтобы обращались вежливо с мастеровыми и рабочими.

9. Мастеровые и рабочие имели бы право уволить своего монтера, если он им не нравится, а также имели бы право избирать себе монтера из своих сотоварищей достойного.

10. Когда перемежается работа, то начальник или монтер не имел бы права заставлять мастеровых убирать депо, так как это не относится к их обязанностям.

11. Монтер писал бы каждого на работу не за взятки, а по правилу.

12. Чтобы был расценок на паровоз, а следовательно был бы и процент.

13. За поранение на работе, чтобы больничные деньги выдавались и в праздники и в такой же мере, как в будни.

14. Сверхурочные работы, чтобы были прекращены и могли производиться только по экстренным работам и то по желанию мастеровых, при чем каждый час считался бы за два.

15. Увольнение мастеровых было бы, но с согласия мастеровых.

16. Штрафов чтобы не было.

17. За время забастовки чтобы жалованье не прекращалось и от забастовки, чтобы никто из мастеровых не пострадал.

До удовлетворения наших требований прекращаем работу. Вышесказанное есть требование всех мастеровых и рабочих депо".

В первый день забастовки, 9 февраля, по словам жандармского полковника Кострицына „среди рабочих, видимо, была рознь и несогласие по поводу забастовки".

10 февраля администрацией были вызваны выборные от рабочих для переговоров. Но в состав выборных, по понятным причинам, не вошли руководители движения и из числа 10 выборных, по словам жандарма Кострицына, большинство буквально молчали, а остальные не могли основательно изложить своих нужд.

Выборным было предложено прекратить забастовку и об'явлена телеграмма Управления дороги об увольнении всех, кто в трехдневный срок не приступит к работе.

По свистку, данному после обеденного времени, собрались рабочие, из которых часть, главным образом из депо, хотели приступить к работам, но большинством это не было допущено. В то же время со стороны рабочих было сделано предложение приступить к работам, в ожидании ответа от Управления дороги (ожидать ответа согласны только до 20 февраля), при условии немедленного удовлетворения следующих требований:

„1. Прибавить каждому рабочему 20 коп. в сутки.

„2 Прибавка 25% к сдельной работе.

„3. Каждый рабочий должен получать не менее 70 коп. поденной платы".

Настроение рабочих было повышенное, или, как доносил жандармский полковник „вообще 10 февраля рабочие держали себя менее сдержанно, чем 9 февраля".

В следующие дни среди забастовавших наблюдалось единодушие и стойкость. Исключение составляли, обычно, многосемейные рабочие, пожилые и т. д. Некоторые из них являлись в контору, чтобы заявить о своем желании работать, но большинство, а особенно молодежь, держалось стойко и мешали возобновлению работ в депо и лесопильном заводе.

12 февраля по свистку собралось около 150 человек с целью начать работы, но вскоре вновь оставили мастерские.

„После этого, как сообщает полковник Кострицын, рабочие были собраны у входа в мастерские, где им была прочитана н-ком мастерских телеграмма, в которой об'являлось, что министр путей сообщения, с высочайшего соизволения, разрешил в мастерских и депо на железных дорогах сократить рабочий день до 9 часов . *) Далее было предложено рабочим в виду „монаршей милости“ (кавычки мои М. В.) прекратить забастовку, „но,—как говорится в донесении, рабочие пропели народный гимн, а к работам не приступили“...

Хотя рабочие вели себя сдержанно, что отмечалось даже полицией, однако жандармские власти и исправник боялись больших волнений в связи с назначенным на 14-е февраля общим расчетом рабочих, для таковой цели, по сведениям исправника, из Москвы уже были переведены нужные денежные средства. К этому моменту были стянуты из уезда урядники, полковник Кострицын имел при себе 24 жандармских унтер-офицера и 20 городовых были расположены близ вокзала на одной общей квартире.

Однако опасения волнений оказались напрасными. 14 февраля забастовка была сорвана благодаря жандармской хитрости.

---

*) Рабочий день до этого был 10 часовой. Снижение рабочего дня на всех железных дорогах стояло в зависимости от широкого движения охватившего всю страну после кровавых январских дней в Петербурге.

Вот как рассказывает об этом сам Кострицын: „...14 февраля по свистку, данному в 6 часов 45 м. утра, большинство мастеровых пошли в мастерские и, видимо хотели приступить к работе, но через некоторый промежуток времени опять вышли и отказались работать. Все уговоры с моей стороны, чтобы склонить их к возобновлению прерванных работ и возвратиться обратно не имели результата, но, так как среди рабочих стало замечаться разногласие, то прибегли к следующему способу: стали вызывать каждого по отдельности и тогда все выразили желание работать и сейчас же приступили к работе, за малым исключением, проработав до обеда. После обеда рабочие снова явились в мастерские, но через некоторое время стали с шумом выходить и только после уговоров решились приняться за дело, проработав до конца дня“... „В депо и на лесопильном заводе работы происходили в течение всего дня. Беспорядков со стороны рабочих не было“...

Из боязни, что приступившие к работам будут вечером встречены отказавшимися от работы с целью воздействия для продолжения забастовки, они (приступившие к работам) были распущены по домам на час раньше, вследствие чего собравшиеся вечером к мастерским рабочие уже не застали никого из работавших.

15 февраля забастовка прекратилась и все приступили к работам. *)

---

*) Нам не удалось установить, кто из рабочих и сколько из них пострадало за участие в забастовке, но можно с уверенностью сказать, что жандармская рука не оставила без возмездия наиболее активных участников забастовки.

Уже в начале года движение за улучшение экономических условий труда замечается среди небольших групп рабочих.

Фотографы упорно добиваются распространения постановления городской думы об ограничении торговли в праздничные дни и на фотографические мастерские. Рабочие водопроводной мастерской, принадлежащей городу, добиваются понижения рабочего дня до 10 часов вместо существовавших 11½ час. *)

В апреле на почве низкой оплаты труда возникает частичная забастовка на Ишеевской ф-ке. 8 апреля из числа ночной смены около 20 рабочих прекратили работу и ушли в застольную, но остальными рабочими поддержаны не были, вследствие чего всем забастовавшим было отказано от работы.

12 июля возникает забастовка ткачей на фабрике Шатрова. Забастовавшие ткачи, в числе около 250 человек, пред'явили такие требования:

1) Повысить расценку работающим на самоткацких станках с 1 рубля 25 коп. на 1 коп. за каждый аршин основы;

2) для ручных станков установить не прогрессивную, в зависимости от количества сотканных половинок, а постоянную расценку;

3) отменить вычеты за дрова в размере 75 коп. в месяц;

4) уплатить за время забастовки.

---

*) Газета „Приволжский Край“ от 13 февраля 1905 года отмечает забастовки на фабриках Арацкого и Шатрова.

Требование повышения расценок ткачи мотивировали вздорожанием жизни.

В результате переговоров при участии фабричного инспектора владелец согласился установить расценки: 1 руб. 50 коп. за кусок для механических станков и 1 р. 70 коп. для ручных; согласился также прекратить удержание за дрова со всех рабочих и не принимавших участия в забастовке. Платить за дни забастовки фабрикант отказался. Не согласным на указанные условия предложено было получить расчет. С 14 июля ткачи приступили к работам.

В июне вновь начинаются волнения среди рабочих Алатырских железнодорожных мастерских. В правление дороги были посланы требования об увеличении расценки работ и другие, выработанные выборными от рабочих. *).

*) Выборные от цехов (старосты) были введены на основании циркуляра по М.-К. ж. д. от 15 марта 1905 г. и утверждались начальником службы тяги.

Выборные Алатырских железнодорожников выработали следующие требования:

„1. Ввести расценки на сдельные работы, (принятые в) Московских мастерских, утвержденные министерством, так как неимение расценков задерживает исполнение работ.

„2. За время сверхурочных работ чтобы расценки на сдельные работы были увеличены на 50%.

„3. Прекратить вычеты по спискам из жалованья на военные потребности с 1 июня текущего года.

„4. Чтобы продукты из Алатырского магазина О-ва Потребителей отпускались и поденно-служащим без ограничения количества по установлен-

ному кредиту и отменить постановление, об'явленное нам 8 июня с. г. отпускать сахар только в размере 20% нашего кредита.

Улучшить качество продуктов, ибо весьма часто таковые отпускались плохого качества, а также озаботиться, чтобы продукты всегда имелись в достаточном количестве. Служащие магазина должны обращаться с потребителями вежливо, не допуская со своей стороны грубостей и насмешек по отношению нас и членов наших семейств.

О тревожном настроении среди алатырцев тот-же полковник Кострицын доносил губернатору: „мною получены негласные сведения о том, что 1 июля рабочие Алатырских железнодорожных мастерских решили собраться в г. Алатыре на площади у часовни и не выходить на работу“...

Губернатор, передавая исправнику о предполагаемой забастовке, заканчивал „коротко и ясно“: „Казаки есть в Ардатове“.

Но 1-е июля прошло спокойно, все рабочие были на своих местах. Предполагавшаяся сходка, инициатором которой была рабочая молодежь, не состоялась, потому что большинство рабочих не соглашались на прекращение работы до получения ответа из Москвы от Управления дороги.

Не получив ответа от Управления дороги, 6-го июля рабочие мастерских забастовали и принудили к тому же рабочих депо. Забастовавшие телеграммой просили управляющего дорогой прибыть для переговоров.

На другой день забастовки из Управления дороги был получен ответ, в котором говорилось:

1. Расценки на сдельные работы, взамен существующих, будут выработаны по образцу Московских; до получения новых расценок работа должна производиться по старым.

2. Иметь разные расценки для сдельных работ в урочное и неурочное время невозможно.

3. Вычеты на военные нужды прекратите со всех тех, кто об этом заявит... Предложите рабочим вступить на работу. Всех, кто в течение трех дней, со дня прекращения работ в мастерских, не вступит вновь на работу на действующих ныне условиях, прошу уволить и выдать расчет; если желающих работать не будет, прошу закрыть мастерские...

Угроза закрыть мастерские и угрозы прокурора 1398 ст. уложения о наказаниях, карающей за забастовку, не возымели своего действия. Рабочие продолжали бастовать и к прежним требованиям прибавилось новое требование—убрать н-ка мастерских Брунзеля, который был с рабочими необычайно груб. Несмотря на имевшееся распоряжение Управления дороги, рабочие не допускали мысли о возможности закрытия мастерских. В первый момент они даже выражали сомнение в подлинности телеграммы, предполагая подвох со стороны местной дорожной администрации, так как у мастерских было собрано много паровозов и вагонов, требовавших ремонта.

Уездный исправник, имевший среди забастовавших своих агентов, доносил губернатору: „...Негласным путем мною дознано, что на-днях при разговорах на одной из сходок о прекращении забастовки, некоторые из мастеровых высказали, что в настоящее время в г. Алатыре около мастерских много стоит паровозов, требующих ремонта и что теперь годных паровозов на ст. Алатырь остается немного, через неделю все потребуют ремонта, а потому мастеровые решили ждать того времени, когда все паровозы станут негодными, движение, по дороге должно прекратиться; тогда волей-неволей начальствующие потребуют их (рабочих) для переговоров“...

Забастовка протекала организованно. По сообщению исправника „..мастеровые ведут себя трезво, тихо, спокойно; сходки бывают ежедневно в 12 часов дня за городом; обсуждают вопросы чисто экономического характера, нисколько не касаясь вопросов политических“... *). У забастовавших имелись выборные, но руководство забастовкой находилось в других руках. Выборные были только механизмом для ведения переговоров с администрацией. Поэтому поводу полк. Кострицын сообщал губернатору следующее: „..Вообще выборные передают только решения собраний мастеровых; им запрещено говорить со мной и даже больше—им не позволяют принимать участие

*) Насколько еще не высок был уровень политического развития масс говорит тот факт, что на одном из собраний рабочие собирались довести о своем положении до „высочайшего“ имени.. И это после 9-го января! М. В.

в собраниях с правом голоса, а лишь служат передаточной инстанцией"...

Несомненно, что такая роль выборных, как и собрания в поле за городом, где легче было оградиться от шпионажа, диктовалась соображениями конспирации, нежеланием подводить под репрессии нужных товарищей. Попытка администрации дороги выделить и изолировать руководящее ядро путем посылки представителей в Москву (куда естественно должны были быть посланы наиболее сознательные и стойкие товарищи) успеха не имела. Посылать делегацию в Москву рабочие отказались, боясь за судьбу избранных.

11 июля был об'явлен общий расчет, но рабочие за расчетом не явились. Первые репрессии упали на голову военнообязанных, состоявших на учете. Таковых оказалось 43 человека и они были призваны на военную службу.

Изверившись в местной администрации, рабочие усиленно и неоднократно пытались вызвать для переговоров кого-либо из Управления дороги из Москвы. Выборные неоднократно просили содействия в этом отношении у местного исправника и жандармского полковника. Однако никто для переговоров не являлся. Закрытие мастерских, призыв на военную службу состоявших на учете, иссякшие средства, отсутствие откуда бы то ни было поддержки и т. п. обстоятельства, создавали благоприятную почву для колеблющихся. 17 июля рабочие стали являться за получением жалованья за июнь и получили общий рас-

чет. В следующие дни разложение забастовки пошло быстрым темпом и к 19 июля рабочие безоговорочно капитулировали на „милость“ победителя. 19 июля полк. Кострицын телеграфировал управляющему дорогой: „Сего числа я, присутствуя на собрании уволенных от службы мастеровых и рабочих Алатырских мастерских, получил заявление, что они, будучи перед забастовкой в сильно возбужденном состоянии, не могли хладнокровно обсудить своих просьб и, забастовав, поступили опрометчиво. В настоящее время, глубоко сожалея о происшедшем, просят не считать их уволенными от службы, открыть мастерские и разрешить приступить к работам в полном составе и не отказать в ходатайстве о возвращении на службу дороги уволенных и призванных ныне на действительную службу запасных нижних чинов, в количестве 43 человек, которые во время забастовки все желали работать“... *).

*) Любопытны следующие две телеграммы «либерального» губернатора кн. Яшвиля:

1. Управлению М.-К. ж. д.

„Алатырские рабочие считают себя обиженными местным начальством; может быть они не правы, все же полагаю, хозяину надлежит их выслушать, а для того прислать доверенное лицо на место“.

2. СПБ Департамент Полиции.

„Рабочие Алатырских ж. д. мастерских давно забастовали и, не доверяя местному начальству, просили о присылке из Москвы такого лица, которому могли бы заявить свои жалобы. Два раза телеграфировал о том же Правлению ж. д. и на вторую телеграмму не получил и ответа. Прошу содействия к удовлетворению этой меры“.

На просьбу рабочих об обратном приеме на службу последовал ответ, что о закрытии мастерских и увольнении рабочих донесено министру путей сообщения, а потому правление дороги изменить положения не может, а по открытии мастерских рабочие „по мере надобности“ будут набираться вновь.

Рабочие пытались добиться обратного приема на работу и через самого министра путей сообщения и с целью ходатайства в Петербург ездило двое рабочих: Кочергин и Шамрай. Попытка результата не имела.

Мастерские были открыты в конце июля. Рабочие принимались на прежних условиях, при чем была произведена чистка „неблагонадежного“ элемента и „вычищенных“ оказалось около 60 человек. Таким образом и вторичная попытка алатырцев добиться улучшения положения потерпела неудачу.

Волна мелких забастовок прокатилась по губернии в октябре месяце.

8 октября на ст. Батраки и Сызрань забастовали агенты служб телеграфа и агенты службы движения. 11 октября забастовали железнодорожные служащие на ст. Инза; 10 октября прекратили работу агенты всех служб, состоящие на Симбирской ветке М.-К. ж. д., вследствие чего прекратилось движение поездов. С 17 октября прекратили работу служащие земских управ Сызрани, Сенгилея. Забастовка захватила также и городских служащих.

В заседании Городской Думы 18/X—1925 года заслушивался следующий доклад Управы: „Тревожные известия со всех концов России, приносимые почтою и телеграфом, не могли, конечно, не повлиять на состояние умов служащих и в Симбирске. До крайней степени напряженное нервное состояние выбило из колеи спокойной трудовой жизни служащих в учреждениях Симбирска...

„Служащие всех общественных учреждений, после предварительных совещаний, решили выразить свое сочувствие к скорейшему удовлетворению просьб населения о даровании ему свободных прав гражданства и тем положить конец бедствиям, охватившим нашу родину. Это сочувствие выразилось в ряде забастовок, к которым примкнули служащие Симбирской городской управы. Забастовка началась 14-го октября“.

Эти забастовки, как указывается и в приведенном докладе управы, вызывались сочувствием к движению, охватившему всю страну, но среди нисших рабочих управы началось движение и за улучшение экономических условий: дезинфекторы, сторожа, ассенизаторы и др. пред‘явили ряд требований экономического характера, для рассмотрения которых создавалась комиссия из членов управы с участием самих рабочих. (Материалов, характеризующих работу этой комиссии в нашем распоряжении нет).

Из текстильных фабрик частичными забастовками были охвачены две: Измайловская и Екатериновская

12 октября управляющий фабрикой Шатрова телеграфировал старшему фабричному инспектору:

„Сегодня ткачи и другие рабочие фабрики потребовали возвышения платы, работать отказались окончательно, просим содействия, поспешите приездом, опасаюсь осложнений. Ваше присутствие крайне необходимо, телеграфируйте Семен Крылов“. Какие обстоятельства вызвали такую „отчаянную“ телеграмму, как протекала забастовка нам установить не удалось, но по сообщению фабричного инспектора отделу промышленности, с его приездом на фабрику все уладилось и рабочие приступили к работе.

В том же октябре бастовали ткачи Екатериновской фабрики. Произвол, царивший на фабриках Кузнецовых, мог считаться „показательным“. Почва для забастовок была налицо в любой момент.

Причиной данной забастовки были, очевидно, непомерные штрафы и низкая заработная плата.

8 октября урядник телеграфировал инспектору: „На Екатериновской фабрике ткачи забастовали, администрация берет штрафы, пряжа плохая, просят Вас приехать“.

10 октября рабочие ткацкого отделения тоже телеграфировали: „просим прибыть на разбирательство претерпеваемых нами обид“.

Как расправились Кузнецовы с забастовавшими видно из следующего об‘явления, вывешенного на фабрике 11 октября.

„Об'явление."

„Вследствие прекращения работы ткачами с 8 сего октября, настоящим предлагается ткачам явиться на работу до 12 часов дня сего числа при сохранении заработной платы по старой расценке; если же кто явится после 12 часов дня, то об'является, что плата будет понижена: на ручных станах по 20 коп. с половинки, на самоткацких по 30 коп. с половинки. Не желающие приступить к работам могут получить расчет. При этом доводится до сведения, что за ткачами сего же числа будет послано.

11 октября 1905 года. Кузнецов."

Противостоять решительности Кузнецовых могла только хорошо сплоченная, организованная рабочая масса, чего, конечно, не было и в помине, а потому исход забастовки был предрешен.

В конце ноября рабочие, преимущественно ткачи Гурьевской фабрики Акчурина в числе около 550 человек через своих выборных, не прекращая работы, пред'явили требования:

1. „Уничтожить так называемый „комплект" расценки, т. е. повышение расценки пропорционально количеству сотканного сукна и установить одну расценку независимо от выработки, взяв максимальную существующую расценку—1 руб. 70 коп. за сотканный кусок на механическом станке и 2 руб. 10 коп.—на ручном, при чем плата шпульнику должна быть не со счета ткача."

2. „Выдачу провизии производить по субботам вместо воскресенья“.

3. „Улучшить баню“.

4. „Дровами снабжать с доставкой на квартиру рабочих“.

Владелец фабрики, как сообщал участковый фабричный инспектор „в виду общего тревожного настроения времени, несомненно сильно отражающегося на фабричиых рабочих, нашел возможным означенные требования удовлетворить, вследствие чего работа продолжается, забастовок и беспорядков не предполагается.“

Настроение рабочих, однако, продолжало оставаться тревожным и в начале декабря, как сообщал губернатору исправник, нужно было принимать меры „к сохранению личной и имущественной безопасности на фабрике“... *)

Конец года также ознаменовался новым выступлением алатырских железнодорожных рабочих и служащих, на этот раз чисто политического характера,

---

*) В ноябре происходила забастовка служащих Симбирской почты и телеграфа. С. П. Б. агентство сообщало: Симбирск 30/XI. „После продолжительной забастовки 30 ноября первый день открыта почта и телеграф. В уезде самовольная порубка леса, изредка грабежи и поджоги. Человеческих жертв нет“. (Газета „Борьба“ № 4 от 1 декабря 1905 года).

стоящим в прямой связи с декабрьскими событиями в Москве. *)

8 декабря, как говорится в донесении н-ка жанд. управления губернатору, — рабочие Алатырских железнодорожных мастерских и другие железнодорожные служащие забастовали и толпою до 700 человек ходили с флагами по городу с преступными песнями... в здании с'езда во время митинга разбрасывались прокламации, обсуждались многие вопросы: об удалении из Алатыря солдат, о закрытии винных лавок о земельных вопросах и друг. Митинги проходят весьма шумно; на одном из таковых митингов присутствовавший там уездный исправник должен был удалиться в виду враждебного отношения к полиции...

Движение было разгромлено. Среди рабочих железнодорожников произведены были аресты, арестованные помещены, по распоряжению губернатора, в Алатырскую тюрьму.

---

*) Не лишена известного интереса следующая телеграмма Протопопова по поводу жел.-дор. забастовки на имя Симбирского губернатора.

Волостные сходы Жадовки, Сызрани, Зиновьевки, Водорацкого, Бутырского послали телеграммы государю, протестуя против забастовочных насилий железнодорожников, прося защиты, выражая готовность грудью встать за родину. Послан энергичный протест железнодорожному союзу непосредственно и через газету. На станции Баз.-Сызган имеется отделение стачечного комитета, канцелярия в вокзальной библиотеке—Тетнев и Кондышев; крайне необходимы энергичные действия сегодня на митинге; донесено Грюннеру (жандармский полк В) давно ответа нет, убедительно прошу распоряжений. 13/VII—1905 г. Предводитель Протопопов".

Рабочие железнодорожных мастерских все были уволены и 2 января 1906 производился прием вновь за исключением „вредных элементов".

Во время декабрьской забастовки в Алатыре был убит помощник начальника Алатырского железнодорожного депо и станционный жандарм.

Убийство приписывается рабочему М. (полит. обз. Жандарм. Упр. за 1905 г.).

В 1905 году замечается движение среди торгово-промышленных служащих, пищевиков, печатников и других рабочих групп.

Первые признаки зарождающегося профессионального движения среди торговых служащих (приказчиков) в Симбирске проявляются в связи с вопросом о праздничном отдыхе приказчиков и, вообще, служащих торговых заведений.

Еще в 1902 году постановлением городской думы праздничная торговля была ограничена четырьмя часами (с 1 до 5 часов дня), кроме торговли с'естными припасами.

В 1905 году возникает мысль о полном прекращении праздничной торговли, *) при чем мысль была

---

*) В 1905 году было создано особое совещание под председательством министра Тимирязева по урегулированию быта приказчиков, при чем Московское Общество приказчиков получило приглашение прислать в совещание своих представителей. По сообщению „Вечерней Почты" (№ 91 от 23 марта 1905 г.) «собрание сызранских приказчиков выбрало двух представителей для участия в работах Петербургской комиссии по приказчичьему вопросу." Кто был избран и в чем проявилось участие сызранцев в комиссии, нам установить не удалось.

поддержана наиболее крупными торговыми фирмами (в думу поступило заявление 156 торговцев-хозяев о желательности прекращения торговли в праздничные дни). Постановлением думы торговля в праздничные дни была ограничена ½ часа, кроме ярмарочного времени, что, в большинстве случаев, было равносильно полному прекращению торговли. Однако, вскоре начался форменный поход против ограничения времени торговли.

Особенно усердствовали в этом отношении торговцы „толкуна", которые потребовали от думы отмены постановления. Дошло до того, что торговцы толпой врывались в заседание городской думы, угрозой требовали отмены обязательного постановления об ограничении торговли.

Приказчики довольно энергично протестовали, обращаясь за помощью к губернатору, городской думе и даже к самому владыке, взывая к гуманности и „духу времени". *).

*) По поводу вторжения толпы, организованной „толкуном" в город. думу во время обсуждения вопроса об ограничении торговли в праздничные дни, приказчики, между прочим, писали: „...Не находя словесных аргументов в пользу своего домогательства, они (торговцы толкуна М. В.) не постеснялись прибегнуть к угрозам и насилию, организовав для этой цели толпу продажных пропойц, которые беспрепятственно ворвались в заседание думы, нарушили мирное течение заседания и даже вынудили некоторых гласных покинуть зал. Отдавая предпочтение мирной борьбе словом и убеждением перед борьбой при помощи кулаков и оружия, мы

просим Ваше С-во принять меры к ограждению заседаний думы от вторжения и насилий разнузданной толпы этих сомнительных личностей, так как в противном случае мы вынуждены будем взять эту обязанность в свои руки.

В заявлении, обращенном к думе, приказчики писали: „... Что же касается той шайки, которая организована толчком для устрашения гласных, для давления на них, то соответствующее заявление с требованием обуздания их нами подано губернатору. В случае же дальнейшего бездействия полицейских властей, мы просим думу немедленно организовать национальную гвардию.

Признавая при решении общественных вопросов единственным оружием слово и убеждение, мы готовы немедленно стать в ее ряды, чтобы оградить от насилия свободу слова и суждений дорогих нам общественных учреждений“.

(Из протокола город. думы от 24-26 августа 1905 года.).

Разгоревшаяся борьба перекинулась в массу населения, от которого также стали поступать в думу заявления за и против ограничения праздничной торговли.

Кампания окончилась в пользу приказчиков и постановление думы осталось в силе.

Из других мест губернии, где замечалось движение за праздничный отдых приказчиков, можно указать только Сызрань, где, судя по сообщению губернатора, этот вопрос также всплывал.

В „всеподданнейшем“ отчете губернатора за 1905 г. находим такое место: „... Касаясь событий последних месяцев, я должен упомянуть, что общее по России движение в пользу установления возможно полного праздничного отдыха отразилось и на Симбирской

губернии. Служащие в торговых и промышленных предприятиях гг. Симбирска и Сызрани пред'явили к своим хозяевам ходатайство о совершенном прекращении торговли и промыслов в воскресные дни и двунадесятые праздники... При этом должен отметить в высшей степени спокойное и достойное поведение приказчиков Сызрани, пред'явивших самые умеренные требования и гораздо более требовательное отношение симбирских приказчиков"...

Зачатки организации приказчиков в Сызрани наблюдались еще в начале 1890 годов. С 1894 года в Сызрани уже существовало „Общество взаимного вспоможения приказчиков" на основании устава, утвержденного Министерством Внутренних Дел.

Общество взаимопомощи сызранских приказчиков, как и другие общества взаимопомощи этого периода, почти никакой деятельности не проявляло и организующее значение общества было очень незначительно. Едва-ли ни единственным выступлением сызранских приказчиков явилось удостоенное похвалы губернатора „в высшей степени спокойное" выступление в 1905 году в пользу праздничного отдыха.

Деятельность Сызранского Общества взаимопомощи приказчиков оживилась с 1907 года, когда был принят и новый устав, о чем будет говориться ниже.

Нароставшая волна рабочего движения коснулась и мелких групп рабочих—пекарей и кондитеров.

Условия труда последних были особенно тяжелы и весь жизненный уклад крайне непригляден. Работа

и днем и ночью, нищенская заработная плата (5-10 р. в месяц), хозяйская „квартира“, „харчи“. Полуголодное существование, постоянное прикрепление к мастерской, разбросанность рабочих небольшими группами по мелким производствам—все это в совокупности создавало обстановку самой каторжной эксплоатации.

Тяжелая зависимость рабочих пекарей от своих кулаков-хозяев, общие условия царистского режима затрудняли их организацию.

Первые собрания рабочих пекарей созывались по инициативе революц. интелиг. *) носили нелегальный характер, были малочисленны.

Ослабление режима, возможность собираться полулегально, сделали собрания более многочисленными, охватывая, постепенно, большинство рабочих.

На одном из собраний было решено начать борьбу с хозяевами за улучшение положения. Решено было пред‘явить требование отмены воскресных и праздничных работ, сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения квартир, пищи и т. п.

Все это было настолько ново для хозяев Симбирских пекарен и кондитерских, что, по словам некоторых товарищей, помнящих события 1905 года,— „хозяева иронически посмеялись“ над пред‘явленными требованиями, а большинство просто об‘явили рабочим: „если не нравится работать—уходите“.

---

*) Некоторые товарищи называли следующие имена интеллигентов, помогавших организации пекарей: землемер Воронов, Романов, Поляков — учитель и друг.

Такое отношение хозяев поставило перед рабочими пекарно-кондитерского производства вопрос о забастовке для защиты пред'явленных требований.

На экстренном собрании рабочих было решено потребовать от хозяев выполнения пред'явленных требований в определенный срок. Но срок истек, а хозяева остались на прежних позициях. Тогда избрали стачечный комитет и об'явили забастовку. Стачечным комитетом велись переговоры с хозяевами, но безрезультатно. Забастовка с самого начала не отличалась большой организованностью, забастовала только часть рабочих, а остальных пришлось снимать с работы.

Прекращение работы крупнейших пекарен отразилось на обывателе—потребителе хлеба.

Городская управа пыталась примирить стороны, но также безуспешно; переговоры длились около двух недель. В распоряжении стачечного комитета не было средств для оказания помощи бастовавшим и наиболее нуждающимся и, наименее сознательные из них, стали срывать забастовку, работая по ночам, украдкой от других рабочих. Кроме того, хозяевам удалось постепенно вербовать из ближайших деревень штрейкбрехеров, что делало положение бастовавших еще более неустойчивым. Для борьбы со штрейкбрехерством было создана комиссия, пытавшаяся снимать их с работы. Одна из таких попыток окончилась избиением рабочих толпой, организованной хозяевами. Забастовка, в общем, продолжалась около месяца,

некоторые требования рабочих были удовлетворены, но вскоре хозяева стали отнимать назад завоевания рабочих. Однако, борьба не прошла бесследно; необходимость постоянной и прочной организации для борьбы с хозяевами стала совершенно очевидной, и рабочие пекарно-кондитерского производства, одни из первых, приступили к созданию профессионального союза в следующем 1906 году.

В октябре 1905 года выступают на общественную арену и симбирские печатники, примкнув к общему забастовочному движению в стране.

Начав политическую стачку, печатники решили использовать общий под'ем движения и для экономической борьбы. Стачка продолжалась 2-3 дня, за это время были выработаны экономические требования, пред'явленные владельцам типографий. На общем собрании рабочих, куда были приглашены и хозяева, было достигнуто соглашение по пред'явленным требованиям.

По этому соглашению рабочий день в типографиях был сокращен до 9 часов (вместо 10 ч.), а в летние месяцы (май-август) до 8 часов, повышена заработная плата, уничтожены штрафы, введены двухнедельные отпуска и проч.

В ноябре 1905 года организовался профессиональный „Союз Рабочих Печатного дела гор. Симбирска и губ.“. Союз отстаивал достигнутые завоевания рабочих печатников и был „бельмом на глазу“ у хозяев

и жандармов, которые делали неоднократные налеты на правление союза.

При правлении союза была открыта библиотека и читальня, служившая местом, где рабочие могли встречаться, обсуждать свое положение и готовиться к дальнейшей борьбе...

Таковы наиболее значительные моменты движения, охватившего трудовые массы в 1905 году, материалы которых нам удалось получить в свое распоряжение. Рабочее движение в действительности было значительно шире, охватывая в значительной мере рабочих мелких предприятий и заведений.

По сообщению фабричного инспектора 2 участка „общее настроение отразилось и на местных рабочих. На очень многих промышленных заведениях образовались выборные от рабочих, которые пред'являли администрации различные требования; где не было выборных, требования пред'являли все рабочие скопом и, таким образом, фабрика на незначительное время как-бы приостанавливалась".

„Требования в большинстве случаев были чисто экономические—(повышение расценок, иногда—улучшения квартир и проч.).

„В большинстве случаев требования удовлетворялись и работы не прекращались, так что подобные случаи не зачислялись как забастовки"... При подобных условиях были пред'явлены требования на нижеследующих более крупных промышленных заведениях: на Гурьевской, Самайкинской, Базарно-Сызганской,

Старо-Тимошкинской, Под'ячевской, на Лесно-Матюнинской суконных фабриках. На некоторых лесопильных заводах происходило то-же самое.

„Остановлен был Репьевский и Айкинский винокуренные заводы, фабрика гр. Ребопьера и его-же лесопильный завод. На некоторых промышленных заведениях (напр., Т-во Репьевских мельниц, на макаронной фабрике, Тургеневской мельнице) рабочие явочным порядком уменьшили рабочий день“.

Остается добавить, что все сказанное в отношении одного из районов является общим и для всей губернии. Настроение рабочих масс губернии неизменно повышалось и наибольшего под'ема достигло в 1906 году.

1906 год. Уже в самом начале года губернатор „в ожидании крупных беспорядков в больших промышленных заведениях“ предложил старшему фабричному инспектору не отлучаться из города.

По свидетельству последнего, примирительная и посредническая деятельность фабричной инспекции была мало продуктивна вследствие крайне возбужденного настроения рабочих, при недоверчивом отношении их ко всем чиновникам и полном игнорировании существующих законоположений. „Настроение рабочих,—говорится в его отчете—„совершенно неузнаваемо, сравнительно с предшествующими годами“... и, в большинстве случаев, характеризуется такими заявлениями рабочих: „никто нам не поможет в нашем положении, кроме нас самих рабочих“...

Наглядный урок о необходимости положиться только на свои силы, в этом году получили в первую очередь рабочие Екатериновской фабрики, принадлежащей „Гришке“ Кузнецову—„человеку-зверю“—по выражению одного из служащих, письмо которого к фабр. инспектору уже цитировано выше.

В феврале 1906 года на фабрике произошли какие-то события (выяснить характер этих событий нам не удалось), в результате которых на рабочих обрушилась тяжелая рука Кузнецова и около 50 человек рабочих было выброшено с фабрики с немедленным требованием очистить квартиры *).

В марте прошла однодневная забастовка на Под'ячевской фабрике Евсеева. Во главе забастовки были ткачи, потребовавшие увольнения управляющего фабрикой Бибаева, обращавшегося с рабочими чрезмерно грубо. Кроме увольнения Бибаева, рабочие требовали выплаты в срок и наличными деньгами заработной платы. „Рабочим—говорится в сообщении участкового фабричного инспектора—за свои заработанные деньги приходится по нескольку раз ходить в контору, кланяться и просить выдать их заработок... так наприм., за целый январь месяц выдано кассою всего 187 руб. из общей суммы, подлежащей к выдаче около 4000 р.,

*) В предписании губернатора ст. фабр. инспектору от 22—II говорится по этому поводу: „Получил сейчас известие, что на фабрике Кузнецова при с-це Екатериновке владельцем расчитаны, без законного предупреждения около 50 человек служащих, с требованием немедленно очистить квартиры, прошу вас м. г. безотлагательно поехать на эту ф-ку для расследования и улажения недоразумения“.

вследствие чего рабочие вынуждены забирать продукты и товары в фабричной лавке“...

Рабочие, по словам того же инспектора, категорически заявили, что, если денежные выдачи не будут производиться правильно, то они, исчерпав обращением к фабричному инспектору законный путь, примут свои меры и за порядок на фабрике не ручаются“...

Требование увольнения управляющего было исполнено. Что же касается выплаты заработной платы, то здесь дело ограничилось обещанием „принять все зависящие меры“...

В апреле месяце возникает 4-хдневная забастовка ткачей на Игнатовской суконной фабрике, принадлежавшей Виноградову. Причина забастовки—низкие расценки на ткачество. История этой стачки такова: на фабрике существовала такая цена за ткачество: на ручных станках 1 руб. 60 к , а на механических—1 руб. 10 к. за кусок при основе в 67 арш. Кроме того за основу, сработанную на механической самосновке, удерживалось с ткача 5 коп. 10 апреля ткачи отправились к владельцу фабрики и потребовали увеличения расценки. Фабрикант, как обычно, предложил недовольным получить расчет и увеличить расценки отказался. Тогда ткачи забастовали, пред‘явив через фабричного инспектора требования: 1) увеличить расценки до 1 руб. 50 коп. за сотканный кусок сукна на механических и до 2 руб. на ручных станках, прекратить вычеты за самосновку и новые расценки засвидетельствовать на год; 2) удерживать в погашение

долга конторе не больше 10% заработка. Забастовка продолжалась 4 дня и т. к. на фабрике работали почти исключительно члены семейства забастовавших ткачей, грозила остановка и остальных отделений фабрики. Это обстоятельство вынудило фабриканта на уступку. Расценки были увеличены на 30 коп., а остальные требования удовлетворены полностью.

В мае присучалки Старо-Тимошкинской суконной фабрики провели двухдневную забастовку, требуя повышения заработной платы. Задержка в работе прядильного отделения грозила вызвать недостаток пряжи и остановку ткачества, что должно было заставить фабриканта пойти на уступки. Но забастовка была плохо организована, бастовали только взрослые присучалы, а подростки работали и когда администрацией были уволены пятеро наиболее стойких рабочих, остальные добровольно приступили к работам.

Более стойко держались рабочие Лесно-Матюнинской фабрики Толстошеева.

На этой фабрике система расплаты с рабочими, по словам фабричного инспектора, всецело зависела от усмотрения владельца и временами затягивалась на несколько месяцев. На этой почве уже и раньше неоднократно возникали конфликты и рабочие, окружив дом владельца, грозили разнести его, если не будет выдана заработная плата.

„Склонен предполагать,—говорит тот же инспектор,—что такая система расплаты не только вызывается плохими финансами, сколько сознательным

желанием наживы за счет рабочих“, так как систематическая задержка заработной платы, как уже неоднократно отмечалось, отдавала рабочих во власть фабричной лавки, закабаляла их и увеличивала эксплоатацию до последней степени.

В конце мая началась общая забастовка рабочих этой фабрики. Фабриканту были пред‘явлены требования своевременной выплаты заработной платы, увеличения сдельных расценок и платы поденным рабочим. Забастовав, рабочие обратились за поддержкой к депутатам государственной думы *) и старшему фабричному инспектору.

Фабрикант отказался вести переговоры с рабочими и на второй день на фабрику были присланы стражники с приставом во главе.

На восьмой день фабрикант начал переговоры о прекращении забастовки, при чем были сделаны некоторые уступки требованиям рабочих.

По донесению фабричного инспектора 2 уч. „требования рабочих об увеличении заработка были удовлетворены приблизительно“ на половину и обещано было своевременно выплачивать заработную плату“... Через девять дней забастовка кончилась, но рабочим был об‘явлен общий расчет и обратный прием про-

*) Нам не удалось установить в какой форме и к кому из депутатов государственной думы обращались рабочие. На имя старшего фабричного инспектора они телеграфировали (стиль и орфография подлинника): „Союз рабочих фабрики Толстошеева сообщаем депутатам государственной думы произвола насилий Толстошеева голодуем.“

изводился по усмотрению администрации и пристава, при чем наиболее стойким и сознательным рабочим было отказано в обратном приеме.

Всего в забастовке участвовало 226 рабочих.

Неудачей окончилась двухдневная частичная забастовка на Пановской фабрике. Бастовали ткачи в числе 50 человек. Причина забастовки также невыдача в срок заработной платы и понижение сдельных расценков. Через два дня после начала забастовки (забастовка началась 9 ноября) ткачи приступили к работам, не получив удовлетворения пред'явленных требований.

В августе бастовали рабочие Самайкинской суконной фабрики. Забастовка охватила свыше тысячи человек (1071 чел., в том числе 117 поденных раб.).

Причина забастовки—недовольство фабричной администрацией. Забастовав, рабочие пред'явили и ряд требований по улучшению санитарно-жилищных условий рабочих. Жилищные условия на этой фабрике были особенно тяжелы и некоторые квартиры, по свидетельству даже фабричного урядника, находились в таком состоянии, что „немного отодвинется от свиного логовища, вентиляции нет никакой, хотя бы по форточке в окнах; при порядочном наплыве народа нет возможности дышать—„хоть топор вешай"...

Пред'явленные требования рассматривались доверенным фабрики при участии представителей рабочих и фабричного инспектора и только мелкие

требования были удовлетворены; в отношении важнейших претензий были даны ничего не значащие обещания. Основное требование рабочих—удаление неугодной администрации выполнено было только частично: были уволены двое Баишевых—служившие помощн. управляющего фабрикой. С самого начала забастовки на фабрике находился пристав с отрядом стражников. Забастовка прекратилась на 10 день, но рабочие в общем остались недовольны и глухое брожение продолжалось вплоть до декабря, когда вновь было пред'явлено требование о выдаче женам фабричных рабочих, не исключая и неработающих на фабрике, пособий на случай родов из сумм штрафного капитала, а также увеличения расценков на ткачество. Вмешательством фабричной инспекции забастовка была предотвращена, а на требование рабочих была разрешена только выдача пособий женам рабочих, работающим на фабриках. Забастовка, таким образом, не состоялась; в рабочей массе ясно чувствовалось недовольство, но по признанию фабричного инспектора „волнения рабочих без прекращения работы составляло общее явление" *)...

Особое место в движении текстильных рабочих занимает семидневная забастовка на Румянцевской фабрике Протопопова, благодаря событиям, на фоне

---

*) В июне 1906 года происходила забастовка ремонтных рабочих на ст. Сызрань Сызр.-Вязем. ж. д. Бастовало 300 рабочих, пред'являлись требования об увеличении поденной платы (с 50 до 70 к.). (Газета „Приволжский Край" от 24 июня 1906 г.).

которых она протекала, а также по причине особенно жестокой расправы, выпавшей на долю текстильщиков.

При обзоре забастовочного движения на текстильных фабриках нашей губернии бросается в глаза спорадический характер забастовок, неорганизованность самих забастовавших, отсутствие руководящего ядра, вследствие чего сила и значение движения очень много теряли. Вообще, рабочие текстильных фабрик значительно отстали в отношении организованности. В то время как относительно мелкие группы рабочих напр. рабочие по изготовке обуви, по обработке металла, не говоря о печатниках, или о приказчиках уже с начала 1906 года усиленно добивались организации своих профессиональных союзов, на текстильных фабриках, об'единявших в некоторых случаях свыше тысячи человек (фабрики Румянцевская, Гурьевская, Измайловская, Самайкинская и друг.) этого рода деятельности совершенно не замечается. Причины этого явления лежат, повидимому, в том, что все фабрики, за незначительным исключением, расположены в „медвежьих углах", оторванных от городов, а также в невысоком уровне развития полукрестьянского состава рабочих масс наших суконных фабрик. *) И эта неорганизованность текстильных рабочих, как мы видели выше, была особенно по душе губернской сатрапии, настраивая ее на совершенно спокойный лад.

*) К причинам более раннего возникновения профессиональных организаций среди мелких групп ремесленных рабочих, а также и среди торговых

служащих следует отнести еще более чудовищную эксплоатацию их, распыленных небольшими группами по различным заведениям, чем эксплоатация фабрично-заводских рабочих. И если фабрично-заводские рабочие, даже не будучи профессионально-организованными, уже в силу того, что они сконцентрированы в более или менее значительном количестве под одной кровлей предприятия, имеют одного хозяина (единоличного, в виде-ли акц. о-ва или компании—безразлично), и, имея возможность действовать „скопом", порою добивались некоторых уступок (ср. забаст. на наших текстильных фабриках в начале 900 годов), распыленные ремесленные рабочие, были совершенно беспомощны и необходимость организованного руководства, с первых шагов начавшейся борьбы, осознавалась этими слоями рабочих особенно ясно (пример раб. пекарно-кондитерского производства). Нужно принять во внимание также и то обстоятельство, что профессиональные организации фабричных рабочих, по причине их неизмеримо большего удельного политического веса, едвали встретили бы такое „терпеливое" отношение к себе, какое нередко наблюдалось в отношении организации мелких групп ремесленных рабочих и торговых служащих.

(Подробное изложение вопроса см. у Д. Антошкина: „Профессиональное движение в России" стр. 82-89).

Поэтому, когда на фабриках Гурьевского района стало заметна тенденция к созданию некоторой организации, вся полицейская свора была очень обеспокоена, при чем их перепуганному воображению уже рисовалась мощная организация, поставившая целью не меньше как „ниспровержение существующего государственного строя" и т. д.

... „В течение последних месяцев, — говорится в сообщении производившего расследование событий прокурора,—в районе суконных фабрик Акчурина при с. Гурьевке, Протопопова — при с. Румянцеве и Шатрова—при селе Измайловке, сильно развилась противо-правительственная агитация, при чем в окрестностях фабрик часто устраивались митинги, в которых, после роспуска государственной думы, принимал участие весьма популярный среди местных рабочих бывш. член думы Матвеев...

По сведениям, полученным прокурором,—„рабочими было постановлено присоединиться к совету рабочих депутатов, был образован союз четырех фабрик—Румянцевской, Гурьевской, Измайловской и фабрики Белоусова при с. Базарном-Сызгане и организован комитет союза на Гурьевской фабрике, с отделениями на фабриках Румянцевской и Измайловской“...

Еще с большим сумбуром рисует положение Карсунский уездный исправник:

„... На суконодельных фабриках Протопопова, Акчурина и Шатрова... за последнее время между рабочими появилось брожение на политической почве, чем воспользовались революционеры и стали собирать из рабочих митинги близ всех фабрик и, особенно Измайловской, в лесу, на которых произносились противуправительственные речи, склоняя к организации союза рабочих депутатов и призывали к вооруженному восстанию, последствием чего рабочие этих фабрик заключили между собой союз, комитет кото-

рого открыли в Гурьевке, а на других фабриках были выборные комитета. План действований направлен был к захвату себе правительственной власти, оказании полиции сопротивления, в подготовительных работах к всеобщей политической забастовке“...

Месяцем раньше тот же исправник сообщал старшему фабричному инспектору, что „на фабрике Акчурина, при с. Гурьевке, рабочими образован, из выборных из среды себя 12 человек, союз не разрешенный, который принял на себя роль полицейских чинов по охранению порядка и спокойствия на фабрике“...

Но независимо от того, как представлялись испуганному воображению полицейских церберов задачи и цели начавшей намечаться рабочей организации, для нас существенно важным является тот факт, что необходимость совместных выступлений рабочих нескольких фабрик стала осознаваться рабочими и проявилась по частному поводу—при попытке ареста жандармским ротмистром Тимковским члена распущенной первой государственной думы Матвеева, хорошо известного в кругу фабричных рабочих и привлекавшегося за пропаганду по 129 ст.

Для характеристики бывшего в то время настроения рабочих масс достаточно показательным является уже тот факт, что жандармский ротмистр, извещенный бежавшим задним двором унтер-офицером, поспешил ретироваться со станции Базарный Сызган, не решаясь взять Матвеева, укрывшегося у рабочих Базарно-Сызганской фабрики.

Предполагая возможность попытки захвата силою взятого под защиту Матвеева, рабочие фабрики Белоусова на другой день просили поддержки у акчуринских рабочих и последние, бросив работу, готовы были двинуться на помощь.

Карсунский исправник в рапорте губернатору так излагает события:

„Пеший урядник при Гурьевской суконной фабрике Акчурина донес, что утром 16-го августа на означенную фабрику явился нарочно-посланный с суконной фабрики Белоусова... который сообщил, что в Баз.-Сызгане арестуют б. члена Г. Д. Матвеева, при чем посланный этот просил рабочих прибыть в Базарный Сызган, чтобы не дать М. в руки властям. Вскоре рабочие Гурьевской фабрики для этой же цели послали из своей среды к рабочим фабрики Протопопова—слесаря Александра Жукова, на фабрику Шатрова—слесаря Александра Соколова—обоих на велосипедах. В первом часу дня все рабочие мужского пола фабрики Акчурина стали собираться в селе Базарный Сызган и все, собравшись около фабрики, сделали совещание, на коем постановили: завладеть на ст. Барыш железно-дорожным поездом и ехать на нем со своим машинистом-слесарем Семеном Шишмаровым, а также имели совещание о том—вооруженными, или невооруженными им следует быть. В это время с фабрики Протопопова прибыли к ним нарочно-посланные двое рабочих и сообщили, что рабочими этой фабрики постановлено: послать с каж-

дой фабрики в Базарный Сызган по два человека и осведомиться о положении... С предложением этим рабочие фабрики Акчурина согласились и послали из среды себя Павла Бортнева и Сергея Кривасова“...

Арест М. не удался, а когда губернатор Старынкевич приказал исправнику „под личной ответственностью проявить свою твердость власти, до употребления оружия включительно,“... то перепуганный исправник ответил: что „Матвеев завербован рабочими Гурьевской фабрики и несколько тысяч рабочих всех фабрик подготовлены к вооруженному сопротивлению... Прошу Вашего распоряжения остановить шатровских рабочих через сенгилеевского исправника фабрика Протопопова остановилась, в связи с этим прошу начальника охраны назначить внушительную силу на ст. Барыш“...

В такой насыщенной атмосфере 24 августа началась забастовка протопоповских рабочих. *).

Еще до начала забастовки рабочими были пред'явлены Протопопову такие требования:

1. Прибавить заработную плату по всем цехам в размере 50% с зарабатываемого рубля.

---

*) Рабочие фабрики Акчурина, прекратившие работу при получении известия от Сызганских рабочих о попытке ареста М. в тот же день приступили опять к работе не пред'явив никаких требований хозяину.

В это же время происходила забастовка на Самайкинской фабрике, но эта забастовка, повидимому, не имела связи с событиями Гурьевского района. События отразились также на настроении р бочих Тимошкинской фабрики, что, по сообщению исправника, заставило экстренно направить полуроту солдат в Тимошкино.

2. Выдавать квартирные деньги тем рабочим, которые проживают в своих домах и на квартирах.

3. Убавить рабочий день вместо 12 часов до 10 ч.

4. Во время болезни рабочего выдавать в половинном размере заработную плату в течение двух месяцев.

5. Заработанные деньги выдавать все сполна еженедельно.

6. Выписываемый из торговой лавки товар был-бы отпускаем какой кому угодно.

Получив отказ в удовлетворении требований, рабочие забастовали, не дожидаясь истечения назначенного ими окончательного срока для ответа (25 августа) и прося фабричного инспектора о посредничестве *).

Протопопов, конечно, не ждал посредничества и телеграфировал губернатору: „Рабочие забастовали, сняв желающих работать, опасаясь дальнейших осложнений, прошу в. п. приказать исправнику, в случае моего требования, оказать помощь“.

Рота солдат была в тот же день направлена на фабрику.

С прибывшими войсками рабочие пытались войти в связь, но безуспешно, так как выставленные дозоры не допускали между ними общения, а пытавшиеся приблизиться к роте, по словам н-ка отряда „получали возмездие“.

---

*) На имя старшего ф. инспектора была отправлена телеграмма следующего содержания: „Просим прибыть на фабрику Протопопова для посредничества между владельцем и рабочими; фабрика стоит, ждем вас завтра“. Уполномоченный рабочих Горшенин.

Прибытие войск не могло не отразиться на настроении рабочих, особенно той части их, которую при начале стачки приходилось снимать с работы силою. В среде забастовавших появилось течение за прекращение забастовки. Однако, группе наиболее сознательных рабочих, среди которых наиболее выделялись тт. Горшенин Василий, Лебедев Н. И., Агафонов и Панюшкин, удавалось на митингах поддерживать бодрое настроение большинства рабочих. Чтобы сломить стойкость рабочих, полиция решила арестовать указанных выше товарищей.

„... 28 августа я с владельцем фабрики,—доносит об этом губернатору земский начальник,—выходил к рабочим, которые толпою около фабричной конторы требовали повышения заработной платы, предупредил об ответственности за забастовку и подстрекательство к стачкам.

Несмотря на это и вследствие отказа владельца фабрики в удовлетворении их требований, толпа рабочих вышла в поле между фабрикой и селом Жадовкой и там устроила митинг...*).

„Прибыв в сопровождении чинов полиции и войск туда, где был митинг, я вновь обратился к рабочим с предложением о прекращении забастовки и возоб-

*) Чтобы внести в среду забастовавших разложение, полиция и Протопопов прибегали к помощи преданных себе отдельных служащих. Так, например, пристав Писарев в своем об'яснении губернатору по поводу обвинения его в слабой деятельности во время забастовки, между прочим, пишет.. „для того, чтобы узнать о чем говорят на митинге и нет-ли там Матвеева, посылали даже переодетого служащего г. Протопопова“.

новлении прерванных работ, но так как обращения мои к ним не дали желательных результатов, то я, по соглашению с пом. исправника, сделал распоряжение о задержании главных руководителей толпы, выделявшихся более других настойчивостью о продолжении забастовки, которыми оказались фабричные рабочие, а именно: Н. Лебедев, В. Горшенин, С. Панюшкин и Ф. Агафонов"...

„После задержания поименованных лиц, из толпы по отношению к начальствующим лицам послышались угрожающие выражения, толпа заволновалась, намереваясь, как было видно, проявить сопротивление к выдаче задержанных лиц; тогда командир роты приказал толпе разойтись и когда толпа не подчинилась требованию, он дал сигнал (приготовление к стрельбе М. В.). После второго сигнала толпа быстро разбежалась"...

После ареста руководящей группы был об'явлен общий расчет и новый набор рабочих. При чем 26 рабочим было отказано в обратном приеме *), 13 семейств немедленно были выброшены земским начальником из фабричных квартир. Началась расправа во всю.

Лишившись руководства, забастовка быстро пошла к концу и 30 августа в 1 час дня, по данному свистку, рабочие собрались к фабричному корпусу, где,

---

*) Уволены за забастовку следующие рабочие: Анисимов Н., Гнутиков С., Гаврилов П., Еремеев И., Акимов В., Иокин Ф., Краснов Я., Лапшов И., Молчанов В., Панюшкин О., Панюшкин И., Расторгуев Я., Сысуев И., Савинов Е., Савинов И., Савинов Н., Федоров Л., Константинов А., Беклешов А., Архин М., Александров С., Андреев Н., Анисимов И., Арбузов И., Архипов П., Бузанкин О.

прослушав молебен и слово духовного „пастыря“ о повиновении „властям предержащим“, согласились приступить к работам. С 5 часов утра 31 августа фабрика пошла в ход, а рабочие не получили удовлетворения ни одного из пред‘явленных требований.

В полицейских кругах существовало убеждение, что нити всей зарождавшейся организации текстильщиков сходятся на Гурьевской фабрике *), поэтому, хотя гурьевцы не бастовали, было решено сделать повальный обыск на фабрике и произвести аресты „главарей“.

Эту задачу взяла на себя 3 рота, 7 Ревельского полка с капитаном Степановым во главе, действия которого заслужили неоднократные похвалы полиции.

О „геройских“ деяниях этого капитана и его роты фабрикант Акчурин сообщил губернатору следующее ...„около 5 часов утра 31 минувшего августа на фабрику явились солдаты в сопровождении конных стражников и сделали 5 залпов боевыми патронами... Администрация поспешила к месту происшествия, но успела увидеть только отряд, удалявшийся по направлению к Жадовке“...

---

*) Этому убеждению частично способствовало также и то обстоятельство, что некоторые из Акчуриных слыли большими либералами и панисламистами, что нисколько не мешало им эксплоатировать рабочих не меньше других фабрикантов. Однако, полиция склонна приписывать некоторым из братьев Акчуриных активное содействие революционерам. „Главари беспорядков, писал губернатору исправник Шемякин после отступления роты перешли на фабрику Шатрова. Всех их и Матвеева скрывает Якуб Акчурин, имея большие средства. Последний даже был подвергнут домашнему аресту. М. В.

Путем опроса очевидцев события могли установить следующее:

„Отряд солдат в 70-80 человек и стражники приказали сторожу запереть ворота и никого не выпускать. Подойдя затем к „мощным“ воротам, распорядились так же, как и у гурьевских ворот..

Войдя затем в квартиру рабочего-ткача Бортнева, офицер, командовавший отрядом, распорядился стащить жену Бортнева с постели и, обратясь к ней с руганью, спросил, где ее муж. Не веря ее словам, что муж на фабрике, в корпусе, что он в ночной смене, офицер приставил к ее виску револьвер, а затем распорядился разложить ее на полу, кстати сказать беременную, что и было исполнено, но своего намерения высечь в исполнение не привел. Забравши ее полураздетую, под проливным дождем, отряд отправился к фабрике и, войдя в нее через „макайские“ ворота, направился к фабричным корпусам, творя в своем шествии массу бесчинств, как побои всех встречавшихся нагайками и прикладами.

Все это не могло остаться незамеченным рабочими, которые были возмущены этой беспричинной расправой с людьми и раздались крики из окон: „не бейте, не смейте бить!“...

Некоторые рабочие выбежали из ткацкого корпуса с тем же протестом и возможно, что кто-либо из них бросил кирпичом или камнем в отряд. В этот момент со стороны отряда, находившегося от ткацкого корпуса шагах в 100-120, раздался залп, повторенный до

5 раз. Охваченные паникой рабочие разбежались, ища защиты в здании, за сложенными кирпичами и проч. В результате оказалось 5 человек раненых пулями, один со штыковой раной в кисть руки, 70-летний старик, раненый еще до залпа ..*).

Обнаглевшая полицейская свора разных Шемякиных, Степановых и Протопоповых была настолько уверена в себе, что отпор, данный рабочими, их совершенно обескуражил, (надо полагать, что дело было серьезнее, чем бросок камнем или кирпичом), их воображению рисовались целые отряды с бомбами и т. д.

В шифрованной телеграмме Старынкевич (губернатор) сообщал полковн. Мекленбурцеву (начальнику охраны):

„На Гурьевской фабрике рота стреляла залпами, есть раненые рабочие. В виду сопротивления рабочих револьверами и бомбами, рота отступила в Жадовку. **)

„Необходимо сломить сопротивление рабочих, которых с ближайших фабрик может собраться несколь-

---

*) По данным прокурора к врачу обращались следующие рабочие: Тимофей Бочков, Дмитрий Готовцев, Маркел Прокофьев, Иван Баринов, получившие огнестрельные раны. Тарас Панкратов и Михаил Фролов—раненые штыками и Тимофей Под'ячий и Измаил Фахретдинов—получившие ушибы.

Нет сомнения в том, что многие легко пострадавшие рабочие по понятным причинам, избегали оффициальной медицинской помощи и, таким образом, общее число пострадавших в действительности было значительно больше.

**) Исправник так рисует картину столкновения войск с рабочими.

30 августа рота солдат отправилась ночью в Гурьевку, делала обыск... от сбежавшегося народа получила отпор первоначально камнями, кольями, затем бросанием бомб и с третьего этажа залпами из револьверов, на что ротой открыт огонь пачками... От бомб была глухота (?? М. В.) у гг. офицеров...

ко тысяч. Прошу завтра выслать подкрепление: на ст. Барыш еще одну роту из Сызрани и эскадрон из Симбирска. Благоволите с ротой из Сызрани назначить офицера для общего командования соединенным отрядом пехоты, драгун и стражников."

„Роте из Сызрани следует подходить к станции Барыш с предосторожностями в виду возможного покушения рабочих. Заведующего передвижением войск в Самаре прошу немедленно готовить поезд в Симбирске для драгун."

Стянув в Гурьевский район значительные воинские силы, начальник отряда стал готовиться к форменным боям с регулярными войсками.

Представление об этом (нужно, разумеется, принять во внимание известную хвастливость „полководца") дают выдержки из реляций самого начальника отряда, некоего полковника Арсеньева:

...Я был командирован для общего руководства действиями отряда пехоты, драгун и стражников в районе расположения фабрик в Карсунском у.

На место расквартирования отряда—фабрику Протопопова я прибыл вместе с ротою из города Сызрани 2 сентября к полудню, где уже были в сборе еще две роты... драгуны прибыли 3-го к полудню, стражники и урядники к тому же времени имели собраться...

2 и 3 сентября, до прихода драгун, лично мною было употреблено на устройство разведок и сбор сведений по выяснению обстановки фабрик и окружающих селений, где, повидимому, существовал революционный союз для поддержания вооруженною силой всеобщей политической забастовки.

К вечеру 3 сентября, выяснив то, что мне было нужно, я решил обеспечить свободу действий гражданской власти в раскрытии и подавлении револю-

ционного союза быстрым и внезапным появлением вверенного мне отряда сначала у фабрики Акчурина, где я предполагал, по собранным мною данным, центр всего движения рабочих, раз'единением Акчуринской фабрики с Шатровской и со всем окружающим ее населением; отделением рабочих на самой фабрике от их жилищ и разных мастерских, чем фабрика предоставлялась в полное распоряжение г. карсунского исправника для соответствующих его действий.

Затем быстрым передвижением всего отряда к фабрике Шатрова обеспечить себе свободу действий и произвести на ней то же, что и на фабрике Акчурина, а затем действовать смотря по обстоятельствам и результатам начальных действий отряда.

С этой целью отряд в составе 28 стражников, 1, 3 и 14 рот 7 Ревельского полка и 4 эскадрона 53 драгун. полка выступил с фабрики Протопопова в 2 часа ночи с 3 на 4 сентября. В 6 часов утра 4 сентября части отряда заняли заранее указанные им мною места вокруг фабрики Акчурина, разобщив ее совершенно со всем окружающим и в 6½ час. утра карсунский исправник со всеми своими стражниками и урядниками приступил к действию внутри фабрики и в жилых помещениях для рабочих и служащих фабрики.

Опрос рабочих и осмотр помещений фабрики продолжался до 3 часов пополудни того же дня и все это время весь отряд стоял в полной боевой готовности на указанных ему местах.

Расстояние от фабрики Акчурина до фабрики Шатрова 10—12 верст, позднее время и результат действия отряда на фабр. Акчурина заставили отступить от намеченного плана действий и отряд в тот же день возвратился на фабрику Протопопова на ночлег.

Действия отряда 4 сентября на фабрике Акчурина привели как ее население, так и окружающее, в панический страх.

В ночь с 4 на 5 сентября стало известно, что рабочие фабрики Шатрова приносят повинную, а жители окружающих селений отказались от участия во всяких союзах и все дают обещания впредь не устраивать никаких митингов...

Чтобы покончить с этим делом, карсунский исправник 5 сентября отправился на фабрику Шатрова; для содействия ему мною был назначен 4-й эскадрон драгун с указанием действовать так как и накануне, разобщением фабрики от всего окружающего, а толпу рабочих на фабрике по условиям местности разделить на две части и не позволять ей совещаться во время действий на фабрике исправника. Выполнив в точности в озложенное на него поручение, эскадрон возвратился в тот же день в 10 час. вечера.

Того же 5 сентября в 10½ час. вечера, дабы не упустить из рук остатков, известных гражданским властям преступных главарей разных организаций, мною, для содействия в их поимке, была командирована в с. Жадовку 3 рота с указанием одновременно оцепить все нужные дома, оставив часть роты в стороне на случай возможного требования действовать оружием. Рота возвратилась в 5 часов утра 6 сентября, выполнив все на нее возложенное...

Все вышеизложенные действия как всего отряда, так и в отдельности частей его во всех случаях выполнялись нижними чинами отряда с полным рвением...

Действия карсунского исправника отличались уменьем и опытностью...

Все это вместе, по слухам, произвело на население этого фабричного района сильное впечатление...

Доверие населения к агитации, поддерживавшей себя распространением слухов, что солдаты на ее стороне, в настоящее время в этом районе окончательно пропадет. благодаря виденным населением действиям войск...

Каждый из полицейской своры старался указать на свои особые заслуги в разгроме рабочих.

Уездный исправник так сообщал о своих подвигах:

„Прибыв с отрядом пехоты и эскадроном в Гурьевку на рассвете остановил фабрику. Собрал всех рабочих, потребовал выдачи членов комитета союза, оружия, коим как установлено и бомбами нападали двадцать восьмого... Давал срок, во время которого произвел обыск. Найдены уличительные сведения об организации союза и несколько оружия... (Шифров. тел. от 4 сентября.).

„... Необходимое на трех фабриках окончено. Впечатление получилось сильное.. Теперь надеюсь на успокоение... Необходимы обыски по рубкам быстрыми действиями...

Здесь на фабрике (у Протопопова) организован отряд стражников... Весь отряд войск оказал дружное полное содействие, особенно третья рота... (Шифр. тел. от 6/IX).

Далее—земский н-к: „...на фабрике Акчурина обыску на этот раз сопротивления оказано не было... „арестовано 10 рабочих зачинщиков и отобрано найденное оружие и бездымный порох.. Войска действовали энергично... Долгом считаю отметить действия солдат третьей роты кап. Степанова и самого командира роты...“ (Рапорт от 5/IX.).

События в Гурьевке (аресты, обыски, разгон митинга и т. д.) вызвали волнения на Измайловской фабрике.

31 августа шатровские рабочие оставили работу с целью идти на помощь гурьевцам, освобождать арестованных.

Однако, с получением сведений о действиях войск на Гурьевской фабрике, о стрельбе, раненых и т. п. начался упадок настроения рабочих, прибытие новых войск и их расправа в Гурьевке создали на Измайловской фабрике паническое настроение, выразившееся в принесении „повинной“ губернатору. *) Действия войск в Гурьевке, по сообщению фабричного инспектора, вызвали такую панику, что временно пришлось отменить ночные работы.

Всего на трех фабриках Гурьевского района было произведено до 20 арестов, **) и кроме того часть рабочих предусмотрительно поспешила скрыться из

---

*) Губернатором была получена следующая телеграмма от 4 сентября: „Рабочие и служащие фабрики Шатрова приносят полное раскаяние, единогласно отменяют всякие союзы и митинги, отказываются от каких-либо о стачек, также обязуются не ходить на поддержку соседних фабрик, обязуются никакого нарушения фабрики не делать, просят ваше превосходительство поверить нашему раскаянию, войск не присылать, обязуемся являющихся агитаторов передавать властям, будем навсегда верны государю.“

Уполномоченные рабочих фабрики Шатрова Парфенов, Малянин...

**) Арестованным, вероятно, долго пришлось бы томиться в карсунском клоповнике, если бы губернатором оставался Старынкевич, который предусмотрительно дал такое распоряжение начальнику карсунской тюрьмы: В случае получения вами постановления об изменении жандармским начальством, или судебными властями меры пресечения против содержания в карсунской тюрьме С. Панюшкина, Н. Лебедева, В. Горшанина и Ф. Агафонова, предлагаю вам, не освобождая их из тюрьмы, зачислить содержанием за мною в порядке охраны.

Распоряжением вице-губернатора Арцыбашева, занявшего пост губернатора после смерти Старынкевича (21 сентября 1906 г., в него была брошена бомба) все арестованные были освобождены из тюрьмы.

Кстати сказать—главный герой расправы карсунский исправник Шемякин также получил заслуженное:—13 апреля 1907 г. ранен и умер 8 июня 1907 года.

района, но полицейские ищейки продолжали преследование укрывшихся от ареста рабочих. Так, 6 сентября исправник просил распоряжения губернатора об аресте направившихся искать работы в Ишеевку рабочих: Якова Расторгуева, Тимофея Сыромятникова, Василия Суслова. „Уполномочьте дать распоряжение фабрикам уезда и Шатровской,—усердствовал полицейский холоп,—Шемякин—всех уволенных за забастовку с Румянцевской фабрики, а равно за принадлежность к союзам, на службу не принимать...

Таким образом намечавшаяся попытка организованных совместных выступлений рабочих нескольких фабрик, которая, несомненно, должна была бы вылиться в более прочную организацию—профессиональную, была разгромлена, стремление к организации было надолго похоронено...

Далее из стачек этого года можно отметить стачку симбирских ломовых извозчиков.

Забастовка началась 4 июня; забастовавшие требовали от городской управы установления таксы. Забастовка ударила по карману торговцев и последние взялись за организацию штрейкбрехеров, что привело к столкновению с ними бастующих. В результате столкновения один из извозчиков получил ранение и был отправлен в больницу.

В день рассмотрения городской управой таксы (19 июня) забастовавшие собрались у управы и вместе с собравшимися другими рабочими организовали короткий митинг, а затем толпою, доходившею, по

словам полицеймейстера Соловьева, до 2000 человек, с пением Марсельезы двинулись по Дворцовой улице. Во время демонстрации были провокационные попытки (брошенными из толпы камнями разбиты окна в городской управе и в доме губернатора) направить толпу на погром, но успеха не имели. 20 июня, после опубликования таксы, забастовка окончилась.

1907 год. В следующем, 1907 году, забастовочное движение пошло на убыль. По данным фабричного инспектора в течение года было всего 5 забастовок, в том числе одна забастовка рабочих типографии Токарева в самом Симбирске.

Падение числа забастовок об'ясняется отнюдь не уменьшением поводов для них. Положение текстильных, равно как других рабочих, оставалось столь же вопиющим, злоупотребления фабрикантов в области расплаты с рабочими попрежнему развертывались махровым цветком. Даже фабричная инспекция, вовсе уж не склонная особенно благоволить рабочим, порою с отчаянием взывала к высшей губернской администрации, прося повлиять на некоторых фабрикантов.

Например, фабричный инспектор 2 участ., прося присутствие по фабрично-заводским делам о наложении на владельца Пановской суконной фабрики (Сызр. у.) штрафа за целый ряд злоупотреблений в отношении своих рабочих, между прочим, писал:

„Несмотря на целый непрерывный ряд закононарушений, установленных в разное время тремя моими протоколами, несмотря на то, что за некоторые

закононарушения присутствие уже два раза налагало на Трегулова денежные взыскания, положение рабочих на его фабрике и до настоящего времени необыкновенно тяжелое и страшно несправедливое. Самое существенное требование закона—выдача в установленные сроки заработка рабочим никогда не производится и мною уже утеряна надежда, у меня уже нет уверенности в обещания Трегулова. Возможно предположить, что в данном случае неисполнение закона и уплата штрафа в несколько сот рублей дают более выгоды, нежели уплата в определенные сроки заработка рабочим.

... Картина экономического положения рабочих на фабрике Т... ужасна. Не получая своих собственных, давно заработанных денег под ряд несколько месяцев, рабочий ходит за своим заработком, как за милостыней, просит владельца выдать хоть незначительную часть своих же собственных денег, но все напрасно, владелец обыкновенно отвечает рабочим, что денег нет, если что нужно—пусть берут в лавке, а если будут приставать к нему с просьбами и надоедать, то он и совсем откажет от работы и самому рабочему и всему семейству надоедливого рабочего...

„Чтобы получить для своих надобностей деньги' рабочие вынуждены взять по ярлыкам конторы какие либо товары, по произвольно высоким ценам, продать взятое за бесценок и вырученные таким образом деньги вносить в уплату всевозможных повинностей.

„Судиться с фабрикантом у рабочих нет желания, а главное, нет фактической возможности. Рабочий, обратившийся в суд, несомненно будет уволен с работы, а они все желают работать и без заработка на фабрике рабочим с их семействами нет возможности существовать“...

К 1907 году стала изменяться политическая обстановка во всей стране. Испуг и растерянность правительства прошел, реакция снова подняла голову. Не составляла исключения и наша губерния. По свидетельству фабричного инспектора, на которого неоднократно мы ссылались, условия, в которых протекало рабочее движение нашей губернии, резко изменилось. „Примирительная деятельность, говорит он, при изменившихся условиях (введение в губернии усиленной охраны) значительно изменилась... переговоры в большинстве случаев происходили в присутствии полиции, под охраной стражников и поэтому внешний вид переговоров совершенно изменился, рабочие уже отказывались выбирать или присылать для переговоров уполномоченных, боясь за их участь, говорили всем составом, при чем большею частью говорящие не принадлежали к влиятельным среди рабочих лицам, а были или безразличные, или менее всех заинтересованными в переговорах. Внутренняя же сторона, несомненно, осталась прежняя, т. е. то же недоверие озлобленность и стихийность“...

Из отдельных стачек этого года следует отметить стачку ткачей на Тепловской фабрике—Агишева. Забастовка началась 9 января 1907 года, как протест против понижения сдельных расценков на ткачество. Существовавшая до этого момента расценка на ткачество была понижена владельцем на 25 коп. с куска (вместо 1 руб. 25 коп.—1 рубль).

В связи с ежегодным уходом рабочих на полевые работы, на летний период расценки, обычно, несколько повышались, а на зимнее время ставки понижались.

Летом 1906 года прибавка ткачам сделана не была, а было дано обещание не понижать расценки зимой. Данное рабочим обещание, конечно, было „забыто“ и расценки понижены на 25% сразу. В ответ на напоминание о данном обещании „владелец,—говорится в сообщении фабричного инспектора,—заявил рабочим, что если они не желают работать по пониженной расценке, то „могут убираться к чорту, а он найдет себе других ткачей“...

Вновь нанятые ткачи работали одной сменой, под охраной прибывших на фабрику стражников. 15 января владелец пошел на уступки, согласившись сохранить установленные расценки, но рабочие потребовали также уплаты за дни забастовки. Хозяин первоначально категорически отказался платить за дни забастовки, так как это, по его словам, может повлиять на рабочих в том отношении, что они могут и в другой раз забастовать, если получат за дни, в которые не работали.

Все же рабочие настояли на своем и на следующий день их требование было удовлетворено и работы возобновились, при чем рабочие настояли на обратном приеме двух ранее уволенных товарищей *).

В марте 1907 года две забастовки: на Самайкинской суконной фабрике (Сызранского уезда) и в типографии Токарева в Симбирске.

Мы, к сожалению, не располагаем материалами о том, сколько времени протекала и чем закончилась забастовка у Токарева. В нашем распоряжении имеется только следующая газетная заметка: „К забастовке у Токарева“:

„В самом начале рабочие пред'явили только одно требование—удаление мастера. После отказа Токарева, рабочие покинули работы и выставили ряд других требований, как-то: в случае болезни за первый месяц выдавать жалованье полностью, за второй месяц—половину; в случае увольнения не по вине рабочих выдается жалованье за месяц; переход со сдельной и поденной платы на месячное жалованье; организация третейского суда. Виновник забастовки, Егоров, уволен. Остальные требования Токарев не удовлетворяет. Настроение рабочих бодрое. Профессиональный союз разослал в соседние города предложение не присылать сюда рабочих. Члены союза решили отработать

*) Интересна одна мелкая, но достаточно характерная деталь. Прибывшим на фабрику фабричным инспектором был обнаружен в расчетных книжках рабочих подлог, в отношении сроков найма, сделанный владельцем. Свою уступку требованиям рабочих фабрикант обусловил тем, что инспектор не будет привлекать его за обнаруженное злоупотребление. Рабочие, по словам инспектора, просили не подвергать владельца взысканию.

один день в пользу забастовавших. Кроме того, в виде исключения, постановлено разрешить правлению выдавать особенно нуждающимся товарищам ссуды из сумм союза". („Наши Дни" № 8 от 14 апреля 1907 г.).

В том же марте, или несколько раньше происходили волнения рабочих Языковской фабрики Степанова. Недовольство рабочих, судя по жалобе одного из ткачей—уполномоченного рабочих, направленной „самому" министру внутренних дел, было вызвано низкими заработками, произвольными ценами на продукты в фабричной лавке и плохими материалами, отразившимися на выработке сдельщиков. Жалоба министру была вызвана недоверием к местной администрации и фабричной инспекции, которая, говоря языком письма, рабочий народ стала присоединять к забастовщикам и держит сторону „купеческого кулака".

Забастовка рабочих на Самайкинской фабрике была частичной—бастовали только ткачи, но основные мотивы забастовки настолько своеобразны, что заставляют подробнее на ней остановиться.

Забастовка началась 12 марта следующим образом: за получением основ в фабричный магазин явилась партия ткачей и потребовала, что-бы ткачу Даниле Симакову основа не выдавалась, так как ткачи не желают, чтобы в ткацком корпусе среди них находился Симаков.

Настроение ткачей было тревожное, вызывающее. Заведующий магазином отправился за распоряжением

к управляющему фабрикой Максутову, который и отдал распоряжение выдать основы всем, в том числе и Симакову, или же не выдавать никому, если ткачи препятствуют выдаче основы последнему. Рабочие настаивали на своем и основы не были выданы никому. Рабочие отправились в ткацкий корпус, послали телеграмму фабричному инспектору, прося его приехать на фабрику. В последующие дни рабочие аккуратно, по свистку, являлись на фабрику, по свистку уходили с нее, но к работе не приступали.

По приезде на фабрику инспектора рабочие пред‘явили требование: 1) убрать с фабрики рабочих Данилу Симакова и Степана Колдашова; 2) заплатить ткачам за прогульное время, начиная с 12-го марта; 3) означить время для прекращения работ перед праздниками; 4) утвердить три смены в отделениях, где происходит работа без перерыва в течение суток; 5) установить праздники для мусульман в пятницу, когда бывает русский праздник; 6) запретить хозяину сбавлять жалованье с рабочего, исполняющего одну и ту же работу; 7) установить положение о штрафном капитале; 8) возобновить и утвердить требование от августа 1906 года о бане, о квартирах, отхожих местах; 9) воспретить произвол цен на жизненные продукты сверх установленных в таксе, утвержденной фабричной инспекцией“.

Пред‘являя требования, рабочие подчеркнули, что особенное значение они придают первому и второму требованию. Все другие отделения фабрики работы

не прекращали. Группа ткачей в 12 человек, с Симаковым, выражала готовность приступить к работе, но боясь осложнений, управляющий фабрикой не разрешил им работать *).

Самайкинцы уже и в прошлом прибегали к забастовкам с целью удаления с фабрики враждебных рабочих лиц. Но эти требования касались обычно административных лиц **).

В данном же случае забастовавшие настаивали на увольнении своих же товарищей по работе. Каковы же причины, толкнувшие рабочих на это выступление?

Вражда в отношении Симакова была вызвана его попыткой сорвать своеобразную систему борьбы с безработицей среди ткачей.

Начиная с 1907 года, в связи с уменьшением интендантских заказов, фабрика испытывала затруднения в сбыте товаров и сокращала производство. В прежние годы фабрикант увольнял лишних ткачей. Начиная с 1906 года среди самайкинских ткачей увольнений не производилось, хотя сокращение производства вызывало недостаток работы и понижение

---

*) Указанная группа ткачей, по сообщению фабричного инспектора, жаловалась ему, что они желают работать и ни при каких условиях от работы не отказываются, но фактически лишены возможности производить работу и кроме того им житья нет от других рабочих и даже от детей рабочих, потому что им все время кричат, что они „черносотенцы“ и „много другого крайне для них обидного“...

**) Во время забастовки в августе 1906 года рабочие требовали увольнения управляющего фабрикой Баишева и его двух сыновей, бывших его помощниками. Увольнения сыновей Баишева рабочие добились. Точно также рабочие требовали увольнения принятого управляющим одного слесаря и успокоились только после того, как этот рабочий, видя враждебное к себе отношение, сам отказался от работы и ушел.

заработка сдельно работающих ткачей. Между ткачами состоялось соглашение получать по очереди основы, иногда оставаясь несколько дней без работы, но не допускать увольнения рабочих. Симаков же возбуждал рабочих, пытался доказывать и даже ходил к владельцу просить, в виду недостатка основ, уволить хотя бы женщин-ткачих. Рабочие узнали, что Симаков ходил к фабриканту с подобной просьбой, вопреки соглашению всех рабочих и это послужило поводом требовать его удаления. *) Требование увольнения рабочего Колдашова было вызвано его угрозой „сообщить куда следует“ о том, что рабочие в мастерской готовят себе оружие.

После длительных переговоров фабрикант согласился на следующее (было вывешено об‘явление, так как рабочие заявили, что словесным заявлениям не верят):

„В течение лета 1907 года Т-во Акчурина во всех жилых помещениях для рабочих устроит форточки для освежения воздуха и чуланы для хранения провизии. Столовое помещение ткачей отделено будет от спального помещения.

---

*) Ткач Симаков, повидимому, не упускал каждой возможности так или иначе вредить своим товарищам. Так, например, земский начальник сообщает губернатору:

„... Данил Симаков (вызванный по частному делу М. В.) об‘яснил, что он, проживая в дер. фабр. выселках, всегда работал на фабрике Акчурина ткачом и еще в прошлом году рабочие фабрики образовали из себя союз, об‘явили забастовку и в том году еще решили примкнуть к какому то Симбирскому комитету“...

По поводу этого заявления Симакова жандармское управление сообщило губернатору: „данными расследования выяснено то обстоятельство, что союза рабочих на фабрике Акчурина в настоящее время „не существует, а равно и не существовало в минувшем году“.

В другом же спальном корпусе отверстия между досок верхних нар заделаются. В существующей бане установится насос для подачи холодной воды, новый больших размеров бак для горячей воды и в предбаннике устроится потолок. В квартирах с недостаточным светом, если позволит крепость стен, прорубятся вновь оконные отверстия, в противном случае, в означенных квартирах снимутся перегородки и из двух соседних квартир устроится одна. Около помещения ткачей установить новое отхожее место. Яма для отбросов, находящаяся между двумя жилыми помещениями, переносится от средины в другое место. Кроме того, перед праздниками, переименованными в правилах внутренняго распорядка, работы будут оканчиваться в 6½ час. вечера. В сукновальных и промывных отделениях работа распределится на три смены по 8 часов непрерывной работы. Если один из праздников совпадает с пятницей, то рабочим мусульманам предоставляется не производить работы в означенный праздник. Кроме того ткач Данил Симаков в ткацком или аппаратном корпусе на работе состоять не будет".

За прогульные дни владелец платить отказался. Что же касается увольнения Колдашова, то рабочие отказались от этого требования после того, как Колдашов извинился перед рабочими, признав свои слова „неосторожными и случайными".

Несмотря на настояние рабочих, владелец отказался платить за прогульные дни и идти на какие-либо уступки, кроме указанных в об'явлении. 16 марта

к работе приступила в первую очередь группа „симаковцев“, а затем явились выборные от всех ткачей и заявили о готовности приступить к работе, от переговоров же, как сообщает Ф. И. „демонстративно“ отказались и заявили ему в очень резкой форме, что он стоит на стороне фабриканта и потому не настоял на удовлетворении их требования об уплате за прогульные дни.

Интересна оценка настроения рабочих во время забастовки, данная фабричным инспектором:

„... Несмотря на то, что прекращена работа была только ткачами, в переговорах принимали участие выборные от всех отделений фабрики и в общем те же самые, которые были выбраны в прошлую забастовку, т. е. в августе 1906 года. Общее настроение всех рабочих Самайкинской фабрики крайне нервное, тревожное и вызывающее. Раздражение особенно сильно замечается, если приходится ссылаться на требования существующего закона. Обыкновенно в таких случаях рабочие отвечают, что „закон не для нас, а для богатых, для нас же плети да тюрьмы, да и не мы законы писали“... В обращении между собою рабочие употребляют все время слово „товарищ“, в подкрепление правильности своих положений читают при мне же выдержки из разных газет. Вообще, заметно общее сознательное отношение всех за одного и одного за всех.

Порядок в общем, образцовый, если не считать крайне резких выражений; пьянство совершенно отсут-

ствует. Нет ни криков, ни споров, между собой, солидарность при переговорах полная, так что если один скажет что либо, то сказанное является всегда общим мнением“...

В ноябре месяце снова произошла забастовка ткачей, как протест против снижения сдельных расценков. Исход забастовки нам не известен. Продолжалась она с 5 по 11 ноября. С самого начала забастовки, по сообщению уездного исправника, за ткачами было установлено наблюдение и никаких „сборов и сходбищ“ допущено не было.

Это была, повидимому, последняя забастовка самайкинских рабочих. В материалах, которыми мы располагаем, не отмечено больше ни одного выступления их.

Октябрь ознаменовался частичной забастовкой на фабрике Шатрова. *) Бастовали ткачи, числом до 230 человек. В связи с окончанием срока найма фабрикант, по сообщению исправника, решил уволить тридцать человек ткачей, как весьма неблагонадежных, постоянно возмущающих других. На об‘явление об увольнении части рабочих все ткачи ответили забастовкой, потребовали общего расчета и вызвали фабричного инспектора. **) По распоряжению губернатора

---

*) В марте месяце на Измайловской фабрике происходили какие то события, о чем можно заключить из письма члена государственной думы Кузнецова к рабочим этой фабрики. Письмо датировано 17 марта 1907 года, заключает в себе призыв быть твердыми в борьбе и т. д. Письмо Кузнецова было в свое время выпущено в форме листовки. (Листовка имеется в музее имени Ленина).

**) Маленькая деталь: У рабочих, повидимому не без основания, сложилось недоверие к фабричной инспекции своей губернии и они просили о приезде инспектора Казанского.

на фабрику был отправлен отряд стражников „для поддержания порядка".

Забастовка продолжалась с 16 по 19 ноября. В результате забастовки удалось отстоять выдачу назначенным к увольнению двухмесячного заработка. Уволено было 22 человека и их семьи (полицией) выселены из фабричных квартир. *)

Этими короткими забастовками закончился период под'ема в забастовочном движении рабочих нашей губернии. **) Нам остается еще рассмотреть процесс организации и короткую историю профессиональных союзов и других организаций, возникающих в различных отраслях труда в Симбирской губернии.

---

*) Полицией были выселены семьи след. рабочих: Степана Агапова, Николая Агапова, Филиппа Чибиряева, семейства остальных рабочих выехали добровольно.

*) Октябрь месяц прошел, судя по некоторым материалам довольно тревожно для местной полицейщины. В связи с предстоящим процессом член государственной думы (с.-д. фракции) ожидали выступления железнодорожников. На случай этого выступления в распоряжение жандармского управления были даны войска, на ст. „Симбирск," был составлен воинский поезд и т. д. Выступление железнодорожников ожидалось еще и потому, что была перехвачена телеграмма: „Всем отделениям всерос. железнод. союза: „По уведомлению других союзов и партий центральный комитет предлагает также приготовить всех членов союза ко всеобщей забастовке, имеющей быть в скором времени."

Общества взаимопомощи.

Общества взаимопомощи стали возникать в 90 годах прошлого столетия.

Наиболее известными из них являются „Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии,“—возникшее в 1895 г., „Общество взаимопомощи приказчиков гор. Сызрани,“ начавшее существование с 1894 года; „Общество вспомоществования частному служебному труду,“ возникшее в конце 90-х годов и „Касса для вспомоществования семьям лиц, умерших, или оказавшихся неспособными к службе по врачебно-ветеринарной и фармацевтической части“ открыта в 1902 г. Последние два—общество вспомоществования частному служебному труду и касса вспомоществования семьям ветеринарных и фармацевтических работников—представляют мало интереса: первое уже хотя бы потому, что преобладающую часть его членов составляли всякого рода управляющие имениями, директора и управляющие фабриками, доверенные фабрикантов и т. п. элемент, а учредителями являлись фабрикант Шатров и мануфактурные торговцы: Пастухов и Конурин. Вторая—вследствие узости своих задач: „касса, — говорится в уставе,—имеет целью

единовременную выдачу пособий семьям членов, оказавшихся нетрудоспособными или умерших“...

Общество взаимопомощи приказчиков г. Сызрани за все время своего существования, как общества взаимопомощи, т. е. до 1907 года, не проявило сколько нибудь заметной деятельности. В конце 1907 года им принят устав профессиональной организации и этого периода существования общества мы коснемся в дальнейшем.

Остается остановиться подробнее только на обществе взаимопомощи учащих народных училищ.

Это общество формально начало свое существование с 25 июня 1895 года *) на основании устава, утвержденного министром просвещения Деляновым и поставило своей целью „оказывать своим действительным членам и их семьям не только денежное по-

*) Уже с 70 годов п. с. практиковались периодические учительские с'езды, обычно уездные.

Но эти с'езды, „имевшие своей задачей познакомить народных учителей с лучшими способами преподавания;“ а самое главное, происходившие под непосредственным и ближайшим наблюдением инспектора, повидимому совершенно не затрагивали положения учителей, не способствовали их сближению. С'езды занимались такими вопросами как нужно-ли произносить «его» „ево“, „хащу“ или „хощу“, „исус“ или „иисус“. (Карсунский уездный с'езд 1873 г.)

Главной задачей этих с'ездов было—дать сельскому учителю твердую и определенную линию.

Для характеристики «с'ездовского духа» не лишне будет привести образцы педагогических указаний Ардатовского с'езда 1901 года: о выборе поэтических образцов для заучивания наизусть:

„Всего, что рисует отрицательные стороны жизни: тяжесть труда, тяжесть крестьянской жизни, безвыходное горе и друг., или индивидуальное чувство поэта нужно избегать, так как это может содействовать развитию недовольства, или излишней сентиментальности.“

История: История не только дает учащимся необходимые сведения о прошлом но об'ясняет и настоящее; дает пример славы, доблести русского народа преданности его престолу и отечеству“... (См. протоколы этих с'ездов. М. В).

собие в затруднительных случаях их жизни, но и заботиться всеми зависящими средствами об улучшении их материального благосостояния"... при чем об'ектом ***филантропических*** (курсив мой М. В.) действий общества могут быть не все члены—учителя и учи-цы в совокупности, а лишь отдельные единицы, крайне нуждающиеся в помощи вследствие болезни, потери занятия и т. п. *).

Общество с первого момента своего существования было взято под опеку заботливым начальством. В правление, по распоряжению попечителя округа, введен в качестве ***непременного члена*** инспектор народных училищ, а в числе так называемых почетных членов находим и „преосвященного" Варсонофия, и губ. предводителя и губернатора.

„Варсонофиевский" и „предводительский" дух, конечно, не мог способствовать росту общества, вовлечению в него учительской массы в значительной части настроенной радикально и даже революционно. **)

Но и вступившие в члены общества уделяли ему очень мало внимания и не выполняли материальных обязательств. Уже в отчете за 1897—88 г. читаем: „членские взносы поступают в общество обыкновенно после нескольких напоминаний, но и в этих случаях вместо взноса иногда приходится получать правлению далеко не нежные укоры за одно напоминание о членском взносе...

*) По § 12 устава правом на пособие от общества пользуются только действительные члены общества, пробывшие таковыми не менее 2 лет.

**) См. материал о движении среди учительства Буинского уезда в 1907 г.

При таких условиях общество находилось в большой зависимости от взносов членов соревнователей и других случайных поступлений. В том же отчете правления о-ва читаем: „...общество в настоящее время имеет 156 членов соревнователей и между ними есть лица, которые выражают свое сочувствие целям общества не только одним вступлением в члены общества, но и крупными пожертвованиями, устройством любительских спектаклей, публичных лекций и т. п.“

Но уже в следующем году заметно охлаждение к обществу и „соревнователей“ и действительных членов: „Правление считает нужным отметить прискорбный факт уменьшения взносов от членов соревнователей (уплатили только 37 чел.), но и в отношении действительных членов обществу следует желать большего.“...

Жалобы на упадок интереса к обществу неизменно звучат в каждом отчете правления. Например в докладе правления экстренному общему собранию (7 января 1909 г.) говорится:

„Число действительных членов нашего общества постепенно тает и в настоящее время доходит до 212 чел. при 1400 народных учителей в губернии *).

*) По отдельным годам число действительных членов общества колебалось следующим образом:

В 1895 г.	(при открытии)	106	чел.
„ 1897 „	. . . . .	212	„
„ 1899 „	. . . . .	369	„
„ 1900 „	. . . . .	387	„
„ 1991 „	. . . . .	366	„
„ 1907 „	. . . . .	277	„
„ 1910 „	. . . . .	121	„

Факт печальный, гнетуще действующий на всех посторонних лиц, сочувствующих целям общества“...

.. „Возьмите отчеты за последние 4 года, —говорится далее,—и вы увидите, что взносы действительных членов постепенно опустились с 476 руб. (в 1904—5 г.) на 412 руб. (1905—6 г.) на 147 руб. (1906—7 г.) и выразились во второе полугодие 1908 г. жалкой цифрой в 67 руб.“

Укрепить положение общества правление пыталось призывом к учителям средней школы вступить в число членов соревнователей и к народным учителям, призывая их вступить в ряды общества, но призывы не находили сколько нибудь заметного отклика.

Деятельность общества сводилась, почти исключительно, к организации интерната для учащихся—детей учителей, за особую ежемесячную плату. На организацию интерната расходовалось 50% средств о-ва. Но основным источником средств были субсидии земств.

Ссуды нуждающимся членам о-ва ограничивались недостатком средств. Из-за недостатка средств осталась невыполненной попытка организации санатории.

В 1900 году при обществе организовалась похоронная касса, в первые годы пользовавшаяся успехом у членов, но затем дела кассы пришли к упадку и в 1907 году касса закрылась, так как осталось только 12 участников, уставом же требовалось не менее 25.

В 1909 году похоронная касса снова возобновила свою деятельность, но круг участников оставался не-

значительным (к 1 августа 1910 года насчитывалось 65 участников кассы).

Общество взаимопомощи дожило до 1917 года, из года в год борясь за свое существование и за те учреждения, которые им были созданы. Очевидно, что тратилось много сил и энергии, но общество не смогло, по причинам, которых мы касались выше, привлечь в свои ряды сколько нибудь значительные кадры народных учителей.

Канун революции застал общество в состоянии кризиса, поставившего под вопрос существование детского интерната, т. е. того важнейшего учреждения, которое обществу удалось организовать *).

*) В газете „Симбирянин“ от 17 февраля сс. ст. 1917 было помещено следующее, отчаянное воззвание правления общества:

Учителя и учительницы.

В Симбирске более 20 лет уже работает общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в училищах Симбирской губернии, но членами этого общества, как это ни грустно сознаться, состоит очень небольшая часть учащих, а многие из них не знают даже о существовании, целях и задачах общества. (Курсив мой М. В.).

„Благодаря своим маленьким силам, общество взаимопомощи учителей не могло выполнить тех широких планов, которыми оно в начале задалось: оно открыло общежитие для детей учителей, которые обучались в средних учебных заведениях гор. Симбирска, учредило при обществе похоронную кассу и открыло кумысную санаторию на арендованной в уделе земле, которая, за недостатком средств, вскоре должна была закрыться. Самое нужное и живое из перечисленных учрежде-

ний было общежитие, интернат для учительских детей, благодаря которому кончили свое образование в высших учебных заведениях ряд учительских сыновей и дочерей. И вот теперь, в переживаемую всеми нами тяжелую годину, благодаря всеобщей дороговизны, правление не имеет возможности дольше поддерживать интернат—не достает денег, чтобы закончить год... интернат должен будет закрыться в самом непродолжительном времени, если не явится извне своевременно помощь.

Братья, товарищи, труженики и труженицы на почве народной, придите Вы все, кто чем может, на помощь сыну учителя, не заставляйте его прекратить начатое образование, поспешите к нему с поддержкой".

В 1905 году со стороны общества взаимопомощи была робкая попытка поднять вопрос о правовом положении учителя.

Попытка эта свелась к подаче в городскую управу доклада комиссии „о поднятии правового положения народных учителей с просьбой доложить думе просьбу правления общества о возбуждении перед министром внутренних дел и народного просвещения ходатайства о созыве представителей всех обществ взаимопомощи учащим для всестороннего рассмотрения вопроса о правовом положении народных учителей" и, конечно, не дала никаких результатов, если не считать того, что лишний раз показала учителям, что искать улучшения своего положения им следует на иных путях и иными средствами...

Профессиональные союзы.

Зарождение профессиональных организаций с более или менее выдержанной классовой физиономией относится к 1905—1907 годам, к периоду „бури и натиска“.

Официальные даты организации союзов—вернее утверждения их уставов, относятся большей частью, к средине и концу 1906 и к первой половине 1907 г., но фактическое зарождение некоторых из них следует отнести к более раннему периоду.

Некоторые союзы или их ячейки (напр., союз рабочих печатного дела, помощников врачей *), „о-ва лиц, занимающихся письменным, конторским и чертежным трудом“) зарождались явочным порядком в 1905 или в начале 1906 года, еще до появления в свет „высочайше утвержденных“ правил 4-го марта **).

---

*) Напр., в заявлении на имя губернатора учредителей союза фельдшеров, фельдшериц и акушерок по поводу организации союза читаем: „17 декабря 1905 года... состоялось собрание фельдшеров Симбирской губ. На этом собрании было решено образовать профессиональное общество фельдшеров Симбирской губ., с целью улучшения экономического и правового положения, а также повышения специального и общего образования среднего медицинского персонала„...

**) Один из старых членов союза рабочих пекарно-кондитерского производства сообщает, что названный союз первоначально возник явочным порядком в феврале 1906 года. Вскоре правление было вызвано в полицию, где потребовали прекращения деятельности союза, отобрали подписку о том, что работа не будет вестись подпольно, грозя, в противном случае, судебным преследованием. Союз просуществовал всего 21 день.

Все же, несомненно, что большинство союзов начало организовываться только на основании указанных правил, представлявших, хотя и крайне ограниченные (на то они и „высочайше“ утвержденные) легальные возможности. Равным образом оформлялись на основах этих правил и уже существовавшие союзы.

Вынужденное на уступки, хотя бы в виде правил 4 марта, самодержавие, на пути использования и осуществления этих правил, поставило ряд рогаток в лице губернатора, губернских и городских по делам об обществах присутствий, состав которых достаточно говорит сам за себя *). В задачу присутствий входило всемерно затруднять использование даже правил 4 марта для организации того или другого рабочего союза. Усмотрению и толкованиям присутствий при рассмотрении уставов организовавшихся профессиональных союзов не было границ и предела.

Союзу симбирских фельдшеров, например, было первоначально отказано в регистрации на том основании, что „согласно точному смыслу ст. I, отд. 2 высочайше утвер. 4 марта 1906 г. правил..., а также по раз'яснению департамента общих дел министерства внутренних дел профессиональными обществами признаются лишь соединения лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, к числу каковых не могут быть отнесены помощники врачей“...

*) Председателем Симбирского губернск. по делам об обществах присутствия был сам губернатор; членами входили начальник жандармского управления, прокурор окружного суда, ст. фабричный инспектор и т. д. в том же роде.

Союзу рабочих по обработке дерева было отказано в регистрации из-за злополучного пункта, говорящего о необходимости развивать среди членов союза идею солидарности и взаимопомощи *).

Интересна при этом и сама мотивировка отказа: „...что же касается требования пункта „а“,—говорится в постановлении присутствия,—то в виду неопределенности характера идеи солидарности и взаимопомощи, (курсив мой. М. В.), которую члены общества обязуются возбуждать и развивать среди своих товарищей, а также принимая во внимание, что во временных правилах о профессиональных обществах не содержится никаких указаний в этом отношении и что, по пункту устава, каждый обязан подчиняться решениям общего собрания... губернское по делам об обществах присутствие не признает возможным произвести... регистрацию общества рабочих по обработке дерева“...

Эти страшные „жупелы“—идея солидарности и взаимопомощь, характер коих казался этим церберам самодержавия неопределенным, (вернее они страшились определенности и ясности их) старательно изгонялись из уставов и других союзов, как например: союза типографских рабочих, союза пекарей и кондитеров, торгово-промышленных служащих и т. д.

---

*) В уставах большинства союзов первоначально имелся пункт „а“: „каждый член об-ва, кроме внесения установленного взноса, обязан возбуждать и развивать среди своих товарищей идею солидарности и взаимопомощи... подчиняться всем решениям общего собрания“...

Пытавшимся организоваться служащим пароходства „Дружба“ было отказано в регистрации, „не входя в детальное рассмотрение устава, находя, что согласно § 2 устава участниками союза могут быть все постоянные служащие пароходства „Дружба“.

„Между тем.... профессиональные общества могут быть составляемы только из лиц, занятых одинаковыми, однородными, или имеющими какую-либо связь работами; труд же капитанов пароходов, мастеров, слесарей, матросов, труд служащих в конторах и агентствах пароходства ничего общего между собой не имеет и лица эти ни в коем случае не могут быть соединены в одну профессиональную группу“...

Устав группы служащих городского самоуправления, организовавших „Профессиональное общество лиц, занимающихся письменным, конторским и чертежным трудом“, не был зарегистрирован, так как, по словам протокола присутствия, не соответствовал не только основным положениям правил 4 марта, но и другим законоположениям.

„Так, например, говорится в постановлении присутствия, в ст. 2 устава изложено, что общество для достижения своей цели устанавливает круговое обязательство членов не занимать те места, с которых кто-либо из них будет уволен без согласия общества. Как это, так и большинство других требований, указанных в помянутой статье, имея, несомненно, характер бойкота, недопустимы законом и безусловно причинят вред как хозяевам и учреждениям, в которых

будут находиться на службе члены общества, так и самим членам. По сим соображениям... присутствие определяет: в зарегистрировании сказанного общества отказать...

*) С организацией земских служащих получилось еще хуже.

Здесь в роли полицейских выступило само „либеральное и свободолюбивое“ губернское земство.

Вот что сообщали «Наши Дни» в № от 14 апреля 1907 года:

„Среди служащих Симбирской губернской земской управы, получающих небольшие оклады жалованья, идет глухое брожение в связи с вздорожанием жизни....

Возникла мысль подать петицию управе с указанием на невозможность существовать при настоящих условиях, но разрозненность, отсутствие солидарности.... помешали осуществить эту мысль.... Теперь петицию, составленную в довольно категорических выражениях, пришлось заменить „прошением“. Последнее, пожалуй, более соответствует действительному положению вещей, так как никакой реальной силы у служащих нет.

Идея образовать союз, возникшая года два тому назад и уже начавшая было приводиться в исполнение, была в корне подрезана постановлением земского собрания сессии 1905 года, запрещающим союзы земских служащих.

Несмотря на явную незаконность этого постановления, оно до сих пор сохраняет свою силу. Наши земские служащие лишены права воспользоваться законом 4 марта 1906 года об обществах и союзах, лишены одного из элементарных прав гражданина своим «хозяином», земским собранием“...

Из устава „Сызранского общества лиц счетоводной профессии были изгнаны такие страшные поло-

жения как:"... Общество ставит своей целью защищать профессиональные нужды и интересы своих членов, при чем слово „защищать" предложено было заменить выражением—„выяснять и согласовать".

Из пункта устава, говорящего о соглашении общества с хозяевами о нормировании заработной платы, рабочего дня и других условий труда, исключено выражение: „а также следить за точным исполнением этих соглашений"; из устава союза строительных рабочих исключен пункт, говорящий о том, что союз устраивает публичные собрания для привлечения новых членов.

Впрочем, предела, повидимому, достиг губернатор Ключарев, согласившийся на открытие Сызранского общества приказчиков только на основании устава, который будет редактирован по его личному указанию.

Одним словом союзы были поставлены в положение того библейского верблюда, которому нужно было пролезть сквозь игольное ухо...

Однако тяга к организации была уже настолько сильна, что союзы настойчиво старались проделать эту операцию.

Попытки пройти через полицейское чистилище, именуемое губернским по делам об обществах Присутствием, начались со средины 1906 года. В июне поступают заявления от рабочих пекарно-кондитерского производства, от рабочих по обработке дерева, типографских рабочих, торгово-промышленных

служащих, лиц, занимающихся письменным, конторским и чертежным трудом, в августе—помощников врачей, в декабре—рабочих металлистов.

Первый натиск союзов „доблестно“ выдерживается присутствием. Начинается чистка уставов от всяких „идей и противоречий с существующими законоположениями“, в результате чего ни одному союзу не удается пока начать легальное существование.

Затем начались „исправления“ уставов „согласно сделанным указаниям“, как обычно указывалось в заявлениях, сопровождавших „исправленные“ уставы.

9 сентября (ст. ст.) 1906 года было днем прорыва „блокады“. В этот день зарегистрированы союзы: рабочих пекарно-кондитерского производства, торгово-промышленных служащих, типографских рабочих и лиц, занимающихся письменным, конторским и чертежным трудом Несколько позже—в октябре 1906 г. —зарегистрирован союз помощников врачей.

В январе 1907 г. утверждаются уставы союза рабочих по обработке дерева, союза рабочих по обработке металла; в феврале—союз портных, портних и шапочников; в марте организуется домашняя прислуга; *) в апреле союз приказчиков села Промзина Алатырского уезда и союз рабочих по изготовке обуви; в мае союз строительных рабочих; в июле союз приказчиков гор. Алатыря и уезда; в августе изменяет устав и регистрируется как профессиональный союз „Общество взаимного вспоможения приказчиков гор. Сызрани ***).

*) Об организации союза домашней прислуги один из активных участников его (чл. правл. Ж.) рассказывает следующее: организации союза прислуги предшествовали собрания небольшого кружка лиц, начавшиеся еще осенью 1906 г., в которых принимали участие т.т. Журавский, Колтыш (с. д.), учитель Зимин, врач Сахаров и друг., при чем из домашней прислуги в кружке участвовала М. Ф. Костомарова. На собрании этого кружка и было решено приступить к организации союза домашней прислуги. С весны 1907 года начали созывать общие собрания прислуги. Общие собрания созывались с большим трудом, так как об'явления в газете прислуга не читала и приходилось обходить квартиры и дома буржуев, уговаривать прислугу, дворников, швейцаров приходить на собрания. Эту работу выполняли, главным образом, тов. Костомарова, Колтыш и Журавский. Костомарова, служившая прислугой, после первых же собраний была уволена хозяевами, как „подозрительная".

Собрания прислуги происходили в доме Татарской, где были все союзы, и были сначала довольно многолюдные—доходили до 250-300 человек. На собрания ходили кухарки, горничные, дворники, кучера, швейцары, сторожа. Выступавшие товарищи, главным образом тов. Колтыш, говорили о бесправии прислуги и призывали к организации союза. Настроения на первых собраниях было бодрое. Но после первых же собраний хозяева стали давить на прислугу, увольнять или грозить увольнением и это давление отразилось очень скоро на положении—прислуга стала избегать собраний, боясь увольнения...

Чтобы следить за прислугою, часто на собрания приходили переодетые хозяева и хозяйки, пытались срывать собрания, говорили о ненужности союза и т. п. Однако, союз был организован и избрано правление, которому было поручено выработать устав и представить его на утверждение. Первоначально в союз записалось человек 100-150 прислуги.

Средства союза составлялись первоначально из добровольных взносов: „кто сколько может“, а затем был установлен взнос в 2% с заработка. (Устав союза предусматривал следующее обложение членов: вступительный взнос 50 коп., ежемесячный—с живущих на готовом содержании 3%, а с живущих на своем содержании—2% с получаемого жалованья. М. В.).

Членских взносов поступало очень мало. Приходилось обходить членов союза на дому, но и это мало помогало, потому что боялись хозяев. Забастовок прислуги не было. Повысить жалованье прислуги или сократить рабочий день—вообще, улучшить положение—не удалось, так как союз был очень слаб. Никакой культурной деятельности союз также не мог вести. Было несколько случаев выдачи пособия уволенным членам союза, но и то очень незначительного, за отсутствием средств. Средства союза были настолько незначительны, что даже на расходы по необходимой переписке приходилось прибегать к помощи отдельных товарищей. Большой удар союзу был нанесен арестом тов. Колтыш, **) бывшей председателем союза. После ареста Колтыш правление союза распалось и деятельность прекратилась. Вскоре было избрано новое правление, но оно просуществовало недолго и союз распался окончательно. Союз распался еще и потому, что хозяева слишком давили на прислугу, а сама прислуга была малосознательна“.

**) Тов. Колтыш, по профессии кухарка, была привлечена за принадлежность к с.-д. и, в частности, за распространение воззваний к домашней прислуге, выпущенного Симбирским комитетом РСДРП. Выслана Колтыш под гласный надзор полиции в одну из северных губерний.

Существование союза прислуги, распространение воззваний и т. д. не на шутку переполошило Симбирских домохозяек“.

Одна из них, некая Глафира Сидорова, писала губернатору:

„Ваше превосходительство, препровождая при сем воззвание Симбирской революционной партии, коими так открыто и обильно снабжается наша прислуга, мы усердно просим Вас принять меры к прекращению столь явной и совершенно открытой агитации. Такое же воззвание отправлено мною в министерство.

Одна из домохозяек гор. Симбирска, Ваша пок. слуга Глафира Сидорова".

***) В начале 1907 года, как уже отмечалось выше, было отказано в регистрации союзу служащих пароходства „Дружба".

Эта организация, по своим целям, поскольку таковые выявились в представленном на утверждение присутствия уставе, являлась скорее обществом взаимопомощи, или ссудо-сберегательной кассой.

В § 1 устава читаем: Союз служащих пароходства „Дружба" и торговли имеет целью доставление своим членам возможности: а) делать сбережения, б) получать ссуды, в) получать посильную помощь во время какого-либо несчастного случая, происшедшего с одним из членов союза, для чего организуется касса союза".

§ 13 устава: „Ссуда выдается из 4% годовых".

Кроме упоминавшегося уже общества взаимопомощи учащим и учившим в народн. училищах, Общества вспомоществования частному служебному труду, Общества взаимопомощи сызранских приказчиков (до 1907 г.) существовал ряд обществ взаимопомощи учащихся, а также ссудо-сберегательные кассы, напр.:

Ссудо-сберегательная касса служащих Симбирск. Обществ. Управления, с.-с. касса служащих канцелярии губернатора, служащих почтово-теле-

графной конторы, служащих губернской земской управы, губернских земских больниц и богоугодных заведений; эмеритально-вспомогательная касса служащих при фабрике торгово-промышленного товарищества Виноградова, при с. Игнатовке и ряд других.

О численном составе союзов.

Отсутствие соответствующих материалов не дает возможности с точностью говорить о числе организованных членов в том или ином союзе, но исходя из того положения, что союзы охватывали только мелкие ремесленные группы (рабочие текстильных фабрик, как отмечалось выше, не были организованы в проф. союз), можно безошибочно заключить, что создавшиеся союзы охватывали по несколько десятков членов и только в лучшем случае, в отдельных союзах, число членов достигало нескольких сот.

В союзе рабочих пекарно-кондитерского производства напр., возникшем в результате упорной забастовки, через месяц после официального возникновения союза, насчитывалось до 150 человек. „Видя официальное существование рабочей организации,— говорит один из активных работников,—быстро стали стекаться со всех сторон из темных уголков пекарень рабочие и записываться в союз, так что через месяц союз стал иметь до 150 человек“...

„При союзе, говорится далее, была организована маленькая библиотечка, а также касса безработных и больничная“... В дальнейшем, как отмечает тот же товарищ, „несмотря на целый ряд преследований

со стороны царского правительства, маленький союз сумел об'единить вокруг себя 250 членов, которые получили, хотя и небольшое, профессиональное воспитание"...

В союзе помощников врачей (ф-ров, фельдшериц и акушерок) число членов было: в 1906 году—92, в 1907—111, в 1908—61. *) В союзе домашней прислуги, по словам одного из участников этого движения, первоначально записалось до 100-150 человек, но затем число членов стало падать. Также и союз рабочих печатного дела об'единял всего около 150 членов из общего числа рабочих типографий около 300. Общество взаимопомощи приказчиков Сызрани, в лучшее для себя время, насчитывало также около 150 членов, а такие союзы, как союз приказчиков с. Промзина, или Сызранское общество лиц счетоводной профессии, насчитывали от 20 до 30 членов.

Финансовые средства союзов. Слабый количественный состав, естественно, сопровождался и материальной слабостью союзов. Основным источником материальных средств являлись членские вступительные и ежемесячные взносы. В системе и размерах обложения членов союзов была значительная пестрота. Во всех союзах, кроме союза приказчиков села Промзина Алатырского у., существовали вступительные единовременные взносы и ежемесячные. По отдельным союзам рисуется такая картина: союз рабочих по

*) Батунин: краткий очерк развития фельдш.-акуш. организ. в Симб. губ.

обработке дерева: вступительный взнос 50 коп., еженедельно 10 коп.; союз домашней прислуги: вступительный 50 коп , ежемесячный с работающих на готовом содержании в размере 3% с заработка и 2% с работающих на своем содержании; союз типографских рабочих: вступительный 1 рубль и ежемесячно 2% с заработка; с торгово-промышленных служащих гор. Симбирска и губернии—вступительный взнос с получающих до 20 руб.—50 коп., с получающих больше 20 руб.—1 рубль; ежемесячно—2% с заработка; союз портных, портних и шапочников—вступительный взнос 50 коп., ежемесячно 20 коп.—зарабатывающие до 10 рублей и 40 коп. остальные; союз рабочих по обработке металла вступительный—1 руб. (допускалась рассрочка) и ежемесячный 2% с заработка, а зарабатывающие меньше 13 руб.—25 коп. в месяц; союз строительных рабочих: вступительный и ежемесячный взнос равнялся 30 коп., при чем ученики платили половину; союз приказчиков с. Промзина—вступительных взносов не было, ежегодный взнос равнялся 3 рублям; союз приказчиков и конторщиков Алатыря: вступительный—1 рубль, ежемесячный—2% с заработка; О-во вспомоществования приказчиков Сызрани: вступительный 3 рубля; в отношении годового обложения члены разделялись на 3 категории: I категория платила 10 руб. в год; II-я—7 р. и III-я—4 рубля.

Таже пестрота наблюдалась и в распределении союзных средств. Так, например, в союзе рабочих

по обработке дерева, у типографских рабочих, торгово-промышленных служащих и некоторых других,—45% всех средств поступало „в полное распоряжение правления союза“, другие 45% поступали в фонд взаимопомощи и остальные 10% образовали неприкосновенный капитал. Часть взносов, поступившая на образование фонда взаимопомощи, подлежала возвращению при выходе из союза.

В некоторых союзах, главным образом, в союзах приказчиков, вводилась сложная система различных фондов; у сызранских приказчиков, например, были введены следующие фонды: а) основной, б) запасный, в) вспомогательный (пенсионный), г) образовательный, д) ссудо-сберегательный. В большинстве же союзов предусматривалось создание только двух фондов: основного и оборотного. Нужно, однако, признать, что этот пункт устава являлся для подавляющего большинства союзов простой формальностью, так как средств было крайне мало, членские взносы, как общее правило, поступали не регулярно даже в таком союзе как союз печатников; в союзе домашней прислуги, как указывалось выше, даже обходы членов союза на дому не давали результата и финансовое состояние союза была таково, что на расходы по необходимой переписке приходилось собирать среди отдельных товарищей. В союзе помощников врачей все доходы, за все время существования союза, т. е. с конца 1905 г. до марта 1909 г. составили только 936 руб. 37 коп. *) Недостаток средств тормозил

*) См. ту же брошюру М. Батунина.

вхождение этого союза во всероссийское об‘единение. Можно с уверенностью предположить, что материальное положение и остальных союзов за весьма небольшим исключением было аналогично. Уставы всех союзов предусматривали также и иные способы изыскания материальных средств, как напр. устройство концертов, спектаклей, вечеров и т. п. Но эти возможности для большинства союзов остались только на бумаге. Наибольших результатов в этой области, естественно, достигли союзы торговых служащих в Симбирске и Сызрани У тех и других имелись специальные помещения для устройства концертов, танцовальных вечеров и т. п. Увлечение приказчичьих союзов концертами и танцовальными вечерами, по словам участников движения, вызывало нарекание со стороны других союзов и обвинение в „уклоне“ от союзных задач.

Наиболее значительными средствами располагали сызранские приказчики, что в значительной мере об‘ясняется наличием института членов „соревнователей“ и „почетных“ и значительным процентом хозяев в составе действительных членов. *).

*) Уже в отчете Сызранского О-ва взаимопомощи приказчиков за 1895 г. при наличии членов: почетных—9 чел., соревнователей—3 и действительных—46, мы встречаем такие поступления: 1) единовременные взносы действительных членов 255 рублей; 2) годичные взносы действительных членов—434 руб; 3) взносы почетных членов—800 рублей; 4) взносы членов соревнователей—150 рублей; 5) пожертвования—65 рублей; 6) от устройства в пользу общества концертов—64 руб. 10 коп. Всего 1768 рублей 10 коп. Расходы за тот же 1895 год выразились в сумме 61 руб. 85 коп., в том числе 38 руб. 85 коп. за напечатание членских билетов и 6 рублей на молебен при открытии общества (подчеркнуто мною М. В). В 1907 году сызранцы могли ассигновать 1500 рублей на приобретение дома (протокол общего собрания от 19/VI-1907 года).

Цели и задачи союзов (по их уставам) и руководство союзов выступлением союзных масс.

В условиях полицейского режима уставы союзов не могли считаться сколько нибудь исчерпывающим отражением тех целей и задач, которые они себе ставили Всякий намек на классовые цели союзов из уставов старательно изгонялся. Равным образом изгонялось все „крамольное“ в части, относящейся к методам осуществления союзами своих задач и достижению поставленной цели.

В результате „указаний“ губернского присутствия и исправлений уставов по этим указаниям, определение задач большинства союзов и методы их осуществления формулировалось следующим образом:

„Цель общества—защита профессиональных интересов своих членов... путем улучшения материального положения и поднятия духовно-нравственного уровня их... для этого общество организует кассу взаимопомощи, третейский суд (из равного числа рабочих и предпринимателей и с целью не допускать возможных стачек), бюро для подыскания работы, юридическую и медицинскую помощь, устраивает лекции и рефераты, открывает библиотеки, читальни и т. д., (уставы союза печатников, деревообделочников и некоторых других).

В уставе союза портных, портних и шапочников, равно и других союзов, возникших в 1907 году, находим несколько иную формулировку союзных задач и способов их достижения *).

*) Из устава союза портных, портних и шапочников.

§ 1. „Профессиональное о-во портных, портних и шапочников имеет целью выяснение экономических интересов, условий труда своих членов и содействие их умственному и нравственному развитию“.

§ 2. Для достижения означенных в § 1 целей Общество: а) изыскивает способы к устранению посредством соглашений, или третейского разбирательства, недоразумений, возникающих на почве договорных условий между предпринимателями и членами общества;

б) выясняет размеры заработной платы и другие условия труда в области данной профессии;

в) выдает пособия своим членам (в случае болезни, безработицы, дорожные пособия и т. п.);

г) открывает бюро по оказанию юридической помощи и справочное бюро по приисканию мест;

д) открывает собственные магазины и мастерские на кооперативных началах для безработных;

е) устраивает лекции, собеседования, вечера, экскурсии, библиотеки, читальни, профессиональные школы, курсы и другие учреждения, способствующие умственному и нравственному развитию членов;

ж) способствует более дешевому приобретению предметов первой необходимости, для чего входит в соглашение с местными торговцами и т. д.

Но, независимо от формулировки союзных задач и методов их осуществления, даваемых в уставах, некоторые союзы выступали руководителями забастовок и других выступлений масс, придавая им более организованный характер.

Из таких моментов следует отметить руководство забастовкой у типографских рабочих (март 1907 года) и борьбу за сокращение рабочего дня у торгово-промышленных служащих.

В отношении активной поддержки союзом печатников забастовавших рабочих, указанная забастовка является в некотором роде образцовой. Значение союза как руководителя борьбы печатников было очевидно, но еще значительнее была материальная помощь. С самого начала забастовки союзом были приняты меры к материальной поддержке бастующих, к предупреждению замены их рабочими из других городов; получена помощь от Московского союза печатников, на помощь бастовавшим пущены средства союза и т. п. Но если влияние союза проявилось в поддержке бастовавшим уже в момент самой забастовки и в помощи выброшенным рабочим после неудачного исхода ее, то эта же забастовка выявила отсутствие организующего влияния союза в момент подготовки к ней. В частности, союз не сумел повлиять на выбор времени для начала забастовки и она возникла в марте месяце, т. е. в то время, когда наблюдается затишье в работе типографий, когда сопротивляемость владельца значительно увеличилась, что в значительной мере обусловило ее неудачный исход.

Не менее ярко выявилось значение профессионального союза торгово-промышленных служащих в их борьбе за праздничный отдых.

Последняя, начавшись в 1905 году, явилась стимулом к созданию организации, могущей об'единить и направить действия приказчичьей массы. Особенно очевидной стала необходимость организации после

того, как проведение праздничного отдыха, встретило противодействие некоторых слоев торговцев и части городской думы. Но и достигнутая победа (ограничение праздничной торговли ½ ч. в день) являлась только формальным достижением и в жизнь не проводилась и общее положение торговых служащих,— все тот необычайно продолжительный рабочий день, привязанность к хозяйским квартирам, „хозяйский глаз“, ставящий под контроль даже и досуг служащего и ряд других отрицательных сторон приказчичьего быта, давало обильную пищу недовольству и толкало приказчичьи массы на путь организации своего союза.

В июне месяце 1906 года, в тот момент, когда союз формально еще не существовал (устав союза не был утвержден губ. присутствием), но руководящее ядро уже выявилось, ему пришлось начать борьбу за улучшение положения приказчиков.

Своеобразной чертой движения торгово-промышленных служащих являлось то, что они стремились воздействовать на хозяев не непосредственно, а через органы городского самоуправления, так же как и в 1905 году.

В июне 1906 года вновь были пред‘явлены городской думе требования: 1) немедленно уладить инцидент с приказчиками Хазова; 2) ввести одиннадцатичасовой рабочий день; 3) предоставить полную свободу приказчикам и мальчикам, живущим у хозяев, распоряжаться свободным от занятий временем и ухо-

дить на свои квартиры; 4) вежливое обращение, особенно с малолетками; 5) полная отмена штрафов; 6) по праздникам в закрытых магазинах и складах не работать и 7) в воскресенье работать только ½ ч. Эти требования относятся ко всем приказчикам, не исключая мясников и рыбников".

Эти требования сопровождались письмом приказчичьей организации:

„Передавая в гор. управу требования приказчиков, выработанные ими на собрании 23-го июня, комиссия считает долгом со своей стороны заявить следующее:

Настроение приказчиков, как выяснилось на собрании, очень тревожное; мысль о забастовке, если и не восторжествует, то единственно потому, что приказчики считают возможным выйти из настоящего положения путем мирного соглашения".

„Настоящие требования приказчики считают самыми неотложными, самыми скромными. Нам удалось отклонить забастовку (Подчеркнуто мною М. В.) единственно потому, что мы уверенно заявили о приемлемости этих требований хозяевами. Таким образом, отклонение этих требовений повело бы к полному разочарованию приказчиков в возможности мирными средствами добиваться улучшения своего положения и вопрос о забастовке встал-бы вновь на очередь.

„Мы понимаем,—говорится далее,—что забастовка эта тяжело отразилась бы на приказчиках, но несо-

мненно одно, что эта забастовка расширилась бы и на другие отрасли труда.

Это не одни лишь предположения, а вывод, основанный на определенных фактах. Все приказчики пришли к единодушному заключению, что их жизнь нестерпима. В возможной борьбе они надеются многое приобрести и ничего не потерять. В своей борьбе они надеются опереться на полное сочувствие рабочих всего Симбирска. Мы с своей стороны надеемся, что городская управа приложит все силы к тому, чтобы настоящие требования приказчиков были проведены в жизнь в возможно скорейшее время. Поэтому мы просим назначить экстренное собрание городской управы с приглашением хозяев-торговцев"...

Тогда же в думу поступило заявление 105 торговцев, согласившихся на установление 12-тичасового рабочего дня для приказчиков.

„Отцы города" отнеслись ко всем „заклинаниям" приказчиков совершенно спокойно, находя, что нормирование рабочего дня выходит за пределы власти городской думы и что этим озабочено правительство. Что же касается других требований приказчиков (вежливое обращение, использование свободного времени по усмотрению самих приказчиков и т. д.), то они предоставляются взаимному соглашению приказчиков с хозяевами. В заключение было постановлено „просить городского голову принять на себя инициативу по урегулированию взаимных отношений между хозяевами и приказчиками".

Из других выступлений союза торгово-промышленных служащих следует отметить отстаивание права представительства союза в комиссии по разработке вопросов, связанных с законом 15 ноября 1906 года, об обеспечении нормального отдыха торгово-промышленным служащим.

Городской управой, при которой создавалась указанная комиссия, несмотря на требование союза, представительство было отдано „Обществу вспомоществования частному служебному труду".

Это обстоятельство вызвало энергичный протест со стороны союза торгово-промышленных служащих и вопрос был разрешен в пользу позиции союза.

*) Вот что писали городской думе приказчики:

„Находя такое решение управы (решение передать право избрать представителей в комиссию О-ву вспомоществования частному служебному труду М.В) неправильным, правление профессионального общества имеет честь просить управу внести в городскую думу вопрос о пересмотре этого решения. Мотивы для такого пересмотра следующие: законом 15 ноября право избрания представителей предоставлено вспомогательным обществам купеческих „приказчиков" и общество вспомоществования частному служебному труду не подходит под это определение. В состав его входят далеко не одни приказчики.

До 50% из общего числа 160 членов этого общества составляют гг. купцы, управляющие имениями частных землевладельцев и пр. служащие в частных, но неимеющих никакого отношения к торговле, предприятиях. Приказчиков, в действительном значении этого слова, не более 60-80 че-

ловек и им, вместе с посторонними для приказчиков людьми, городская управа предоставила право избрания представителей всех приказчиков (их в Симбирске несколько сот) для защиты приказчичьих интересов в комиссии по разработке вопросов о проведении в жизнь закона, касающегося самых насущных интересов приказчиков. Напоминая о том, что профессиональное общество служащих в торгово-промышленных предприятиях города Симбирска и губернии, от имени которого мы имеем честь говорить, является единственным чисто приказчичьм обществом в Симбирске, что одной из целей этого общества является взаимопомощь и что в это общество об'единено значительное число приказчиков (до 200 человек), мы имеем честь просить городскую думу предоставить право избрания представителей в комиссию или специально собранному для этой цели общему собранию всех приказчиков, или профессиональному обществу служащих в торгово-промышленных предприятиях Симбирска и губернии.

Постановление думы: Признать „Симбирское общество вспомоществования частному служебному труду“ не подходящим под условия, указанные в ст. 10 закона 15 ноября 1906 года, а потому в отмену постановления думы от 8/XII, передать избрание представителей всем служащим в торговых заведениях, банках и конторах“.

Из выступлений других союзов можно отметить обращение в государственную думу Симбирского общества фельдшеров (совместно с Вологодским и Московским обществами) об улучшении правового положения среднего медицинского персонала

Другие виды союзной деятельности. Главная же работа союзов шла по линии организации помощи при безработице и приискания работы своим членам.

Во многих союзах практиковалась система ссуд, иногда за определенный % и безвозмездных пособий; в отдельных союзах (например у печатников) существовало дорожное пособие. Материально наиболее мощный союз сызранских приказчиков содержал несколько сирот—детей умерших своих членов, платил за обучение и т. д., но это все-таки являлись единичными случаями.

Равным образом и ссудная практика была более значительной в обществах с большими средствами. Значительное место этот вид взаимопомощи занимал в союзе печатников; но по мере того, как ссуды стали получаться все более широким кругом членов союза, часто „не столько на действительные нужды, сколько просто так глядя на других, а взятые ссуды стали погашаться неаккуратно",—говорит один из работников союза, мощь союза была подорвана и ссуды прекратились.

Больше всего союзы уделяли внимания помощи безработным и, главным образом, путем содействия в прискании работы. Не только уставы всех союзов предусматривали этого рода деятельность, но при многих союзах действительно были созданы специальные бюро и комиссии, а в союзах, неимевших специальных бюро (например союз печатников) эту работу выполняло правление союза, которым посылались регулярные информации о ходе безработицы в Московскую газету союза „Печатник", велась переписка с соседними городами. Бюро труда при со

юзе фельдшеров также входило в соглашение с земскими управами и другими учреждениями по вопросу предоставления службы безработным членам союза.

Союзом домашней прислуги было организовано справочное бюро (рекомендательная комиссия) по приисканию работы своим членам. Открытие рекомендательной конторы потребовало внесения залога в 1.000 рублей, что было явно непосильно. Однако, союзу, путем больших и настойчивых хлопот (ходатайство возбуждалось даже перед министром внутренних дел) удалось добиться разрешения открытия конторы без внесения залога „при условии, что контора будет оказывать помощь исключительно членам союза и не будет преследовать коммерческих целей". Впрочем, последовавший разгром союза не дал возможности использовать это разрешение. *)

Союз рабочих пекарно-кондитерского производства проектировал открытие особой мастерской для безработных, с каковой целью было переведено через губернатора соответственное дополнение к уставу. **)

---

*) Пристав, которому было поручено вручить союзу разрешительное свидетельство, доносил губернатору:

...Доношу, что председательница союза домашней прислуги саратовская мещанка Александра Петровна Колтыш заключена в тюрьму по постановлению начальника Симбирского губернского жандармского управления, а кто состоит членами правления неизвестно, так как союз этот никакой деятельности не проявляет...

**) В протоколе общего собрания членов союза от 15 марта 1908 г. читаем:

...В виду назревшей в настоящее время потребности в открытии мастерской пекарно-кондитерского производства для безработных членов общества, общее собрание постановило для этой цели сделать в уставе следующее добавление к § 1 (обществу предоставляется право открывать) читальни и т. д., а также мастерские для безработных. Далее общее собрание поручает правлению союза ходатайствовать о присвоении союзу прав юридического лица.

Мы, к сожалению, не располагаем материалами, которые дали бы возможность учесть реальные достижения союзов в этой области работы.

Культурная работа союзов. Заслуживают быть отмеченными также начинания союзов в области культурного развития своих членов. В большинстве союзов создавались библиотеки с более или менее значительным процентом литературы политического содержания (издания „Донская Речь“, „Молот“ и др.).

В союзе фельдшеров культурная работа имела специально-медицинский уклон. При некоторых союзах (напр. у печатников, торговых служащих) существовали читальни, изредка читались доклады и лекции на общественные темы.

Вся эта работа союзов, разумеется, должна была происходить в обстановке торжествующей полицейщины, при безудержном жандармском произволе и, естественно, не могла развернуться должным образом охватить широкие слои рабочих и служащих.

Классовый состав союзов. Выше мы уже рассматривали количественный состав союзов. Теперь коснемся несколькими словами их „качественного“ состава, основываясь, главным образом, на уставах союзов.

Наиболее выдержанным в классовом отношении как по уставу, так и в действительности являлся союз рабочих печатного дела.

По уставу „корректоры, факторы и все административные лица не могут быть членами союза.“

Исключительный случай приема этих лиц устанавливается большинством $^3/_4$ голосов общего собрания.

Почти все союзы относились очень терпимо к членству кустарей, редко обусловливая прием санкцией $^3/_4$, или $^2/_3$ голосов общего собрания

По уставу союза портных, портних и шапочников, например „членами общества могут быть портные, портнихи, шапочники, шляпницы и скорняки без различия национальности, религиозных и политических убеждений, работающие в мастерских, а также у себя на дому, но без наемных рабочих“...

И даже мелкие хозяева, имеющие не более одного подмастерья, могут быть приняты в члены союза, если за принятие их выскажется закрытой баллатировкой не менее $^2/_3$ членов общего собрания.

Ученики и ученицы, не состоящие членами общества, берутся обществом под свою защиту.

Также разрешается вопрос о членстве кустарей в союзе рабочих по изготовке обуви; строительные рабочие, рабочие по обработке металла и союз рабочих по обработке дерева допускают в союз только тех кустарей, которые не пользуются трудом подмастерьев и учеников, а последний допускал в союз, с санкции $^3/_4$ общего собрания, хозяев, вообще, безотносительно к количеству эксплоатируемых ими рабочих. Также ставился вопрос и симбирскими приказчиками:

„Хозяева и лица административные (доверенные членами общества быть не могут; исключение для

доверенных допускается в случае, если за их принятие выскажется 3/4 голосов общего собрания.

В некоторых союзах, как например у домашней прислуги, у приказчиков села Промзина, у металлистов от всех вступающих в союз требовалась рекомендация не менее двух действительных членов союза.

Гораздо хуже обстояло в союзе сызранских приказчиков. У последних, кроме широко практиковавшегося в обществах взаимопомощи института членов „соревнователей“ и „почетных,“ вербовавшихся среди чуждого приказчикам элемента, в составе действительных членов насчитывался большой процент хозяев, владельцев магазинов и т. д.

По уставу действительными членами общества, кроме приказчиков, конторщиков, бухгалтеров, кассиров, агентов, артельщиков, управляющих сельскохозяйственными и фабрично-заводскими предприятиями, могли быть и „все лица, занимающиеся торгово-промышленными делами.“ По собственному признанию правления союза сызранских приказчиков „членами состоят на 75 чел. приказчиков 74 собственника, т. е. лиц, самостоятельно владеющих торгово-промышленными предприятиями“...

Такой состав союза сызранских приказчиков, не мог не отразиться на его деятельности. *)

*) В газете „Сызранское Утро“ от 28 августа 1908 г. в статье „Шаг назад“ мы встречаем далеко не лестную характеристику сызранской приказчичьей организации: „В скором времени, говорит автор статьи, начнется пересмотр обязат. поста-

новления гор. думы по вопросу сокращеняя приказчичьего отдыха.

Некоторыми „Тит Титычами“ возбужден вопрос об изменении на этот счет правил и последние хлопочут об увеличении числа часов торговли....

„Бедные приказчики. Они отвоевали себе частичное сокращение рабочих часов и почили было на лаврах.

„Наши приказчики, вместо того, чтобы заняться культурной работой, саморазвитием, обзавелись собственным домиком, открыли в нем кабачок с клубом и отплясывали себе....

Мы.... горячо приветствовали сокращение часов торговли, введенное год тому назад, так как были уверены, что гг. приказчики продуктивно используют часы данной свободы. К сожалению, мы на этот раз жестото разочаровались....

Они (приказчики М. В.) до сих пор не могут разобраться даже в таких вещах, что старые формы их „общества взаимопомощи“ негодны и подлежат немедленной ликвидации....

„Они (приказчики М. В.) не сознают, что им нужно обособиться—отделиться от козлищ.

На осн. правил 4 марта приказчики могут организоваться в чисто профессиональное О-во торговых служащих, без примеси буржуазных элементов, тогда как теперь они остаются при отжившем обществе взаимопомощи с свободным доступом в его члены торгашей....

Организационное построение союзов. Касаясь принципов организационного построения союзов, необходимо отметить то обстоятельство, что Симбирские союзы этого периода не болели чрезмерной цеховщиной, в значительной мере приближаясь в некоторых случаях к чисто производственному типу. Союз строительных рабочих, например, стремился об‘единять всех рабочих архитектурно-строительного дела: кровельщиков,

плотников, лепщиков, печников, асфальтщиков, землекопов и т. п; союз портных, портних и шапочников об'единял также и скорняков и шляпочниц; союз домашней прислуги—всех относящихся под понятие домовых служащих—кухарок, горничных, нянь, кучеров, дворников, швейцаров и т. п.

Еще шире было строение союза рабочих по обработке металла; в его состав могли входить слесаря, токаря, кузнецы, котельщики, литейщики, жестянщики, медники, золотых и серебряных дел мастера и рабочие металлических мастерских вообще.

Союз типографских рабочих с самого начала строился по производственному принципу—об'единяя рабочих типографий без подразделения на специальности.

Более узким было построение союза фельдшеров, об'единявших только средний медицинский персонал, а также мелкие союзы канцелярских работников. Но и среди последних некоторые союзы стояли за производственный принцип.

В уставе союза конторщиков и приказчиков города Алатыря, например, читаем: „членами общества могут быть все лица, служащие в торгово-промышленных заведениях без различия пола, национальности и политических убеждений, достигшие 17-летнего возраста“...

Участниками движения этого периода отмечается стремление профессиональных союзов к установлению связи по вертикали—с однородными центральными, обычно московскими, организациями. Реальными фор-

мы эта связь приняла только у печатников, получавших, как отмечалось выше, некоторую материальную поддержку во время забастовки и в союзе медицинских работников, вступивших во Всероссийский союз фельдшеров в 1908 году. Мысль о создании межсоюзного руководящего органа, повидимому, также не была чужда Симбирским союзам. Особенно ясно была осознана союзами необходимость „единого фронта“ после неудачных забастовок мелких рабочих групп: ...„После провала забастовки столярно-кузнечного цеха, у некоторых союзов возникла мысль:—кто-бы мог помогать во время забастовок солидарностью, а также материальными средствами, чтобы забастовки могли оканчиваться удачно и это привело к мысли организоваться не только по-союзно, но еще и в межсоюзном масштабе; по чьей то инициативе было созвано собрание правлений всех союзов, где было постановлено избрать об‘единенное Правление всех союзов и назвать его „Союз Союзов“ („Рабочая Жизнь“ № 2—1922 г.).

Реальными шагами к созданию „Союза Союзов“ был наем совместными силами большинства союзов общего помещения (дом Татарской на Гончаровской улице), создание об‘единенного хозяйственного комитета (по 1 представителю от каждого союза с выборной тройкой во главе), а также об‘единение союзных библиотек.

Все эти попытки, могущие спаять и укрепить союзы, естественно, сильно беспокоили полицейскую свору.

Перед первым мая 1907 года, во время общего собрания, на союзы был организован полицейский налет. Во время обысков в союзах взламывались замки, ломали шкафы, столы и т. д. После обыска начались аресты активных работников союзов. Из союза типографских рабочих были арестованы тт. Егоров, Ефремов и др.; были аресты также и по другим союзам. Союз рабочих по обработке дерева и союз „лиц, занимающихся письменным, конторским и чертежным трудом“—были закрыты.

Симбирский губернатор, отношением от 15 июля 1907 года в главное управление по делам местного хозяйства, сообщал:

„По постановлению губернского по делам об обществах присутствия, состоявшемуся 25-го минувшего июня, в виду обнаруженной угрожающей общественной безопасности и спокойствию деятельности учрежденного в г. Симбирске „Союза лиц, занимающихся письменным, конторским и чертежным трудом, определено: означенное общество закрыть“.

Налет разлагающе отразился на союзах. В общем доме осталось два-три союза, которые были не в силах его содержать. Дольше других в доме оставались союз печатников и пекарно-кондитерского производства; позже эти союзы опять совместно нанимали помещение на Панской улице.

Таким образом попытке союзов об‘единиться был нанесен жестокий удар.

Новый удар профдвижению был нанесен осенью того же 1907 года, когда повторный налет сопровождался многочисленными арестами. В тюрьму было брошено около 20 человек (в числе арестованных по союзу металлистов был, по словам т. Сибирякова, и ныне покойный тов. М. Гимов). Часть из них (т. Иванов от союза канцеляристов, тов. Сибиряков—секретарь союза типографских рабочих и двое других товарищей, фамилии которых установить не удалось) поплатились ссылкой в Вологодскую губернию.

Вторичный налет явился полным разгромом союзов и с осени 1907 года профессиональное движение резко пошло к упадку. Полицейские налеты, аресты, ссылка активнейших работников дезорганизующе отразилась на союзных массах. Эти последние были настолько терроризованы, что общие собрания созывать не удавалось никакими усилиями, членские влносы перестали поступать и большинство союзов не могло продолжать существование.

Часть союзов (типографских рабочих, рабочих пекарно-кондитерского производства, фельдшеров) еще продолжали существовать и в 1908 году, но существование это было только формальным. Ослабленные наступлением реакции, они не могли проявить почти никакой деятельности.

Дельше других просуществовал союз фельдшеров. В начале 1908 года он вступил во Всероссийское об'единение и в 1909 году готовился к Всероссийскому с'езду, но не добившись разрешения на поездку в

Москву, представитель симбирских фельдшеров не смог принять участия в этом с'езде. Заключительным аккордом существования этого союза явилось телеграфное приветствие собравшихся на второй Всероссийский с'езд сотоварищей.

Разгул реакции был повсеместный. Даже сами правила 4-го марта казались уже дававшими чрезмерный простор революционной „гидре" и нарушались правительством самым беззастенчивым образом. Всего по бывшей Российской империи с 1907 по 1910 год было закрыто 444 действовавших на основании этих правил профсоюза и отказано в регистрации 604 союзам.

Следует особо остановиться на профессиональном движении среди учителей нашей губернии. Выше уже говорилось о существовании общества взаимопомощи учителей и характере его деятельности, отмечалось, на основании определенных документов и материалов, то обстоятельство, что это общество охватывало только незначительную часть учительства, что большинство учителей „не прияло" „своеобразного духа", обусловленного наличием в обществе таких „почетных" членов, как предводитель дворянства, губернатор, архиепископ и прочих „священных" и „преосвященных" особ.

По утверждению Симбирского жандармского управления „учительский персонал нисших школ отличался левым направлением, особенно в Буинском уезде, где очень многие учителя вошли в состав Всероссийского

союза учителей и помимо стремления к развитию чисто профессиональной деятельности преследуют и цели политического характера“ .. (Полит. обзор жанд-управл. 1907 год).

Это, отмечаемое жандармами „левое направление“ нисшего учительства, толкало его на создание учительских союзов по уездам.

Политический обзор того-же „почтенного“ учреждения за 1905 год отмечает стремление к организации учительства в Сенгилеевском уезде. „В Сенгилеевском уезде,—говорится в обзоре,—была сделана попытка устроить с‘езд сельских учителей с тем, чтобы вырешить вопрос о присоединении к союзу учителей, но этот с‘езд не состоялся“. Почему не состоялся с‘езд Сенгилеевского учительства,—нам точно неизвестно, но надо полагать, что жандармская свора не осталась безучастной в этом деле.

Учительская организация возникла в Алатырском уезде и была попытка организовать учителей в Симбирске *).

---

*) В частном письме студента В. В. Т., из села Чуварлей, Алатырского уезда, перехваченном жандармами, между прочим, находится такое сообщение: „Е“... хотел устроить в Симбирске отделение учительского союза, но, должно быть, у него мало знакомств среди учителей в Симбирске и дело не пошло на лад... У нас союз устроился, но стоит теперь на точке замерзания. Святками предполагается общий с‘езд членов. Очень любят слушать приезжих ораторов; хорошо было бы заполучить к тому времени кого-нибудь из Симбирска»....

По поводу алатырской организации жандармский поручик сообщает в июне 1907 г. своему начальнику:

„ ... Учительский союз пока не проявляет никаких действий, а потому и выяснить его состав не представляется возможным. Добыты лишь сведения, что во главе Союза стоит учитель Алатырского духовного училища С.... и об учительском с‘езде никаких сведений пока не имеется“.

Стремление учителей к организации сильно беспокоило как местных жандармов, так и департамент полиции, старавшихся выяснить активистов движения *).

Наиболее значительной, как отмечалось и жандармами, была организация учителей в Буинском уезде.

Начавшееся еще в 1905 году движение среди учительства этого уезда завершилось уездным с'ездом, происходившим в 1-х числах января 1906 года. Этот с'езд после обстоятельных суждений о правовом и материальном положении учителей,—как говорится в протоколе,—постановил организовать профессиональный союз, в целях улучшения правового и материального положения учащих и возможной гарантии их от произвола администрации"...

С'ездом был избран исполнительный комитет союза, установлен размер членских взносов (3% с заработка); решено было и другими способами (концерты, литературные вечера, сбор пожертвований и т. д.) изыскивать для союза средства, при чем эти средства могли быть расходованы: „на бесплатные субсидирования

---

*) Из секретного циркуляра Департамента Полиции от 28/I—1907 года: „По имеющимся в Деп-те сведениям, в первых числах сего января в Петербурге происходили заседания конференции Всероссийского союза учителей. В заседаниях принимали участие делегаты разных губерний и городов. Департамент просит установить негласное наблюдение за делегатами... и сообщить о них самые подробные сведения...." (В списке представителей значится Л. М. Федоров от Симбирской губ.—М. В.).

В июне того же года начальнику жандармского управления сообщалось: „Учительский с'езд начнется в Петербурге восемнадцатого июня". Благоволите выяснить делегата и сопровождать его в пути. Подполковник БОБРОВ".

учащих, как самих лично, так и членов их семейств, пострадавших от произвола администрации".

Работа с'езда происходила в условиях конспирации, при чем, „на случай выбытия" членов комитета, был избран в полном составе запасный комитет.

Необходимость действовать, считаясь с условиями, конспиративно, настоятельно рекомендуемая комитетом союза в обращении к учителям уезда, отразилась и на структуре организации. Введено было сложное порайонное деление союза, групповое представительство и т. д. Вот что писал комитет в своем обращении к „учителям и учительницам Буинского уезда:

„В настоящее время, когда царят произвол и бесправие, об'единение учащих, в целях самообороны, крайне необходимо. Для достижения этого, наиболее желательным было бы общее собрание учащих уезда. Но ввиду невозможности по условиям времени устроить подобное собрание, комитет находит целесообразным и единственно возможным следующий способ общения учащих между собою: уезд делится на районы, в каждом из них собираются, по мере надобности, порайонные с'езды; группы избирают из среды себя по одному делегату, которые на уездных делегатских собраниях, созываемых комитетом для обсуждения вопросов, подлежащих решению общего собрания, являются представителями своих групп. Все вопросы, подлежащие решению с'езда делегатов, комитет заблаговременно сообщает последним для обсуждения их на порайонных собраниях. Сношения между комите-

том и членами союза производятся через представителя группы. На него же возлагается сбор членских взносов в своем районе для передачи их казначею союза. Комитет просит всех учащих уезда держать в секрете, как все дела по союзу, так и самый способ сношений учащих между собою и, вообще, действовать возможно конспиративнее".

Далее в обращении говорится о характере и размере финансовых обязательств, ложащихся на членов союза, о необходимости членам союза войти в состав членов кассы взаимного страхования членов союза, учреждаемой при центральном бюро всероссийского учительского союза, гарантирующей членам союза, потерявшим заработок за политическую и общественную деятельность—значительную помощь. *).

Несмотря на конспирацию, союз просуществовал недолго. В конце декабря 1906 года союз подвергся налету полиции, дела союза, переписка были отобраны и..." принимая во внимание,—как говорится в полицейском протоколе,—что означенный союз образовался тайно... и кроме того, в программу действий членов союза включена политическая деятельность, стремящаяся к ниспровержению существую-

---

*) Устав союза буинских учителей предусматривал, между прочим, такие цели и средства борьбы:

Пункт „В". „Бойкотирование тех распоряжений администрации и учреждений, исполнение которых противоречит задачам союза, всецело или отчасти зависит от учащих.

Пункт „Г". Защиту членов союза, пострадавших от произвола администрации, путем протеста, бойкота мест пострадавших лиц, и лиц, занявших эти места и всеми другими возможными средствами до поуездной забастовки включительно"...

щего государственного строя... признать существование означенного союза... явно незаконным и по своим целям, кои он преследует, революционным и преступным, почему члены его (следует список 42 учителей уезда М. В.) подлежат привлечению к уголовной ответственности по 126 ст. уголов. улож.“..

Полицейский налет подорвал силы организации, терроризовал уцелевших ее членов. Однако в следующем году начинается попытка восстановить союз. Начальник жандармского управления в июне 1907 г. доносил губернатору:

„В декабре 1906 года в Буинском уезде был произведен обыск у одного из членов бюро Буинской группы всероссийского союза учителей, где были взяты все бумаги означенной группы союза. Последствием обыска было увольнение от должности многих учителей в уезде, при чем многие учащие вышли из союза и деятельность группы на время совершенно замерла.

„В настоящее же время, по полученным сведениям, учащие вновь начинают сплачиваться и обратились с просьбой в центральное бюро о снабжении их группы всеми изданиями союза взамен взятых у них при обыске. Названная группа обладает в настоящее время незначительными средствами, поэтому делегата на IV делегатский с‘езд она посылать не предполагает“...

Затем в донесении подробно перечисляются члены этой активной группы учителей, указывается один

из служащих земской управы, через которого группа поддерживает связь с центральным бюро.

Такая широкая осведомленность жандармского управления была достаточной гарантией того, что попытка восстановить организацию была обречена на неудачу и профессиональное движение среди учителей, как и среди других категорий трудящихся, замирает на целое десятилетие...

Идеология профессионального движения этого периода.

Каков идейный облик профессионального движения Симбирской губ. в этот период его массового зарождения?

Хозяйственный уклад губернии—отсутствие крупной концентрированной промышленности с одной стороны, преобладание в составе рабочих крестьянского, или полукрестьянского элемента и условия самодержавно-полицейского режима,—естественно ставили границы широте и размаху движения.

Но те же внешние условия движения, являясь в общем однородными для всей России, наложили и на профессиональное движение нашей губернии особую печать, свойственную российскому профдвижению, т. е. тесную связь с политической партией рабочего класса и постановку перед союзами общеклассовых задач.

Большинство профессиональных союзов нашей губернии, как и вообще российское профдвижение, зарождались при участии, а иногда и по инициативе партийных групп.

„Организация профессиональных союзов—говорит один из активных работников профдвижения того времени,—происходила под влиянием и при непосредственном участии партийных товарищей“.

Партийное влияние не ограничивается только моментом организации союзов, но проявляется и в их работе. Так, зарождающийся союз печатников участвует в общеполитической забастовке-демонстрации, партийные товарищи принимают участие в работе союзных руководящих органов; партия выпускает воззвание к домашней прислуге с призывом организоваться и т. д.

Идеям нейтрализма и аполитичности профдвижения, по крайней мере в союзах с наиболее чистым пролетарским составом, не оставалось места.

„В политическом отношении печатники были застрельщиками разных демонстраций“—говорится в воспоминаниях участника движения, и правление союза неоднократно подвергалось нашествию жандармов. („Рабочая Жизнь“ № 1—1922 года). Союз рабочих по обработке дерева закрывается за участие в политической борьбе, разгрому подвергается союз буинских учителей и даже в деятельности союза конторщиков, чертежников и лиц, занимающихся письменным трудом—в союзе „разночинцев и третьего сословия“ усматриваются элементы „угрожающие общественной безопасности“—читай: „угрожающие ниспровержением существующего строя“ и т. д.

Какое значение партийному влиянию социал-демократии придавалось жандармами видно хотя бы из следующей выдержки из секретного донесения начальника жандармского управления от 10 сентября 1910 года:

„Во вверенной наблюдению моему губернии—писал полковник Шабельский,—правильно организованной социал-демократической организации нет и таковая не функционирует в настоящее время...

...„Что же касается до стремления рабочих губернии к образованию и возобновлению распавшихся профессиональных союзов, то такое растет крайне слабо, что и об'ясняется главным образом отсутствием сознательных работников социал-демократов“ и апатии у самих рабочих к этому делу. (Курсив мой М. В.). Из пунктов, где проявляется энергия к образованию союзов, можно отметить город Сызрань, где существует союз приказчиков и село Промзино, Алатырского уезда“...

Разумеется, общеклассовые цели и задачи еще не в полной мере и далеко не всеми союзами осознавались достаточно четко. Самый состав союзов, как мы видели выше, не был выдержан в классовом отношении. На ряду с более выдержанными пролетарскими союзами (типографских рабочих, домашней прислуги, медицинских работников) существовали союзы, допускающие в свою среду кустарей, мелких хозяйчиков; на ряду с однородными по составу, но с очень туманным представлением о классовых зада-

чах пролетариата, союзом учителей *) существовали, как мы видели выше, приказчичьи общества, на половину состоявшие из хозяев и владельцев торговых предприятий являвшиеся скорее организациями взаимопомощи.

Но тем не менее, союзы, в целом носили в себе здоровый зародыш классовых пролетарских организаций.

*) Учительские союзы, с самого своего зарождения, носили политическую окраску с народническо-либеральным уклоном.

В резолюции III-го Всероссийского делегатского с'езда этого союза, между прочим, читали: „...Принимая во внимание, что перед лицом грядущей народной революции буржуазные партии отступают назад, стремятся затушевать социальные противоречия, угасить великую борьбу и жертвуя интересами народа, превратить ее в хаотический ряд компромиссов и примирений.... III-й делегатский с'езд выражает глубокое убеждение, что союз, находясь по самому положению своему, в непосредственной близости с трудовым народом, приложит все усилия для того, чтобы углубить народное сознание и содействовать организации „борьбы во имя великих идеалов трудового народа: „вся земля народу", вся воля народу, вся власть народу"....

Резолюция IV-го с'езда об отношении к рабочим профессиональным союзам говорит:.... „связь с рабочими профессиональными союзами необходима, как в интересах развития и укрепления учительских организаций, так и в интересах профдвижения"....—а потому—„и предложить местным группам, так же как и Центральному Бюро войти в организационные отношения с межсоюзными комитетами и Всероссийскими организациями"....

Тот-же с'езд призывает „способствовать углу-

блению классового антагонизма и организации активной борьбы крестьянства с поместным дворянством“....

Разумеется, что все разговоры и постановления об „углублении классового антагонизма“ при более чем расплывчатой формуле „трудовой народ“ носили больше декларативный характер, не имевший практического значения....

Особое место занимает профессиональное движение среди железнодорожных служащих и рабочих.

Всероссийский союз железнодорожников возник в 1905 году и с самого начала в нем резко проявились два течения: профессионально-политическое и чисто профессиональное.

По уставу союза, принятому на 3 с‘езде, его задачи рисуются в следующем виде:

„Всероссийский железнодорожный союз ставит своей основной задачей организацию железнодорожных служащих и рабочих для борьбы за улучшение своего экономического, служебного и общественно-правового положения и для участия в общей борьбе за интересы рабочего класса против всех видов его угнетения и эксплоатации“.

Непосредственными задачами союза, по указанию того же с‘езда, являлись: 1) увеличение заработной платы; 2) установление 8 часового рабочего дня; 3) отмена штрафов; 4) уничтожение сверхурочных работ; 5) учреждение третейских судов; 6) участие служащих и рабочих в составлении смет и проверке отчетов дорог; 7) участие выборных от служащих и рабочих в решении вопросов об увольнении и приеме рабочих и служащих; 8) образование расценочных комиссий; 9) уничтожение пенсионных касс и введение государственного страхования за счет государства и жел. дор.; 10) свобода собраний, союзов, слова, печати, стачек и неприкосновенность личности и жилища; 11) амнистия пострадавшим за политические и религиозные выступления и т. под.

„В виду того,—говорится в заключение,—что все вышеизложенное полностью может быть достигнуто и обеспечено за железнодорожниками только при наличии демократического строя, необходимо бороться за полновластное учредительное собрание, созванное на основе всеобщ.... и т. д. голосования, для выработки новых основных законов страны в интересах трудящихся классов....“

Представлявший довольно стройную организацию в 1906 году, союз, к концу 1908 года, уже был разгромлен, оставшиеся члены присоединялись к партийным организациям (с. р. и с. д.), образуя автономные железнодорожные коллективы, во главе которых были особые комиссии при центральных к-тах с-ров и с-д.

Наличие непримиримых течений в союзе (с-ровское и с-дековское) немало способствовало падению союза. Центр. к-том Р.С.Д.Р.П. было предложено партийным организациям выйти из состава Всерос. железнод. союза и примыкать к чисто профессион. союзам железнодорожников, т. к. „Всерос. железнодор. союз—говорится в постановлении—„как организация профессионально-политическая, в деле организации широких масс железнодорожного пролетариата, для целей профессиональной борьбы, почти не имеет значения“.

В 1909 году была попытка воссоздать союз на основе непосредственного подчинения союза, через губ. комитеты, Центр. к-ту Р.С.Д.Р.П. Попытка исходила, главным образом, из среды служащих М.-Виндавской жел. дороги и была ликвидирована жандармами в самом начале.

В Симбирской губернии союз имел небольшие группы в узловых пунктах, как Сызрань, Алатырь, Батраки и отдельных членов по линиям дорог. Жандармы старателано „ликвидировали“ всякий зародыш союза. В частности в 1907 году из алатырцев за принадлежность к союзу поплатились

ссылкой в Вологодскую губернию следующие лица: рабочие ж.-дор. мастерских Рузанов, Смолькин, Серов, Бабиков; телеграфист Столетов и студент Раевский. Эта участь коснулась также сызранцев и ряда отдельных товарищей железнодорожников.

Между двумя революциями. (1908—1911 годы.) К средине 1907 года реакция, олицетворенная торжествующей столыпинщиной, проявилась во всей безобразной наготе и растерянность буржуазии сменяется агрессивным настроением.

Экономический кризис, охвативший страну и связанные с ним последствия, давят на рабочий класс, уменьшая его сопротивляемость.

Хозяйственная жизнь Симбирской губернии начинает также испытывать затруднения.

Хотя число лесопильных, винокуренных и других мелких промышленных предприятий из года в год продолжает расти, но важнейшая отрасль промышленности—суконное производство вступает в полосу длительного застоя, обусловленного главным образом, понижением спроса на сукно. Прирост числа рабочих за счет роста мелких предприятий поглащается сокращением их на текстильных фаб. За 1908-9 годы только по одному инспекторскому участку (Гурьевский район) число рабочих суконных фабрик падает почти на 500 человек. Та же картина застоя и сокращения числа текстильных рабочих, при наблюдающемся росте мелких заведений, продолжается и в последующие годы.

В 1911 году число заведений, подлежащих надзору фабричной инспекции, увеличилось на 25: бумажная фабрика с 92 рабочими, 11 лесопильных заводов— с 265 рабочими, 4 небольших мельницы с 35 и 10 винокуренных заводов со 133 рабочими. Прирост числа рабочих от вновь открывшихся заведений выразился суммой 525.

Между тем, общее число рабочих не только не возросло, но наоборот упало слишком на 400 чел. Это падение относится главным образом, к суконным фабрикам, где общее число рабочих понизилось с 10.307 до 9.579, т. е. на 7%.

Понижение спроса со стороны интендантства побудило некоторых фабрикантов перейти на работу для крестьянского рынка, но неурожай 1911 г. также сильно затруднял сбыт.

Затруднения в суконной промышленности, по словам фабричного инспектора, были настолько значительны, что на 5 фабриках были учреждены администрации.

Промышленный застой, наличие значительных кадров безработных, реакция, давящая всякую попытку к организации,—естественно ухудшали положение рабочих.

Уже в отчете за 1908 год, фабричный инспектор отмечает, что со стороны промышленников было стремление понизить расценки, повышенные в 1905—6 годах и стремление это в большинстве случаев легко осуществлялось без всякого протеста со стороны ра-

бочих. В подавляющем большинстве случаев расценки сравнялись с расценками до 1905 года, жизненные же продукты в цене увеличились почти на половину.

Реальная средняя годовая заработная плата в губернии идет на понижение: в 1905 г. она равнялась 133 рубля; в 1906 г.—141 руб., в 1907 г.—151 руб., в 1908 г.—145 р., в 1909 г.—147 р. и в 1910 г.—149 р., тогда как средние цены на рожь (в фабричных лавках) для соответствующих годов были: 70 к., 96 к., 1 р. 10 к., 95 к. за пуд. Цены на продукты потребления, устанавливаемые фабрикантами, обычно были всегда выше рыночных, но фабриканты, как уже указывалось выше, систематической задержкой заработной платы вынуждали рабочих забирать товары в фабричных лавках.

В эти же годы, по словам фабричного инспектора, не платили в сроки заработной платы не только промышленные заведения, хронически страдавшие прежде подобным нарушением закона, о расплате с рабочими, но и промышленные заведения, раньше исправно расплачивавшиеся с рабочими.

Число случаев наложения штрафов также начало расти. Так, например, в 1905 г. число зарегистрированных штрафов достигало 4016, в 1906 г.—4256, в 1907 г.—4282, в 1908 г.—6761, хотя, как указывалось выше, только незначительная часть их попадала в регистрацию и записывалась в расчетные книжки рабочих.

Несмотря на ухудшение положения, рабочие только в редких случаях, решались на открытые выступления.

„По многочисленным отзывам заведующих промышленными заведениями,—говорится в отчете фабричного инспектора 2-го участка за 1908 год,—среди рабочих, по внешности, наступило полное успокоение." Это „успокоение" поддерживалось введенной в губернии усиленной охраной, жандармами, стражниками и тому подобными, любимыми буржуазией „успокоительными" средствами. К тому же сопротивляемость рабочих понизилась неизбежным спутником промышленного кризиса—безработицей.

Оценивая положение рабочих в 1911 году, тот-же фабричный инспектор отмечает, что общее положение рабочих несомненно ухудшалось вследствие избытка безработных и сильного неурожая, поднявшего цены на хлеб почти вдвое. Несмотря на это рабочим, из боязни потерять заработок, приходится быть очень исполнительными и аккуратными и со стороны заведующих неудовольствий на рабочих не заявлялось. Со стороны же рабочих оставались все те же жалобы, т. е. на невыдачу в срок заработной платы, грубое обращение, увольнение до срока или без двухнедельного предупреждения...

Под покровом усиленной охраны, стражников и других „успокоительных мер", а также безработицы, наступление на завоевания рабочих началось широким фронтом.

Выше уже приводились факты, сообщаемые губернатором, о выбрасывании десятков рабочих с фабрики Акчурина, Протопопова и Толстошеева без со-

блюдения каких бы то ни было законных поводов, о задержке заработной платы и т. д., о недовольстве на фабрике Кузнецова на почве увеличения рабочего дня и принуждения работать в праздники без вознаграждения.

По губернаторским же сведениям существовало недовольство на фабрике Арацкого при селе Ишеевке, при чем рабочие недовольны, главным образом, установленным порядком выдачи жалованья, дороговизной продуктов в фабричной лавке. „Так в октябре 1910 года,—говорится в записке губернатора, —ржаную муку рабочие покупали в фабричной лавке по 1 рублю за пуд, тогда, как на местных базарах такую муку можно было покупать за 60 коп. пуд“...

На фабриках Степанова, в Языкове и Кезьмине, рабочие недовольны выплатой жалованья, которое выплачивается им 3 раза в год: перед Пасхой, в августе месяце и перед Рождеством. „Нуждаясь в деньгах, рабочие берут в фабричной лавке различные продукты и товар и продают их на сторону перекупщикам за бесценок“...

На Тепловской фабрике рабочие жалуются на грубость хозяина Агишева, на управляющего фабрикой, налагающего штрафы выше установленных норм.

На Гурьевской фабрике—недовольство на почве взяточничества некоторых мастеров; на Протопоповской—на грубость и чрезмерные штрафы управляющего Хуторева.... и т. д.

Нет сомнений, что не лучше обстояло и на остальных фабриках. О положении рабочих на фабрике Кузнецова фабричный инспектор, отнюдь не склонный к преувеличениям, в марте 1910 года „совершенно секретно“ сообщал: „при задержке заработка возможны и бывают случаи, что рабочие выписывают из лавки продукты для того, чтобы их сейчас же продать и выручить необходимую сумму наличных денег“. „Отношение к рабочим на фабрике во всех отношениях плохое; жалобы на дурное обращение приходилось слышать от уволенных рабочих; установить дурное обращение и даже побои не представлялось возможным, т. к. подобные самоуправства происходят в отсутствии свидетелей... „Один из членов Торгового Дома Г. А. Кузнецов—„совершенно секретно“ добавляет фабричный инспектор, „по своей горячности, невоздержанности и болезненному ненормальному самолюбию, по моему мнению, может допустить и указанное самодурство“.

Попытки рабочих бороться со всеми видами самодурства хозяев в этот период становятся реже и почти все кончаются неудачно для рабочих. *)

Из отдельных попыток этого рода можем отметить забастовку ткачей на Гурьевской фабрике в январе 1908 года.

---

*) В конце 1909 года назревала забастовка рабочих типографии газеты „Народные Вести“. Причиной послужила урезка заработной платы на 25%. Идею забастовки поддерживали возвратившиеся из Вологодской ссылки рабочие—тов. Егоров и др. Попытка заручиться поддержкой рабочих других типографий успеха не имела и забастовка не состоялась.

Забастовка была вызвана снижением расценков на ткачество, но общие условия, отмеченные выше, заставили рабочих пойти на уступки.

В том же году беспорядки произошли на Ерыклинском лесопильном заводе среди крестьян, занятых вырубкой и подвозкой леса. Выведенные их терпения задержкой заработной платы, рубщики и возчики по словам фабричного инспектора „ворвались в контору и произвели буйство, администрация и служащие заблаговременно попрятались, а потому и не пострадали“. . Решительность рубщиков возымела действие и деньги были выданы.

Далее произошли два конфликта на почве расчета рабочих после пожара Ляховской и Базарно-Сызганской фабрик. Рабочим первой из названных фабрик удалось добиться выдачи месячного вознаграждения, кроме заработной платы по день пожара.

В январе 1911 года произошла забастовка небольшой группы рабочих (около 20 человек отбойщиков) на Ишеевской фабрике, закончившаяся увольнением всей группы.

Наиболее крупным событием в рабочей жизни за этот период была десятидневная забастовка ткачей на Игнатовской фабрике.

Забастовка возникла в январе 1910 года. Поводом к забастовке послужила остановка ткачества на ручных станках, на которых работало 37 ткачей. Желая сохранить избыток ткачей на фабрике, дабы использовать их в летний период, когда обычно зна-

чительная часть ткачей, не порвавших с сельским хозяйством, уходила на полевые работы, управляющий распорядился разместить ручных ткачей среди работавших на самоткацких станках, вследствие чего, на большинстве станков должны были работать по двое, что естественно понижало заработок. Кроме того, на фабрике существовало недовольство управляющим фабрикой Н...

„Ткачи заявили еще, сообщал посланный для примирения рабочих с владельцем фабричный инспектор, —что с поступлением на фабрику управляющего Н... все порядки на фабрике резко переменились для них в худшую сторону...“

Забастовавшие пред'явили требование или увеличить расценки на ткачество—с 1 руб. 30 коп. за кусок до 1 руб. 90 коп. для тех, кто вдвоем работали на станке, или возобновить работу на ручных станках. В последнем случае ткачи соглашались работать на прежних условиях.

Кроме того рабочие требовали увольнения управляющего фабрикой: „не надо нам его, пусть уезжает отсюда, пусть по-прежнему остается один К“... заявляли рабочие фабричному инспектору. *)

*) В нашем распоряжении оказалось письмо по поводу этой забастовки одного из близких фабриканту лиц, которое частично приводим: (Письмо адресовано доверенному Виноградова доктору Ленцнеру). „Дорогой Эраст Владимирович!“

„Ткачи наши категорически заявили фабричному инспектору, что если Виноградов не откроет деревянного корпуса, т. е. не пустит деревянных

ручных станков, или не прибавит заработной платы до 1 р, 90 к. за половинку, то они с завтрашнего дня (письмо датировано 24/I—1910 г. М. В.) обещают сделать забастовку, при чем не только сами не хотят явиться, но не пустят своих жен и детей и на слова фабричного инспектора, что теперь масса фабричного люда и фабрика стоять не будет, ответили, что посторонних работать не пустят, а пойдут в дубинки. Понятно я с своей стороны посоветовал Алекс. Иванов. (Виноградову—владельцу фабрики. М. В.) на их требования не соглашаться, потому, что как ты хочешь, это, ведь, бьет по самолюбию фабриканта"....

С какой собачьей преданностью и заботой челядь фабриканта охраняла его карман и даже „самолюбие". (М. В.)

Первоначально сам фабрикант отказывался от переговоров, предоставляя вести их доверенному Н..., но потом согласился на переговоры, но только при условии, что выборными от рабочих будут люди пожилые. На таких условиях рабочие от переговоров отказались, не доверяя, очевидно, старикам.

Но кроме разброда между забастовавшими, идущего по линии „возрастного" деления на „стариков" и „молодых", не было единодушия и между ткачами, работавшими на ручных станках с одной стороны и на механических станках—с другой, т. к. работа по двое на станке больше затрагивала интересы последних, ручные же ткачи предпочитали работать на предложенных фабрикантом условиях, только-бы не лишиться заработка вовсе.

Забастовавшие ткачи, все местные крестьяне, работая на фабрике с своими семьями, легко могли-бы

частичную забастовку перевести в общую, помешав приходу на работу своим семейным. Преимуществом на стороне рабочих было и то обстоятельство, что они жили в своих домах и недостаток фабричных квартир затруднял наем рабочих из других районов. Однако недостаток единодушия не дал возможности рабочим эти преимущества использовать. Пока рабочие вели переговоры, ведя себя, по словам фабричного инспектора, спокойно и сдержанно, на фабрику прибыл пристав, затем начальник стражников с отрядом, а на следующий день—и сам уездный исправник и тоже с отрядом стражников.

Получив „подкрепление“ в виде двух полицейских отрядов, фабрикант и его верные охранители начали действовать решительно. Через пристава и волостного старшину, в присутствии стражников, был произведен расчет всех забастовавших, в другие районы было послано за ткачами, а для жилья стали приспособлять корпус, в котором стояли ручные ткацкие станки.

Полиция со своей стороны также не бездействовала. Были найдены и арестованы „зачинщики“ в числе шести наиболее стойких рабочих. Когда же все эти решительные меры произвели „соответствующее“ впечатление, было об‘явлено всем желающим работать наниматься вновь, но по расценкам пониженным, против существовавших до забастовки—вместо 1 р. 30 к. было предложено 1 р. 20 к., и даже 1 руб. 10 коп., при оплате за счет ткача шпульника.

Несмотря на пониженные расценки, уволенные ткачи вновь явились на работу. 13 человек „зачинщиков“ не были приняты и 6 из них, кроме того, были арестованы, как руководители забастовки.

Так неудачно окончилась попытка игнатовских рабочих.

Не лишне в заключение отметить еще один штрих: при фабрике жила семья убитого, во время работы на фабрике (был захвачен привод. ремнем) в 1903 г, ткача Никонова, проработавшего на фабрике больше 25 лет., получавшая „по усмотрению хозяина“ крохи, для поддержания существования. После забастовки этой семье в пособии было отказано. Так мстила буржуазия за „оскорбленное самолюбие“...

1912—1916 годы. 1912 год в состоянии промышленности является переломным. Начавшийся несколько раньше промышленный под‘ем вполне ясно и отчетливо определился в 1912 году по всей стране.

После целого ряда лет застоя, в текстильной промышленности нашей губернии стало заметно оживление. В течение 1912 и последующих лет, некоторые фабрики стали переходить к двухсменной работе; в техническое оборудование фабрик начинают вводиться улучшения.

Начавшаяся затем война и полившееся ручьем в карманы промышленников золото придавали работе промышленности лихорадочный характер.

Общее положение вещей, с началом войны и общая хозяйственная атмосфера, создавшаяся в губернии, характеризуется, по словам фабричной инспекции, понятием „спекуляции“.

Улучшение состояния некоторых отраслей промышленности не вызвало улучшения в положении рабочих. На ряду с увеличением спроса на продукцию и ростом барышей возрастал и аппетит фабрикантов. „В силу заметного оживления в суконной промышленности явилось желание у владельцев суконных фабрик увеличить количество рабочего времени за счет праздничных дней“...

„...Общее положение рабочих, несомненно, ухудшилось, и ухудшение обусловливается быстрым вздорожанием жизни в то время, как заработная плата рабочих остается в большинстве, прежняя“.

„Количество штрафных взысканий с рабочих увеличилось, ...при чем большая часть взысканий произведена за неправильную работу...

Естественно, что с началом войны все эти явления только усилились: „...начиная с осени 1914 г., ткачи работали, несомненно, выше норм, предусмотренных правилами внутреннего распорядка“... и малолетние, и подростки, и женщины работали с отступлением от правил о рабочем времени (Из отч. фаб. инсп.).

Такое положение не являлось специфическими для нашей губернии. Наоборот, в районах с более многочисленными слоями пролетариата, указанные явления проявлялись более четко. И все же, вместе

с промышленным под'емом стал заметен под'ем сопротивляемости пролетариата, о чем авторитетно заявляет сам департамент полиции.

„За последний год,—говорится в циркуляре д-та полиции от 17 ноября 1913 г.,—почти повсеместно значительно усилилось забастовочное движение среди фабричных, заводских и цеховых рабочих, а также среди служащих в разного рода городских предприятиях“... Все эти прискорбные явления,—жалуется далее департамент—с очевидностью свидетельствуют об усилении деятельности разного рода революционных партий и организаций...

„В целях возможного ослабления печальных последствий забастовок в предприятих государственного и общественного значения в нашей губернии, губернатором Ключаревым было предположено „по соглашению с местными почтово-телеграфными, железнодорожными, городскими, электротехническими и водопроводными учреждениями, прикомандировать к оным, хотя бы на шести-недельную практику учеников урядническо̀й школы, выбирая из них тех, кои раньше имели хотя бы примитивные познания в слесарном и кузнечном деле. Кроме того в самой школе, для всего комплекта учащихся, специалистами, механиками, электротехниками, телеграфистами и т. п. должны были читаться популярные лекции.

Все эти дон-кихотские проекты в достаточной мере свидетельствуют о том, что наростающее рабо-

чее движение вызывало сильную тревогу в буржуазных и полицейских рядах...

Однако, системой широко поставленного шпионажа в среде самих рабочих, из'ятием „неблагонадежных“ рабочих, а также благодаря неурожаю, отразившемуся на положении рабочих, являвшихся в большинстве полукрестьянами, фабрикантам и полиции удалось парализовать массовые выступления рабочих.

Жандармским управлением положение на крупнейших фабриках губернии рисовалось в таком виде: „... хотя на фабриках и есть притеснения рабочих, но от рабочих в данное время ожидать преступных выступлений нельзя, т. к. хозяева фабрик строго наблюдают за своими рабочими, при этом имеют своих секретных агентов из среды тех же рабочих, которые, вращаясь среди рабочих, прислушиваются к разговорам и толкам и обо всем замеченном сообщают хозяевам своим, которые без замедления вредных лиц удаляют с фабрик, при чем по случаю недорода хлебов рабочие стараются удержаться на своих местах, чтобы не лишиться куска насущного хлеба и на каждое требование хозяев охотно идут на уступки...“

Хотя утверждение того, что рабочие охотно идут на уступки требованиям хозяев является плодом жандармской фантазии, но несомненным фактом остается то, что симбирские рабочие еще не испытывали революционного под'ема, подобного тому, который наблюдался в промышленных районах.

Несмотря на вакханалию всякого рода прижимок и прямых расправ (напр. на Екатериновской фабрике Кузнецова), в течение 1912 года мы можем отметить только одну попытку организованной борьбы—мартовскую забастовку на Гурьевской фабрике. *).

Забастовка была вызвана принуждением работать со среды пасхальной недели, которая по долголетней традиции праздновалась вся и снижением расценков на ткачество. Забастовка кончилась поражением рабочих, при чем 19 ткачей-„подстрекателей" было уволено.

Неудача забастовки об'ясняется, как недостатком организованности рабочих, так и общими тяжелыми для рабочих условиями нашей губернии.

„Настоящее время—тогда же сообщал участковый фабричный инспектор старшему—самое удобное для пред'явления к рабочим более строгих требований, так как имеется много безработных и цены на продукты потребления чрезвычайно возрасли, что безусловно учитывается фабрикой..."

Ленские события, всколыхнувшие рабочие массы промышленных районов на наших фабриках, прошли незаметно. **).

*) Имеются косвенные указания, что в марте этого же года происходила частичная забастовка на Ишеевской фабрике. Агент губернского жандармского управления, об'езжавший в целях наблюдения Гурьевский фабричный район, между прочим, сообщал, что в районе „шляются" рабочие с фабрики из села Ишеевки. Симб. уезда, которых тоже не принимают на работу и которые уволены тоже за прекращение работы в марте м-це..." Других материалов, подтверждающих это сообщение, в нашем распоряжении нет. М. В.

**) По данным канцелярии симбирского губернатора из жителей губернии убито на Ленских приисках трое: Хайрула Якупов, Измаил Солдатов и Алексей Герасимов; ранено — восемь: Иван Галочкин, Семен Бородулин, Кара-Ведретдин Бахитов, Залялетдин Саляхетдинов, Григорий Муленко, Ермолай Фомин, Юсуп Ахметов и Петр Червяков.

Несколько приподнятое настроение в связи с ленской трагедией отмечается только среди рабочих Алатырских железнодорожн. мастерских. Здесь по агентурным данным жандармского управления предполагалось выступление-протест приурочить к 1 мая, когда также предполагалось пред'явить и ряд экономических требований—увеличения расценков, более высокой оплаты сверхурочных работ и т. д. Однако выступление это не состоялось. В ноябре следующего, 1913 года, алатырцы выработали требования о повышении заработной платы, но избранная для пред'явления их делегация, боясь репрессий, не решилась на это. В результате попытка окончилась ничем.

Из забастовок этого года среди текстильных рабочих следует отметить забастовки ткачей на Старо-Тимошкинской фабрике (в июне м-це) и на Тепловской фабрике Агишева в октябре м-це.

Забастовка ткачей Старо-Тимошкинской фабрики была вызвана понижением расценки на ткачество: (1 р. 20 к. за кусок вместо 1 р. 60 к. при 18 прометах; 1 р. 66 к. вместо 1 р. 77 к. при 19 прометах и 1 р. 80 к. вместо 1 р. 88 к. при 20 прометах). Ткачи отказались работать по пониженным расценкам, пред'явив требование уплаты за сверхурочные работы и уплаты двухнедельного заработка, т. к. условия найма нарушены были владельцем. С прибытием на фабрику стражников, об'явлен был общий расчет, при чем, при помощи полиции, был применен способ „уговаривания по одиночке". Получающих расчет ткачей

по одному выпускали из конторы и предлагали немедленно приступить к работе по новым расценкам Опыт оказался удачным. К концу расчета часть бастовавших уже оказалась у станков, к вечеру того же дня еще несколько человек приступили к работам и забастовка была сорвана. Срыву забастовки способствовало также и стремление ткачей, работавших в других отделениях из-за недостатка станков, занять освободившиеся места. Забастовка продолжалась $3^1/_2$ дня. Из числа забастовавших было отказано в обратном приеме десяти рабочим.

Причиной забастовки ткачей на Тепловской фабрике, по существу, было тоже понижение расценки. Но в данном случае владелец пытался обмануть рабочих—вместо снижения расценков, была увеличена длина основ. Рабочие, однако, поняли махинацию, прекратили работу и потребовали соответственной прибавки.

Губернатором были посланы на фабрику конные стражники. Об‘явлено было об общем расчете ткачей и посланы приказчики в Тимошкино и Гурьевку за новыми ткачами. Боясь лишиться заработка, ткачи приступили к работе по старым расценкам при увеличенной основе.

Удачнее прошла забастовка ткачей на Игнатовской фабрике в конце апреля 1914 года.

Причина забастовки и в данном случае также попытка фабриканта понизить плату за ткачество (1 р. 10 к. вместо 1 р. 20 к. за кусок.). Отказ ткачей от

работы заставил хозяина пойти на уступку, оставить старую плату и забастовка через несколько дней прекратилась.

Причины, побудившие фабриканта пойти на уступки, повидимому, крылись в приближении периода сельско-хозяйственных работ, когда обычно ощущался недостаток ткачей и, следовательно, заменить бастовавших не представлялось возможным,

С началом войны положение рабочих ухудшилось. Реальная заработная плата неизменно падала вследствие начавшейся спекуляции продуктами потребления. *) Рабочий день, под всевозможными предлогами и всеми способами, удлинялся, штрафы щедро сыпались на рабочих, а условия борьбы становились все более трудными.

Еще в 1913 году циркуляром департамента полиции, губернаторам и градоначальникам предлагалось использовать ст.ст. 1359/3—1359/8 улож. о наказ. для

*) Уже в конце августа 1914 года симбирский губернатор призывал „всех нести по мере сил общую тяжесть, вызванную военным временем“.... „между тем“ говорится в губернаторском обращении, „к крайнему удивлению нашлись некоторые торговцы, которые..... безбожно поднимают цены даже на предметы первой необходимости“..... „Думаю, заключает наивный, или считавший всех таковыми, губернатор,—„что это происходит лишь по недомыслию“...(??!).

Летом 1916 г. в Симбирске дошло до вооруженного подавления толпы „бунтарей“, самочинно начавшей борьбу с торговцами, спекулировавшими продуктами первой необходимости. В результате, по сообщению губернатора, были убитые и раненые.

В „высочайшем“ докладе, губернатор откровенно писал: „ручательства в том, что и впредь не придется стрелять в толпу, возбужденную отсутствием сахара, муки, соли, дать не могу“.... и дальше добавлял, что причина голода — „алчность всероссийских, „Коммерции-бандитов“ и „мануфактур—грабителей“....

борьбы с забастовочным движением, считая их „весьма действительным средством.“

„Если заводоуправление об‘явит о расчете рабочих—говорится в указанном циркуляре,—то необходимо настоять, чтобы расчет был обязательно произведен... заработная плата неявившихся за расчетом должна быть сдана в депозит подлежащего судебного учреждения... безработные же, как принадлежащие к наиболее беспокойному и сомнительному элементу населения, должны быть подчинены самому строгому наблюдению со стороны органов местной полиции“... (Курсив мой М. В.)

В июле 1914 г. министр внутренних дел Маклаков в шифрованной телеграмме предлагал симбирскому губернатору „особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок в предприятиях, выделывающих предметы военного снаряжения“, „если же крамола опять поднимет голову (телеграмма от 21 июля) и революционные организации примутся за свою преступную работу... господа губернаторы обязаны раздавить и уничтожить ее без всяких колебаний, убежденно и спокойно...“

Но и в руках самих фабрикатов была возможность бороться с рабочими, особенно с военно-обязанными.

Прикрепленные к работе „на оборону“, военнообязанные рабочие каждую минуту могли быть брошены на фронт и эта зависимость от воли хозяина парализовала рабочих.

„Настроение рабочих алатырских железнодорожных мастерских нормальное и спокойное—сообщалось жанд. управлением—„большинссво из них запасные и они сами боятся каких либо волнений и экцессов, т. к. в случае появления таковых будут призваны под знамена.“ Та же картина наблюдалась и на текстильных фабриках. По агентурным данным, напр.— о положении на фабрике Кузнецова в Усть-Урене „значительную группу составляют рабочие, которые избавлены от призыва на военную службу, как работающие на фабрике, обслуживающей военные нужды; эти рабочие работают по всем отраслям труда, к улучшению своего положения они не стремятся, а стараются продержаться на фабрике до конца войны“...

В июле 1915 г. на этой фабрике была попытка со стороны слесарей и других рабочих механического цеха об‘единить рабочих для пред‘явления требования о повышении заработной платы, но ткачи и состоящие на учете (военнообязанные) отказались поддержать требование. Выступление одних слесарей успеха не имело. Угроза заменить их военнопленными заставила слесарей работать на старых условиях.

В апреле 1916 года забастовали ткачи Измайловской фабрики, но и здесь угрозой „довести до сведения военного министра о непатриотическом образе действия ткачей“ забастовка срывается. *)

*) Считаем не лишним привести выдержку из об‘явления „Ткачам ф-ки Шатрова“ по поводу начавшейся забастовки:

„В то время, когда наша дорогая армия, неся все тяготы военной службы и встречая в окопах в воде и холоде светлый праздник, ждет достаточного подкрепления, чтобы перейти в наступление и разбить жестокого врага, мы, находящиеся в тылу, в тепле и покое, должны все силы приложить на помощь войскам“.

Знайте, что ежедневно наша ф-ка одевает 2000 солдат и, работая в месяц два праздника, вы даете лишний полк. Однако, находятся лица, некоторые по недоразумению, а некоторые может быть и по злому умыслу, которые позволяют себе ставить тормоз в великую работу снабжения армии. Сукно нужно так же, как и снаряды; неодетого солдата на фронт не пошлешь, а не дать своевременно помощи сидящим в окопах не только великий грех, но и преступление перед родиной“....

„Не начиная сегодня работу на фабрике, ткачи совершают двойное преступление и по отношению к армии и в отношении владельца..., а потому предупреждаем, что, если завтра утром ткачи не приступят к работе, то: 1) прибавки им на летнее время сделано не будет; 2) всем семьям, призванных в войска, будет прекращена выдача пособий.... и кроме того будет доведено до сведения военного министра о непатриотическом образе действий ткачей нашей фабрики на его благоусмотрение“....

И такова картина положения на всех фабриках и предприятиях.

Весь арсенал бывших в руках буржуазии средств— от „патриотических“ призывов на помощь „дорогой“ армии, до угроз военным министром,—пускался в оборот, только бы не допустить „великого греха“ покушения на хозяйский карман, на распухший от „патриотических“ доходов хозяйский кошелек...

Профессиональное движение между двумя революциями (1908-1916 гг.).

К средине 1907 года торжество реакции выявляется с полной определенностью. Страна задыхается в режиме всяческих „охран", „положений" и „столыпинского галстуха".

Промышленный застой более и более углубляется, растет безработица, спадает революционная волна, крепнет нажим буржуазии, широко проводится система локаутов, одно за другим отнимаются завоевания рабочих, добытые в предыдущие годы.

В этих условиях профессиональное движение также быстро идет на убыль, союзы или подвергаются прямому полицейскому разгрому, или умирают „естественной" смертью, задыхаясь в душной атмосфере торжествующей полицейщины...

В такой обстановке из профессиональных организаций нашей губернии могли продолжать свое существование только незначительные приказчичьи союзы, как например союз приказчиков села Промзина, союз конторщиков и приказчиков гор. Алатыря, Сызранское общество лиц счетоводной профессии, (открылось в 1910 г.), насчитывавшие 20-25 членов и Сызранское общество приказчиков, насчитывавшее членов всех категорий около 150. *)

---

*) Из отчета Общества приказчиков и служащих в торгово-промышленных предприятиях села Промзина.

На 1 января состояло членов:

1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
17	18	16	12	13.

Сызранское общество лиц счетоводн. профессии: число членов этого общества было в 1910 г.— 32 ч., в 1911 г.— 20, в 1912 — 29, в 1913 г.— 23.

Но и эти небольшие организации лишь постольку были терпимы, поскольку они не проявляли никакой деятельности, и что самое важное, не были под социалистическим влиянием, чему жандармы всех видов, нужно отдать им справедливость, придавали очень большое значение.

Наиболее значительной в этот период являлась организация сызранских приказчиков, существовавшая с средины 90-х годов, принявшая, как уже указывалось выше, в 1907 году устав профессиональной организации (оставив прежнее название).

В силу того, что Сызранская организация приказчиков располагала значительными средствами ей, более чем другим союзам, удалось развить взаимопомощь среди своих членов, оказывать поддержку при помощи ссудо-сберегательной кассы. В отчетах за ряд лет отмечается содержание и уплата за обучение нескольких сирот-детей умерших членов союза и т. д.

Союз являлся центром, к которому тяготела не только приказчичья масса, но и радикалы из „свободных“ профессий и партийцы с.-д. и с.-р. Союз имел свой клуб, развивавший значительную деятельность.

Вот как описывает губернатору деятельность союза сызранский полицеймейстер: „общество взаимопомощи приказчиков гор. Сызрани функционирует с августа 1907 года, имеет свой клуб... Общество представляет из себя довольно сплоченную организацию, ставит своею целью исключительно отстаивание

интересов приказчиков, улучшение их быта и материального положения... В клубе любителями, членами клуба ставятся драматические произведения, устраиваются концерты, маскарады, вечера с целью доставить членам и их семействам разумные развлечения, отвлекающие, особенно молодежь, от пьянства и разврата“...

После такой „аттестации“, полицейместер добавляет: „В число членов общества, а в особенности клуба, вошли лица политически неблагонадежные, которые желают использовать, в целях революционных, организовавшийся при клубе „кружок разумных развлечений“,—надеясь под покрытием легального учреждения заняться осуществлением партийных задач...

Революционные элементы расчитывают заняться преступной деятельностью во время своих собраний под предлогом выбора пьес, читки ролей и проч., т. е. в то время, когда отсутствует полиция, доступ же агентам затруднителен... Число записавшихся в „кружок разумных развлечений“ около 100 лиц обоего пола, почти четвертая часть которых с предосудительным прошлым в политическом отношении, т. е. лиц, принимавших более или менее активное участие в революционном движении, или сочувствовавших таковому“.

Сделав „открытие“, что союзом приказчиков готовится ни больше ни меньше, как „ниспровержение“... полиция усилила препятствия союзной работе, запретив не только „кружок разумных развлечений“,

но не разрешая ранее практиковавшихся концертов и вечеров в союзном клубе. *)

С 1910 года сызранцы упорно, но безуспешно добиваются изменения устава союза, разрешения реорганизации союзного клуба в общедоступный.

Нельзя не отметить такого парадоксального явления: условием утверждения нового устава губернатор поставил исключение из состава членов союза владельцев магазинов и вообще собственников, а также лиц свободных профессий. Однако эти заботы губернатора о классовой чистоте организации об'яснялись тем обстоятельством, что среди собственников и лиц свободных профессий, состоявших членами общества, как указывалось выше, были лица, примыкавшие к социал-демократам и с-эрам.

Отказываясь исключить из членов общества собственников и лиц, свободных профессий (таковых было до 50%), сызранцы неоднократно просили не считать их общество профессиональной организацией, соглашались на переименование в „Сызранское общество коммерческих служащих и лиц свободных профессий“ и наконец в прошении на имя губернатора

---

*) Интересный, по доходящей, до цинизма, откровенности, пример находим в рапорте г-ру того же сызранского полицеймейстера от 9/XI — 1911 года).

„4 сего ноября от Правления общ. приказчиков была прислана для разрешительной надписи афиша-программа вечера. (Предполагался литературный вечер, посвященный памяти Толстого со вступительной речью М. В.). „В разрешении вечера я отказал, мотивируя свой отказ непредставлением подлинного текста речи. Действительная же причина к отклонению та, что под „вывеской легальнoто учреждения сплотились все левые оппозиционные элементы и т. д.“...

от 28 декабря 1911 г. приказчики просили зарегистрировать их „как общество благотворительное, как бывают общества вспоможения учащим или учащимся в разных учебных заведениях, членами которых состоят лица всяких сословий и состояний...

Вскоре, однако, вопрос разрешился иначе. 31 марта 1912 года от губернатора Ключарева последовало предложение губернскому по делам о союзах присутствию в ближайшем заседании обсудить вопрос о закрытии О-ва в порядке ст. ст. 33—35 временных правил 4 марта 1906 г. Таким образом участь союза была решена. Предложение „обсудить“ вопрос о закрытии, конечно, являлось просто канцелярским слогом изложения. 5 апреля, под председательством самого же Ключарева, состоялось формальное постановление присутствия о закрытии союза“, т. к. руководители общества,—говорится в постановлении,—являющиеся лицами левого направления, Ашанин, Вовк-Росохо и Стрелков, из которых, двое последних прежнею своею деятельностью вполне доказали свое противоправительственное направление—находились в тюрьме, а Стрелков в административной высылке...

„Вне всяких сомнений, что лица эти вполне сознательно, последовательно и неуклонно направляют общество к сближению с социал-демократическими группами, что ближайшим образом выразилось в составлении тенденциозно-резкого журнала от 29 февраля и в посылке копии этого журнала в распоря-

жение социал-демократической фракции госуд. думы". „Общество является виновным в том, что оно уклонилось от своих, предусмотренных уставом, целей и с открытием клуба проявляет деятельность революционного характера, наметив клуб местом преступных собраний, каким являлось собрание, созванное правлением О-ва 29 февраля, на котором обсуждались политические вопросы и весьма резко порицались действия государственного совета" *).

*) Собрание приказчиков, о котором упоминается в постановлении, охватило не только членов союза (на собрании было около 300 челов.), но и всю приказчичью массу и было вызвано походом против нормального отдыха торговых служащих. Самый характер собрания виден из следующей выдержки из его протокола:

„.... Собрание заслушало сообщение о решении комиссии государственного совета по законопроекту о нормировании труда торгово-промышленных служащих, об увеличении торговли в будние дни до 15 часов и допущении торговли в праздничные дни по 5 часов, а также заслушано предложение Ярославского о-ва приказчиков об обращении с ходатайством к председателю и членам государственного совета и государственной думы о защите интересов приказчиков..

Обсудив означенные сообщения,собрание большинством против двух голосов приняло следующую резолюцию:

„Общее собрание торгово-промышленных служащих гор. Сызрани.... обсудив предложение Ярославского общества приказчиков от 7 февраля 1912 г. об обращении к председателю и отдельным членам государственного совета с ходатайством об оказании содействия на проведение через государственный совет закона, нормирующего отдых тор-

гово-промышленных служащих в смысле сокращения будничной торговли до 12 часов и совершенного недопущения торговли в праздничные дни и принимая во внимание:

во-первых, что комиссия государственного совета, рассматривавшая предварительно законопроект, постановила увеличить будничную торговлю до 15 часов в день и допустить торговлю в праздники до 5 часов;

во-вторых, что государственный совет, как и его комиссия, состоят из природных крепостников, привыкших, чтобы на них и день и ночь работали крепостные, которых они до сих пор видят, как в рабочих, так и в приказчиках и что члены государственного совета принимают подобные решения вполне сознательно;

в-третьих, что ходатайство перед подобными господами является совершенно не достигающим никакой цели и унижающим наше достоинство,— постановили: выразить возмущение и протестовать против постановления комиссии государственного совета и обратиться с просьбой о протесте в социал-демократическую фракцию государственной думы и сообщить настоящую резолюцию Ярославскому о-ву приказчиков".

Против выступавших на собрании приказчиков техника Стрелкова и банковского служащего Кожаева было возбуждено судебное преследование, основанное на подлогах, лжесвидетельствах, сфабрикованных жандармами.

Вот что писала по поводу этого процесса буржуазная газета «Утро России» в № от 8 февраля 1913 года. „Тридцать семь подлогов, совершенных судебным следователем Лыжиным, ведшим политическое дело „дашнакцутюн", судебным ведомством признаны столь исключительным явлением, что серьезно возник вопрос об умственной ненормальности чиновника, руководившего дознанием. „Но то, что сделал Лыжин, оказывается, вовсе не представляет абсолютно ничего из ряда вон

выходящего. „Лыжиновщина“, оказывается, широкой волной разлилась по России и пустила прочные корни при дознаниях по так называемым политическим делам, сделалась вполне определенным „бытовым явлением“ современной русской действительности. И вот в то самое время, когда в силу показавшейся исключительности и гнусности преступления Лыжина в министерстве юстиции стал усиленно выдвигаться вопрос об его психической ненормальности, в Симбирске и Владимире—сразу в двух городах—на суде обнаруживаются не менее поразительные злоупотребления, до форменных подлогов включительно, допущенные при производстве дознания по политическим делам.

„В Симбирске палата судила сызранского городского техника Стрелкова и служащего в городском Сызранском же общественном банке Кожаева, якобы призывавших на собрании местного общества приказчиков не более не менее, как к ниспровержению существующего в государстве строя и борьбы с правительством.

Дознание по этому делу вел сызранский жандармский ротмистр, приложивший к делу показания целого ряда свидетелей, показавших, якобы, что Стрелков в своей речи говорил: „Нужно сильным и могучим напором сломить сразу всех поработителей и свергнуть их с пьедестала; только борьбой можно достигнуть равноправия трудящемуся классу“.

А Кожаев призывал „выкинуть всех дармоедов, сидящих в государственном совете“.

И вот на судебном разбирательстве, как передают „Волжские Вести“—выяснилось, что все показания этих свидетелей сфабрикованы самим производившим следствие жандармским ротмистром....

„Целый ряд свидетелей заявил на суде, что каждый из них, заметив, что ротмистр не так записывал их показания, отказывался подписаться, но ротмистр грозил и приказывал подписаться. Меж-

ду тем, ротмистр принял все меры, чтобы угрозы его оказали на свидетелей должное воздействие: один из многочисленных свидетелей, сделавший заявление на суде о неправильно записанных ротмистром показаниях, откровенно признался, что в своем отказе подписаться под ним „особенно упорствовать он боялся, так как допрос производился в подземелье.... страшно было“....

Подсудимые были оправданы.

Созыв общего собрания для избрания ликвидационной комиссии также не был разрешен, в виду того, что правление общества „приняло направление революционное...“ и ликвидация имущества и дел союза была поручена полиции.

Правление союза пыталось обжаловать в сенат постановление губернского присутствия, но на просьбу о выдаче „мотивированного определения, чтобы знать какие конкретные факты послужили основанием к закрытию общества...“ получило следующий ответ:... „В виду незаконного состава правления уже закрытого общества приказчиков и вредного в политическом отношении направления его, а равно ввиду того, что постановление присутствия содержит в себе сведения тайне подлежащие (курсив мой М. В.)... губернское присутствие определяет в выдаче постановления отказать“...

Не помогло обращение к министру внутренних дел и к государственной думе. *)

*) Правление общества обратилось с просьбой поддержки к члену госуд. думы Булату и вот что писал по этому поводу Булат министру Коковцеву:

Милостивый государь, Владимир Николаевич.

«Имею честь препроводить на усмотрение вашего высокопревосходительства копию телеграммы председателя общества взаимного вспоможения приказчиков гор. Сызрани с покорнейшей просьбой сделать возможное, чтобы общество это не было закрыто, *в особенности, если причина закрытия лишь та, которая указана в телеграмме.* (Курсив мой М В.). Неразрешение же избрать ликвидационную комиссию и замена последней полицией является прямо ненужным и материально вредным для общества стеснением.»

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном почтении. А. Булат.

28 апреля 1912 г.
Таврич. дворец.

Дружественная переписка, конечно, не принесла пользы сызранцам.

В конце года группой членов закрытого союза была сделана попытка восстановить союз под новым названием: „Общество торгово-промышленных служащих г. Сызрани.“ Попытка успеха не имела и на поданное заявление и устав последовало такое заключение губернского по общ. присутствия:.. „Принимая во внимание, что устав „профессионального общества торгово-промышленных служащих г. Сызрани“ не отвечает требованиям высоч. утв. правил 4 марта 1906 г. и, что судя по имеющимся в деле данным *), организуемое под указанным наименованием общество пред-

*) Данные, на которые содержится ссылка в постановлении присутствия, есть ни что иное, как донесение сызранского полицеймейстера о том, что главным инициатором организации нового союза является бывший секретарь правления закрытого общества Н. И. Цветков. Что подписавшие заявление об учреждении союза—Беловитин, Симаков и Ананьев — подставные лица и что все они, как и Цветков, в политическом отношении вызывают сомнение.

ставляет из себя ни что иное, как осколок того самаго общества, которое было закрыто в минувшем году за преступную его деятельность,—губ. присутствие постановляет: в зарегистрировании „профессиональное о-ва торг.-пром. служащих гор. Сызрани“ отказать.

Между тем ликвидация закрытого союза затянулась т. к. правление имело ряд долговых обязательств, выполнить которых полиция не смогла. Губернатор был вынужден согласиться на создание ликвидационной комиссии. Эта комиссия, кстати сказать вполне „благонадежная,“ снова направила просьбу министру внутренних дел и в сенат об отмене постановления о закрытии союза. Все ходатайства были возвращены на усмотрение губернатора. Неоднократные ходатайства ликвидационной комиссии перед губернатором с просьбой его „просвещенного покровительства“ (буквальное выражение в прошении М. В.) и разрешения восстановить закрытый союз, при чем эти ходатайства сопровождались обещанием исключить из состава союза всех лиц, которые будут указаны губернатором, закончились предложением губернатора открыть общество на основе, по его указанию редактированного устава. Предложение губернатора было принято, устав разработан.

По „губернаторскому“ уставу задача общества приказчиков сводилась к оказанию вспомоществования своим членам и содействию улучшению их

быта; общество могло, на основании особого разрешения, с соблюдением устава о цензуре, открыть для своих членов библиотеку; общество также могло, на основании особо утверждаемого устава, открыть для своих членов ссудо-сберегательную кассу. Далее на долю губернатора выпала задача „блюсти классовую чистоту“ общества: по новому уставу членами общества могли быть исключительно лица, служащие по найму в торгово-промышленных предприятиях и на положении приказчиков, кассиров, бухгалтеров и конторщиков“...

„Высокое“ положение автора устава общества обеспечило ему (уставу) прохождение через „чистилище“ губернского по делам об обществах присутствия. 8 августа 1914 года устав общества был зарегистрирован.

Но, хотя „восприемником“ был сам губернатор, общество, подлинно, „вместе с рождением прияло смерть свою“... Никакого следа существования этого общества нам не удалось найти...

Из других организаций, возникших в губернии в этот период между двумя революциями, можем отметить „сызранское общество лиц счетоводной профессии“, возникшее в 1910 году и которого мы частично касались выше.

В 1911 году в Симбирске открылось отделение „общества русских землемеров“ и в начале 1914 г. было зарегистрировано „Сызранское общество фельдшеров. Но все эти общества, как и уцелевшие от

периода первой революции приказчичьи организации Промзина и Алатыря были малочисленны и слабы и их значение, даже в масштабе движения Симбирской губернии, было невелико, а начавшаяся мировая война и с новой силой поднявшаяся реакция подкосила их под самый корень...

Таков путь рабочего движения в Симбирской губернии.

Обусловленное своеобразным хозяйственным укладом губернии—с одной стороны и незначительным по количеству, „слабо вываренным в фабричном котле,“ не порвавшим с землей и деревней пролетариатом, отдаленностью наиболее значительных групп этого пролетариата (например текстильных рабочих) от центров, где бился революционный пульс,—симбирское рабочее движение не блещет ни яркостью эпизодов борьбы, ни большой организованностью, ни широтой размаха, какой свойственен рабочему движению промышленных районов...

Но именно то обстоятельство, что в этих глухих „медвежьих“ углах, в паучьих гнездах разных Кузнецовых и Протопоповых, временами вполне самобытно, без тени влияния социалистически и революционно настроенной интеллигенции, в полуремесленной, полукрестьянской массе вспыхивали искры классовой борьбы, зарождались первичные классовые организации, придает движению особое значение и должно вызывать к нему значительный интерес...

И если в жандармско-полицейской обстановке зарождавшиеся рабочие организации были худосочны и хилы и, в конце-концов, погибали, то теперь, уже на основании повседневных фактов, мы можем утверждать, что брошенные ими семена классовой борьбы не пропали даром...

00573

Цена 90 коп.